

W

222 87
КРБ

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

И

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ РОССИИ

ПРИ

ПЕТРЪ ВЕЛИКОМЪ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

Александра Архангельскаго.

БИБЛИОТЕКА
Император. дух. академ.
отд. IV № 2-4-61
Кол. № 2589

КАЗАНЬ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1883.

Оглавленіе.

Стр.

I. Духовное образованіе при Петрѣ Великомъ.	
1) Умственное и нравственное состояніе духовенства при Петрѣ В. по Посошкову	3.
2) Идеалы и проекты духовной школы а) Посошкова, б) Южно-русскихъ просвѣтителей и в) Теофана Прокоповича (по «Духовному Регламенту»)	9.
3) Осуществленіе означенныхъ идеаловъ и проектовъ на практикѣ. Препятствія, встрѣченныя ревнителями духовнаго образованія при устройствѣ школъ	26.
II Духовная литература при Петрѣ В.	
1) Учебники и пособія, написанные для школъ по разнымъ предметамъ преподаванія въ нихъ	43.
2) Сочиненія по догматическому богословію	62.
3) Полемически апологетическія сочиненія духовныхъ писателей Петровской эпохи	83.
4) Сочиненія противъ протестантизма.	93.
5) Противораскольническая литература при Петрѣ В.	120.
6) Проповѣдническая литература	146.
7) Разныя нравственно назидательныя и толковательныя сочиненія	193.
8) Общій взглядъ на духов. литературу Петровской эпохи	200.

№ 1058

1883

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

КАЗАНСКАЯ АКАДЕМИЯ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

№ 10

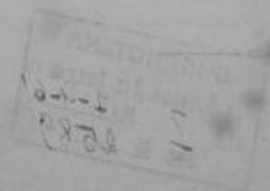
КАЗАНЬ

Печатать разрешается определением Совета Казанской духовной академии от 11-го мая 1883 года.

Ректор академии протоиерей А. Владимирский.

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

1883

духовное образование и нравственное состояние духовенства в петровскую эпоху. Вопрос об образовании духовенства занимает одно из самых видных мест в истории России до Петра Великого. Это потому, что на духовном сословии исключительно лежала обязанность просвещать русский народ; умственное развитие последнего шло только в религиозном направлении и непосредственно зависело от служителей церкви. Благодаря различным историческим обстоятельствам, практическое решение этого важного вопроса было далеко неудовлетворительно, несмотря на неоднократные попытки передовых людей до-петровского времени привести его к более или менее благоприятному концу. Препятствий к просвещению было множество, и средства бороться с ними были ничтожны. Цельная столетия тянулась на Руси (скажем словами Шапова) замечательная по своей перипетичности борьба двух партий — приверженцев образования и защитников невежественной старины, борьба света с тьмою, разума с предрассудками, о счастливом или не счастливом окончании которой нельзя было ничего предсказать. С одной стороны, немногочисленные поборники просвещения были тупыми к наукам, желали навязать писаний и, если это им не вполне удавалось, с благородным смирением сознавались в недостаточности своих сведений, глубоко сожалея о том, что «училища николыже видѣли»; с другой — их про-

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ РОССИИ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ

1) Умственное и нравственное состояние духовенства в петровскую эпоху. (Вопрос об образовании духовенства занимает одно из самых видных мест в истории России до Петра Великого. Это потому, что на духовном сословии исключительно лежала обязанность просвещать русский народ; умственное развитие последнего шло только в религиозном направлении и непосредственно зависело от служителей церкви. Благодаря различным историческим обстоятельствам, практическое решение этого важного вопроса было далеко неудовлетворительно, несмотря на неоднократные попытки передовых людей до-петровского времени привести его к более или менее благоприятному концу. Препятствий к просвещению было множество, и средства бороться с ними были ничтожны. Цельная столетия тянулась на Руси (скажем словами Шапова) замечательная по своей перипетичности борьба двух партий — приверженцев образования и защитников невежественной старины, борьба света с тьмою, разума с предрассудками, о счастливом или не счастливом окончании которой нельзя было ничего предсказать. С одной стороны, немногочисленные поборники просвещения были тупыми к наукам, желали навязать писаний и, если это им не вполне удавалось, с благородным смирением сознавались в недостаточности своих сведений, глубоко сожалея о том, что «училища николыже видѣли»; с другой — их про-

тивники, люди до фанатизма и безъ разбора консервативные, неподвижные, „мнили ся быти учителя“ (по выражению кн. Курбскаго) и убѣждали любопытныхъ юношей „не читать книгъ многихъ“, чтобы „ума не изступитъ“. Благомыслящие люди искали мудрости у свв. оо. греко-восточной церкви, пытались ознакомить читающее общество, кромѣ часослова и псалтири съ отеческими твореніями на греческомъ и латинскомъ языкахъ; стали приобретать даже не одни церковныя книги, но и книги полезныя для свѣтскаго образованія; но старовѣры ужасались такого либерализма; „хапающимся за чужія языци угрожали проклятіемъ вселенскаго собора“, ревностно охраняя, въ тоже время, свое сокровище. — древнія книги съ застарѣвшими грубыми ошибками, побуждая тѣмъ самымъ правительство цѣлыми кучами сожигать это сокровище, въ устраненіе соблазна. Книги, наконецъ, стали рѣдкостью, а въ духовенствѣ и народѣ замерла потребность просвѣщенія; они сошлись, поровнялись вкусами и въ значительной мѣрѣ потеряли чувствительность къ различію нравственнаго и безнравственнаго. Богословствованіе сводилось къ вопросамъ: на какомъ деревѣ удавился Иуда? коего мѣсяца сотворилъ Богъ Адама? и т. п., да и въ этомъ видѣ служило развлеченіемъ для немногихъ; нравственность же и религіозность часто понимались какъ обрядовая только исполнительность. Расколъ буйно возставалъ на патріарховъ и на соборы. Маеса невѣжественнаго люда, оставляя законныхъ пастырей, съ энтузіазмомъ слушала таинственныя рѣчи лжеучителей о пришествіи антихриста, о близкой кончинѣ міра; пророками сдѣлались колдуны, вѣдуны, волхвы, чародѣи, лихія бабы и т. п., невозбранно обоготавшіеся насчетъ народа. Церковь Божія, къ которой такъ радѣлъ когда-то русскій человекъ, обывалась мерзостію запустѣнія, и дѣйствительно тысячами теряла своихъ чадъ; на святой Руси пошла поговорка: „что ни мужикъ, то вѣтра, что ни баба-толокъ“. А пастырей добрыхъ мало было, и ихъ нѣгдѣ было взять. Во священники по-

ступали безграмотные мужики, нерѣдко изъ холопей, которые такъ и оставались холопами до гробовой доски: ряса не покрывала ихъ умственного убожества и не сообщала имъ должнаго авторитета. Вѣдность, дививная духовенство, держала его въ прямой зависимости отъ миродѣвъ, отнимала у него послѣднюю возможность подняться нравственно. О состояніи приходовъ не представлялось никакой отчетности. Высшая церковная іерархія мало знала опредѣленнаго о томъ, что творилось по епархіямъ. Безначаліе простиралось и на многіе монастыри; тамъ также мало по малу падала строгость нравовъ, и туда проникала распущенность; прежніе расадники просвѣщенія, они теперь дѣлались пріютомъ лѣни и невѣжества. — Темныхъ сторонъ въ русской жизни до Петра Великаго такъ много, что они почти совсѣмъ затѣняютъ свѣтлая, а потому картина этой жизни выходитъ всегда мрачною.

Во времени Петра Великаго, во второй половинѣ 17 ст., стали появляться въ Москвѣ кievскіе ученые. Типъ ихъ хорошо извѣстенъ. На первыхъ порахъ они были приняты въ столицѣ не благосклонно, чему причиною отчасти служили они сами, а отчасти — неразборчивая подозрительность ихъ противниковъ, вѣдвшихъ въ южно-русскомъ духовномъ образованіи явные слѣды католицизма. Дѣятельность кievцевъ на сѣверѣ, поэтому, не принимала широкихъ размѣровъ и до начала 18 ст. не принесла здѣсь существенно важныхъ плодовъ, вслѣдствіе чего у историковъ петровской эпохи встрѣчаются тѣже жалобы на невѣжество духовенства и деморализацію народа, какія слышались и раньше.

Характернымъ памятникомъ этихъ жалобъ служить, между прочимъ, „книга о скудости и богатствѣ“ крестьянина Ивана Посошкова. Отъ природы умный и любознательный, Посошковъ усердно заботился о своемъ самообразованіи; горячо любя Россію, онъ прилежно читалъ все, что могло познакомить его съ ея прошедшимъ, съ ея исторіей и съ ея настоящимъ,

современнымъ ему положеніемъ. Матеріальныя средства къ пріобрѣтенію книгъ и записокъ у него были. Посошковъ глубоко скорбѣлъ объ упадкѣ православія, религіозности въ русскомъ народѣ и объяснялъ этотъ печальный фактъ вѣковымъ невѣжествомъ духовенства; отъ образованія же духовнаго сословія онъ ожидалъ всего лучшаго въ данномъ случаѣ для своихъ соотечественниковъ. „Аще будутъ, писалъ онъ, въ духовномъ чинѣ люди неученые, въ писаніи неискусныя и вѣры христіанской всесовершеннаго основанія невѣдущія и воли Божіей неразумѣющіе, кому же аще будутъ плъницы и янаго всякаго безумія и безчинства наполнены, то благочестивая наша вѣра вся исказится и весьма испразднится, и вмѣсто древняго единогласнаго благочестія вси раздутыя въ разногласныя расколы и во иныя еретическія вѣры“. Доказательство этой мысли у него было подъ руками. „Отъ пресвитерскаго небреженія, говоритъ онъ, уже много нашего россійскаго народа въ погибельныя ереси уклонилось.... въ древнемъ же благочестіи уже малая часть остается, ибо въ великомъ Новгородѣ едва и сотая часть обрящется древняго благочестія державшихся“. Невѣжество духовенства положительно удивляло Посошкова. Между столичными священниками встрѣчалъ онъ такихъ, которые не умѣли ничего сказать „противъ заданія татарки“, — „что же можетъ рещи (спрашиваетъ онъ) сельскій попъ, иже и вѣры христіанскія, на чемъ основана, не вѣдаетъ?“ — Безъ знанія сущности вѣры и ея основъ, конечно, немислима была проповѣдь. И она давно замолкла на Руси; это и не удивляло Посошкова, какъ дѣло обыкновенное. Больше онъ смущался тѣмъ, что богослуженіе отправлялось „наугадъ, какъ кому правмыслится“, за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда его совершали „той пресвитеръ, кой довольно время былъ въ городѣ при соборѣ, или при разумномъ пресвитерѣ въ подначальствѣ. А буде кой подъ началомъ не много побылъ, продолжаетъ Посошковъ

то ничего, и по книгамъ отправить не могъ“ (1). Жалуюсь на безнравственность духовенства, Посошковъ преобладающими и особенно предосудительными пороками его называетъ пьянство и корыстолюбіе (2), развившіяся влѣдствіе матеріальной и духовной бѣдности клириковъ, не имѣвшихъ другихъ средствъ къ жизни, кромѣ вымогательства за требы, вознагражденій за укрывательство раскольниковъ, за поблажку прихожанамъ, или наконецъ, кромѣ прибытковъ съ земледѣльческаго промысла, которымъ доводилось заниматься лично и священникамъ, — не имѣвшихъ болѣе высокихъ наслажденій, какъ залить горе виномъ, или отпраздновать радость въ пьяной компаніи. Не стѣняясь саномъ и своимъ высокимъ положеніемъ въ средѣ мірянъ, клирики производили соблазнъ безобразнымъ поведеніемъ на улицахъ и дома (3). Такимъ образомъ получалось не воспитательное, а напротивъ, деморализующее вліяніе со стороны пастырей на паству. — Въ своей краткой характеристикѣ духовенства Посошковъ еще многого не договариваетъ. Какъ поклонникъ духовнаго чина, онъ, можетъ быть, и нарочно умалчиваетъ о его нѣкоторыхъ порокахъ, и скорѣе переходитъ къ изысканію мѣръ исправленія клира. Средства къ тому, чтобы священный чинъ освободился „отъ своихъ неключимствъ, чтобы въ Россіи возсіялъ яко новый свѣтъ и люди прямо стали разумѣть, какъ Бога знать и какъ Его молить и какъ угодниковъ Божіихъ почитать и въ помощь себѣ призывать и какъ все житіе свое христіанское вести“ — у Посошкова предлагаются тѣ же, какія предлагались и раньше его, т. е. школы для дѣтей духовенства. „Ради священнической неисправности (читаемъ главѣ о духовности) надлежитъ о священницѣхъ великое попеченіе имѣти“, т. е. „во всехъ епар-

(1) Книга о скудости и богатствѣ, гл. 1, стр. 9, 10, 14, 21, 22.

(2) Стр. 21, 10.

(3) Стр. 21.

хіяхъ построить школы пространныя и въ тѣ школы собрать всѣхъ поповыхъ и дьяконовыхъ и дьячковыхъ и пономарскихъ дѣтей, отъ градекихъ и отъ уездныхъ, отъ десятилѣтнихъ даже до двадцати-пяти-лѣтнихъ; и буде которые отцы добромъ ихъ въ школы отпустить не похотятъ, то брать бы ихъ и неволю^а. Не бывшихъ въ школы не допускать до пресвитерства и дьяконства. При такомъ условіи, причетники, желающіе повышенія по службѣ, не задумаются и тридцати лѣтъ поступать въ ученіе; какъ люди взрослые, они пройдутъ курсъ образованія въ два-три года. „И такимъ способомъ (мечталъ Посошковъ) вся Россія можетъ умудриться не весьма многими лѣты; сіе преславное дѣло трудно только начати да основати, а тако будетъ оно и само правится: понеже ученіе умнымъ и острымъ людямъ весьма охотно и полезно бываетъ^(*)“.

Насколько Посошковъ былъ правъ въ своихъ надеждахъ на скорое просвѣщеніе Россіи, это выяснится ниже. Здѣсь же замѣтимъ, что не одинъ Посошковъ задумывался надъ вопросомъ объ образованіи духовенства. Всѣ лучшіе люди разсматриваемой эпохи, близко стоявшіе къ интересамъ духовенства, потрудились въ пользу его образованія или словомъ или дѣломъ. Стефанъ Яворскій, Теофанъ Прокоповичъ, св. Дмитрій Ростовскій, Іовъ Новгородскій, Іоаннъ Максимовичъ, Гавріилъ Бузияскій, Елифаній Бѣлоградскій и др., подъ покровительствомъ государя, неутомимо преслѣдовали разъ поставленную цѣль—хоть сколько нибудь поднять уровень религіозно-нравственнаго развитія кlera. Сообразно съ своими собственными научными симпатіями и взглядами на нужды Россіи въ данномъ случаѣ, они дѣйствовали не одинаково относительно характера, программы обученія, не одинаковыя трудности преодолевали на пути къ своей цѣли, не одинаковыми средствами пользова-

(*) О Духовности, стр. 11 и 12.

лись для ея достиженія, но ихъ объединяла общая цѣль и общая ревность въ трудѣ. Честь основанія и поддержки школъ принадлежать имъ вполне. Правительство только содѣйствовало имъ своимъ авторитетомъ, санкционировало ихъ трудъ указами, хотя послѣдніе нерѣдко впрочемъ шли въ разрѣзъ съ интересами духовно-училищнаго дѣла и тормозили его.

2) Духовныя школы въ петровскую эпоху. Главныхъ дѣятелей, заботившихся объ устройствѣ школъ при Петрѣ, можно раздѣлить на три разряда. Одинъ составляли лица, получившія образованіе на сѣверѣ Россіи, самоучкой, путемъ простой начитанности, образованіе не систематическое и чуждое иностраннаго элемента; сущность его состояла въ знакомствѣ съ св. писаніемъ, святоотеческими произведеніями и съ русской духовной литературой. Другой разрядъ состоялъ изъ лицъ, образованныхъ въ южно-русскихъ школахъ (преимущественно въ кіевской коллегіи) и вывезшихъ оттуда любовь къ схоластической наукѣ. Къ третьему разряду слѣдуетъ отнести людей, знакомыхъ съ схоластической наукой, но не питавшихъ къ ней особенныхъ симпатій, даже предпринимавшихъ борьбу противъ ея крайностей. Представители всѣхъ этихъ разрядовъ волей-неволей, оставили слѣды своего воспитанія на тѣхъ школахъ, которыя были ими основаны или находились подъ ихъ надзоромъ, хотя духовное правительство старалось установить общую норму въ образованіи будущихъ служителей церкви, составило программу предметовъ обученія и предписало возможности держаться ея.

Самый простой проэктъ устройства духовной школы и самую простую программу обученія въ ней находимъ у Посошкова, человека мало знакомаго съ училищными порядками, но хорошо понимавшаго насущныя потребности русскаго народа и духовенства въ частности. Не надѣясь исключительно на себя самого, онъ подавалъ свои „писанія“ и „доношенія“ относительно духовныхъ школъ митрополиту Стефану Явор-

скому, какъ болѣе компетентному судѣ въ данномъ случаѣ. На первомъ планѣ у Посошкова стоитъ грамматика. Ее онъ совѣтуетъ исправить и сдѣлать общедоступною, такъ чтобы она изучалась любителями грамоты безъ помощи учителя. (1) Потомъ, по его проекту, при школѣ долженъ быть „духовный учитель“, подъ руководствомъ котораго можно было бы „учиться и празумляться всякому благочестію и страху Божию и священнаго писанія толковать и всякому доброму нраву навикати и въ допытаніяхъ подтверждаться“. Т. е. обязанности духовнаго учителя, говоря подробнѣе со словъ Посошкова, было: чрезъ толкованіе св. Писанія преподавать основныя христіанскія истины, религіозныя и нравственныя — научить будущихъ пастырей „церковному обхожденію“, при чемъ особенное вниманіе обращать на литургію; упражненіями въ диспутахъ развить въ ученикахъ полемическую способность, необходимую въ священникѣ, когда его паства смущается расколомъ и другими „еретическими лжеученіями“; слѣдить за благоповеденіемъ воспитанниковъ, узнавать ихъ нравственныя наклонности и умственныя способности: лучшихъ отмѣчать, какъ особенно годныхъ для церковнаго служенія, и попреимуществу готовить ихъ къ принятію сана. Обязанности свѣтскаго учителя у Посошкова не выяснены. Реторику и философію Посошковъ допускаетъ въ школѣ какъ роскошь и назначаетъ ихъ только для самыхъ даровитыхъ учениковъ. При школѣ должна быть биб-

(1) Грамматикъ Посошковъ давалъ особенное значеніе. Онъ разсуждалъ: невѣжество народа зависитъ отъ невѣжества духовенства; послѣднее невѣжественно, потому что безграмотно; его нужно научить читать книги (въ механическомъ смыслѣ читать); слѣд. нужна „добрая грамматика. Полагаясь на грамматику и руководясь личнымъ опытомъ, онъ, какъ самоучка, на первыхъ порахъ какъ будто не признавалъ нужды въ школахъ и больше полагался на самообученіе. „Если намъ только въ школахъ учиться всякаго благоразумія (писалъ онъ), то чавъ на посто дѣтъ намъ не научится будеть“. Довошеніе м. Стефану Яворскому. Изд. М. Погодина, ч. 1, стр. 312. Хр. Чт. 1878 г. Прилѣжева. „О невѣданныхъ сочиненіяхъ Посошкова.“

ліотека — изъ книгъ, главнымъ образомъ, духовнаго содержанія (2). Подготовивъ ученика теоретически къ его будущему служенію и сообщивъ ему добрыя навыки, Посошковъ напутствуетъ его изъ школы практическими совѣтами, пригодными для него въ ежедневномъ обращеніи съ паствою. Чтобы оградить дѣятельность священника въ приходѣ отъ незаслуженныхъ нареканій и сообщить ей нормальную законность, онъ пишетъ проектъ о церковныхъ документахъ, о книгахъ родильныхъ, крестильныхъ, исповѣдальныхъ, причащальныхъ, въичальныхъ и описныхъ (3). Наконецъ, Посошковъ пытается рѣшить и вопросъ о материальномъ бытѣ духовенства.

Какъ видимъ, проектъ Посошкова не отличается ни обширностію, ни новизною взгляда, ни особенною отчетливостію. Онъ выросъ на почвѣ тогдашняго великорусскаго образованія, не подвинувшагося дальше священныхъ и церковныхъ книгъ и державшагося исключительно на переводной и подражательной русской духовной литературѣ, хотя, нужно сознаться, этотъ проектъ хорошо примѣнялся къ современнымъ насущнымъ нуждамъ духовенства. Отсутствие новизны и оригинальности взгляда въ немъ и послужило, кажется, причиною непопулярности его въ петровскую эпоху, эпоху всевозможныхъ новшествъ и крутыхъ реформъ. Правда, у Посошкова встрѣчаются мечты объ устройствѣ „академіи великой“, т. е. высшей духовной школы, но составъ этой академіи у него совсѣмъ не обрисованъ и сказать о ней что нибудь опредѣленное вельзя. Школа, рекомендуемая имъ для каждой епар-

(2) Для составленія библіотекъ рекомендуется напечатать довольное число Библій, маргаритовъ, сборниковъ учительныхъ, толковыхъ евангелій и апостольскихъ бесѣдъ, четьехъ-наеиъ и другихъ церковныхъ книгъ, Камень астры, Розыскъ и Зерцало очевидное (написанное самимъ Посошковымъ), Пращица и если можно, сочиненія противъ древнихъ ересей и противъ католичества и протестантства.

(3) Хр. Чт. 1878 г. Прилѣжева, стр. 62 и дал.

хив, тоже не отчетливо представлена въ его проэктѣ, — нѣтъ самыхъ необходимыхъ подробностей: предметы обученія у Посошкова не перечислены, нѣтъ у него и указанія, въ какихъ размѣрахъ должна была проходиться та или другая наука, нѣтъ, наконецъ, правилъ инструкціи, которая опредѣляла бы дѣйствія учениковъ и наставниковъ. Все дѣло въ Посошковской школѣ сводится къ вразумительному чтенію книгъ духовнаго содержанія подъ руководствомъ учителя и къ диспутанціямъ, въ которыхъ учитель, по Посошкову, имѣетъ легкое средство распознавать способности и склонности учениковъ, годныхъ или негодныхъ въ духовное заведеніе. Въ дополненіе къ чтенію грамматическому и духовному, находимъ у Посошкова совѣтъ давать питомцамъ книги „бытскія“. Что онъ разумѣлъ подъ этими книгами, сказать трудно; ясно только, что онъ отводилъ имъ второстепенное мѣсто. „Не худо бы давать имъ (ученикамъ) и лѣтописныхъ книгъ почитать, чтобы обо всемъ знали, что доселѣ бывало“, говоритъ въ заключеніе Посошковъ, и опять говорить общо, безъ подробностей, какъ человекъ мало знакомый съ дѣломъ, за которое взялся, а только умный и благожелательный.

Воспитанники южно-русскихъ училищъ, вызванные Петромъ В. въ Москву, принесли съ собой свой идеалъ образованія и старались осуществить его въ подвѣдомственныхъ имъ школахъ. Этотъ идеалъ былъ приваженъ за норму и правительствомъ, хотя не безъ нѣкоторыхъ измѣненій и дополненій, внесенныхъ къ нему составителями духовнаго Регламента. — Киевская коллегія, послѣ ея преобразованія Петромъ Могоилою, стала копіею съ коллегій западныхъ, т. е. ввела у себя схоластическую методу преподаванія, допустила господство латинскаго языка, по классамъ раздѣлялась на фару, инфиму, грамматику, синтаксисъ, поэзію, реторику, философію и богословіе, поведение учениковъ опредѣлила точными правилами. Цѣль образованія заключалась главнымъ образомъ въ томъ, чтобы вос-

питать въ школьничкахъ хорошихъ диспутантовъ и полемистовъ на зашитую православія противъ католицизма. Сообразно съ этою цѣлію, преподавались здѣсь: реторика, философія и богословіе, за образецъ которыхъ взяты были системы западныхъ ученыхъ, съ опущеніемъ откровеннаго, догматически противорѣчившихъ духу православія. До 18 в. кievская коллегія была единственнымъ образованнымъ училищемъ въ Россіи; питомцы ея были образованнѣйшими людьми въ русскомъ духовенствѣ. Не удивительно, поэтому, что Петръ приказалъ (въ 1701) митрополиту Стефану Яворскому и въ Москвѣ учредить академію съ „латинскими ученіями“. Изъ Киева, по распоряженію государя, приглашены были учителя и подготовленные ученики; съ ними перешли въ Москву и кievская учебная программа и школьная администрація. Короче сказать, на сѣверѣ Россіи явилось училище южно-русскаго типа, училище образцовое для другихъ духовно-учебныхъ заведеній, которыя тогда одно за другимъ начали появляться по епархіямъ.

„Ученія латинская“ нашли себѣ кредитъ на практикѣ во вновь устроявшихся школахъ какъ потому, что утверждены были правительствомъ, такъ и потому, что имъ симпатизировали многие епархіальные архiereи (южно-руссы по происхожденію), подъ непосредственнымъ надзоромъ которыхъ состояло училищное дѣло, хотя многимъ школамъ, или за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ, или за неимѣніемъ хорошихъ учителей, программа кievской коллегіи была далеко не по силамъ. Напримѣръ, въ Ростовѣ, св. Димитрій, основавъ школу (въ 1702 г.) ввелъ въ ней изученіе латинскаго языка, не смотря на то, что по стѣпеннымъ обстоятельствамъ, не могъ рассчитывать на процвѣтаніе своего заведенія (оно скоро и закрылось) и съ большою пользою для дѣтей могъ бы употребить лишніе часы на основательнѣйшее ученіе предметовъ, специально отвѣчавшихъ ихъ будущей профессіи. Благодаря учителямъ — малороссамъ, прибывшимъ въ Ростовъ вмѣстѣ съ митрополитомъ, мальчики здѣшней школы

принуждены были изучать еще польскій и греческій языки. Латинскій языкъ былъ введенъ и въ Черниговской епархіальной школѣ (основ. въ 1700 г.), которая тоже не могла похвалиться особливими успѣхами педагогическаго дѣла и поступила бы лучше, если бы главное вниманіе обратила на русскій языкъ и др. болѣе необходимыя и доступныя дѣтямъ духовенства предметы. Покровителемъ этой школы былъ Іоаннъ Максимовичъ. Въ Смоленскѣ—тоже самое: м. Дорошею Короткевичъ и учитель Іоасафъ Маевскій сформировали въ 1714—15 гг. училище „по реторику“ по образцу кievской коллегии, которое чрезъ при года, со смертію Дорошея, осталось съ 19-ю учениками, проходившими уже только чтеніе, письмо и пѣніе⁽¹⁾. Лучше шло преподаваніе въ бѣлоградской школѣ, основанной еп. Епифаніемъ. Тамъ нашли возможнымъ открыть семь классовъ (по философію); численность учениковъ доходила до сорока человекъ; въ каждомъ классѣ занимался особый учитель. Но отсутствіе хорошей бібліотеки и достаточныхъ матеріальныхъ средствъ и здѣсь сильно вредило дѣлу, такъ удачно начатому. Въ рязанской школѣ, съ тѣхъ поръ какъ она поступила подъ покровительство Гавріила Букинскаго, изучали: букварь, славянскую грамматику, часословъ и псалтирь. Кажется—въ чему тутъ латинскій языкъ? А онъ былъ введенъ. Въ Казанской школѣ при м. Тихонѣ пятеро учениковъ изучали: „букварей на изусть и толкованій грамматическихъ четырехъ статей, орфографіи, этимологіи, просодіи орфографіею и синтаксисъ осми частей слова, уравненій, окончаній родовъ, склоненій, спряженій; также діалекта латинскаго, вокабулы, сентенцій, деklinацій и регулъ со объясненіями и писанія того же діалекта, о седми тайнахъ церковныхъ, гратуляцій и привѣтствій различныхъ, комедійныхъ акцій... также интермедій; ариметическихъ

(1) Прав. Соб. 1878 г. ноябрь, стр. 41—2.

частей, нумераціи, аддиціи, субстракціи, мультипликаціи и прочаго обхожденія политическаго, изъ семинаріи принадлежащаго“. Если все эти, по существу не мудренныя вещи, преподавались на такомъ же варварскомъ „діалектѣ“ то школьникамъ, конечно, не легко было усвоить ихъ, а преподавателемъ былъ „учитель польской породы Василій Свентицкій“. (1) Школа улучшилась при преосвящ. Сильвестрѣ. Онъ выстроилъ удобный домъ для помѣщенія училища и прислалъ средства для его содержанія.—Вообще нужно замѣтить, что епархіальныя училища разсматриваемой эпохи постановкой учебнаго дѣла не въ силахъ были осуществить педагогическихъ плановъ, указанныхъ законодателями, копировавшими школьную программу съ академической. De facto эта программа выполнялась только въ академіяхъ кievской и московской, находившихся въ исключительныхъ, сравнительно благоприятныхъ условіяхъ—матеріальныхъ и административныхъ. На ряду съ академіями по успѣху учебнаго дѣла стояла одна только школа Новгородская. Она при своемъ основаніи имѣла счастье пользоваться услугами просвѣщенныхъ братьевъ Лихудовъ и покровительствомъ безкорытнаго ревнителя духовнаго образованія м. Іова. На сколько солидно велось здѣсь обученіе, видно изъ того, что она служила въ свое время какъ бы учительскимъ институтомъ для другихъ училищъ; ея ученики основали до 16-ти низшихъ школъ въ предѣлахъ новгородской епархіи; самъ гоударь смотрѣлъ на нее, какъ на образцовую школу, посылалъ туда дворянскихъ недорослей для обученія и иностранныя книги для перевода,—порученія какия выпадали только на долю академіи. (2)

(1) Отчетъ Св. Синода, поданный въ Берков. Тайный сенатъ въ 1727 году, Некарескій, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ стр. 109—21.

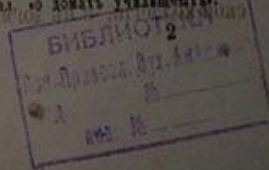
(2) О новгородскихъ школахъ см. ст. Прилежова, Хр. Чт. 1877 года, мартъ—апрѣль, стр. 331—70.

Изнанное участие латынью при Петре В. съ одной стороны служило причиною малодоступа школы, о чемъ будетъ сказано ниже, съ другой—мѣшало учителямъ и ученикамъ сосредоточить свое вниманіе на предметахъ специально-духовнаго образования, близкое знакомство съ которыми, какъ мы видѣли у Посошкова, было скорѣе всего нужно для людей, готовившихся на церковныя должности.

Представителемъ и выразителемъ симпатій въ духовно-училищномъ дѣлѣ со стороны лицъ, получившихъ схоластическое образование, но не сочувствовавшихъ его крайностямъ выступаетъ Теофанъ Прокоповичъ, составитель „духовнаго Регламента“, въ которомъ изложены правила касательно устройства школы. Своимъ содержаніемъ „духовный Регламентъ“ въ статьѣ о школахъ обнимаетъ дидактическую и педагогическую сторону училищнаго вопроса и значительно опережаетъ какъ проектъ Посошкова, такъ и программу кievской коллегии. Прежде всего въ трактатѣ Регламента „о домахъ училищныхъ“ останавливается на себѣ вниманіе обычное въ сочиненіяхъ Ѳ. Прокоповича предисловіе, гдѣ разоблачается несостоятельность все еще крѣпкихъ въ петровскую эпоху предрасудковъ противъ образования. Заносчиваго, самолюбиваго невѣжества, убѣдительно доказывающаго, что почью свѣтлѣе, тѣмъ днѣе, Теофанъ положительно не могъ сносить. И въ проповѣдяхъ, и въ крупныхъ сочиненіяхъ, и въ учебникахъ, въ родѣ „Перваго ученія“ отроковъ, и законодательнымъ путемъ онъ жестоко возставалъ противъ него и беспощадно осмѣивалъ съ свойственнымъ ему рѣзкимъ остроуміемъ. Умственная неповоротливость раскольниковъ и схоластическая пустота, прикрытая фразой, были одинаково ненавистны Прокоповичу, одинаково возбудительно дѣйствовали на его сатиру. Искренняя вѣра въ прогрессъ Россіи руководила имъ всегда въ его общественной дѣятельности. Какъ человекъ умный, онъ ясно видѣлъ въ современной жизни тѣ же недостатки, что и Посошковъ; какъ человекъ образо-

ванный, знакомый съ западными коллегами, основательно цѣнившій плоды просвѣщенія, которые онъ видѣлъ на каждомъ шагѣ въ заграничныхъ земляхъ, онъ еще меньше Посошкова могъ помириться съ грустнымъ положеніемъ своего отечества; какъ лицо высоко-поставленное, любимецъ государя, онъ располагалъ и большими средствами къ осуществленію своихъ желаній. Отъ благотворной силы науки онъ ждалъ всего лучшаго для государства, а отрицающимъ эту силу смѣло указывалъ на очевидные факты, какъ дѣлалъ и Посошковъ. „Когда цѣль свѣта ученія, пишетъ Теофанъ въ предисловіи, нельзя быть доброму церкви поведенію и нельзя не быть нестроению и многимъ смѣха достойнымъ суетвріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересемъ“, и доказываетъ свою мысль историческими примѣрами изъ церковной и гражданской жизни. „Впрочемъ, продолжаетъ онъ, сіе вѣрнѣе наблюдать подобаетъ, чтобы было ученіе доброе и основательное, ибо есть ученіе, которое имени того недостойно. Обычно вопрошаютъ мнози: въ которыхъ школахъ былъ овеница, и когда услышатъ, что былъ онъ въ ятаровкѣ, въ философіи и въ богословіи, за единия тѣя имена ставятъ высоко человека, въ честь часто погрѣшаютъ“. Нередко изъ школы выходять люди поверхностно образованные, познакомившіеся только съ громкими названіями наукъ, „вкусившіе привиденнаго и мечтательнаго ученія“; они бывають глупѣе и вреднѣе неученыхъ, „ибо весьма темни суще, мнятъ себя быти совершенныхъ, и помышляя, что все, что либо звать мощно, познали, не хотять, но ниже думаютъ честь книги и больше учиться. Когда, вопреки, прямиимъ ученіемъ просвѣщенный человекъ, никогда сытости не имѣть въ познаніи своемъ, не престанеть никогда же учиться, хотя бы онъ и маусанловъ вѣкъ прожилъ (*). Люди „съ привиденнымъ знаніемъ вредны для церкви

(*) Регламентъ духовный, гл. 41 и дал. о домахъ училищныхъ.

и государства: они — виновники разных лжеучений, враги законной власти и гордецы, всегда считающие себя достойными занять высокие должности, постоянно ошибаясь в своих мнѣніяхъ, никогда не сознаютъ собственныхъ ошибокъ изъ за пустаго самолюбія. Не такихъ людей должна воспитывать рациональная школа, въ каковой имѣеть настоящую нужду Россія. Далѣе Прокоповичъ предлагаетъ „чинъ ученія“ въ проектируемой школѣ. Курсъ ея — осмилѣтній. Въ продолженіи перваго года ученики, по Регламенту, проходятъ грамматику вмѣстѣ съ географіей и исторіей; во второй годъ преподается арифметика съ геометрией; въ третій — логика или діалектика; въ четвертый — риторика „купно или раздѣльно съ стихотворнымъ ученіемъ“; въ пятый — физика съ краткой метафизикой; въ шестой — политика (по руководству Пуффендорфа взамѣнъ ионики); въ седмой и восьмой — богословіе. Какъ видимъ, разница между этой программой и той, какава была въ кievской, а за тѣмъ и въ московской академіяхъ, — не малая; новая программа направлена противъ схоластики прежняго образованія. Арифметика, геометрія, географія, исторія — науки положительныя, по характеру своему менѣе всего способныя развить въ ученикахъ стремленіе къ логомахиі, къ отвлеченнымъ ненужностямъ, къ удивительнымъ по составу софизмамъ, тѣмъ щеголяли воспитанники коллегій. Свойства этой программы вполне отвѣчали потребностямъ времени, для котораго она была составлена. — Хорошо понимая назначеніе школы въ Россіи при Петрѣ Великомъ и послѣ него, Прокоповичъ узаконяетъ изученіе предметовъ, общающихся нашему знанію необходимую устойчивость и обстоятельность. Желаніе понизить репутацию схоластики постоянно сквозитъ въ предисловіи къ трактату „о домахъ училищныхъ“ и прямо выражается въ тѣхъ сочиненіяхъ Теофана, въ которыхъ онъ подробно критикуетъ недостатки схоластическаго образованія, напримеръ, въ лекціяхъ по риторикѣ, читанныхъ въ кievской коллегіи, и въ догматическомъ богословіи. Односто-

ронность въ южно-русскомъ училищномъ образованіи въ свое время отозвалась очень вредно на народъ: имѣла по своему образованнѣе пастырей, способныхъ полемизировать за православіе съ иностранными богословами, этотъ народъ не находилъ въ нихъ себѣ руководителей, умѣющихъ войти въ его интересы, говорить о нихъ съ сердечной простотой и безыскусственнымъ языкомъ. Правда, программа кievская была составлена очень стройно: въ ней общеобразовательные предметы были хорошо подобраны къ богословскимъ; ихъ изученіе служило необходимой подготовкой къ пониманію обширной теологіи; по преобладанію узаконенной формы надъ содержаніемъ въ лекціяхъ преподавателей, во всѣхъ письменныхъ упражненіяхъ и устныхъ диспутахъ студентовъ пріучало послѣднихъ искать въ предметахъ знанія, вмѣсто призраковъ, рубрики, вмѣсто цѣлаго и частей, общія, главныя и подчиненныя понятія. Отвлеченность оказалась главной чертой южно-русскаго образованія. Прокоповичъ хорошо понялъ его слабость и въ своей программѣ резонно противопоставляетъ ей. Несомнѣнно, что воспитанники кievской коллегіи не зарекомендовали бы себя любителями басней и легендъ, заимствованныхъ будто бы изъ исторіи, географіи и даже изъ области естествознанія, если бы ознакомились съ этими науками еще въ школѣ, если бы не сторонились какъ будто нарочно отъ такихъ сичиненій, гдѣ можно почерпнуть здравыя свѣденія по этимъ предметамъ. Очень понятно, что Прокоповичъ прежнюю академическую программу дополнилъ указанными науками. Онъ ясно видѣлъ ихъ необходимость для духовнаго образованія и испыталъ благотворность ихъ вліянія на самое себя. Въ его собственныхъ произведеніяхъ насъ удивляетъ сколько богословская эрудиція, столько же и близкое знакомство съ разными науками. Самъ Петръ В. потому и давалъ Прокоповичу множество разнохарактерныхъ порученій, что видѣлъ въ немъ всесторонне-образованнаго человека. Неудивительно, по этому, что Теофанъ, зачис-

ливъ въ составъ предметовъ академическаго образованія вышепоименованные предметы, отводить еще мѣсто въ ихъ ряду физикѣ съ краткой метафизикой.

Стремясь воспитать въ своихъ ученикахъ прежде всего пастырей церкви, Прокоповичъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается въ указанной статьѣ „Регламента“ на преподаваніи имъ богословія. Назначивъ для богословскаго курса два года (вдвое и втрое больше времени, чѣмъ для другихъ предметовъ) и давши учителю подробныя наставленія, какъ лучше поставить дѣло (*), онъ самъ составилъ обширную богословскую систему, которая произвела переворотъ въ исторіи русскаго богословія и господствовала, вызывая подражанія, больше полустолѣтія. Система эта главною цѣлью имѣла разрушеніе авторитета римско-католическихъ богослововъ, считавшихся образцовыми въ кievской коллегіи и изъ нея перешедшихъ въ московскую академію. — Въ помощь учителю географіи Прокоповичъ рекомендуетъ имѣть въ академіи глобусы и карты; съ ними ученики должны ознакомиться настолько, чтобы „могли перстомъ показать, когда кто спроситъ ихъ, гдѣ Азія, гдѣ Африка, гдѣ Европа, и къ которымъ странамъ подъ нами лежитъ Америка; такожъ и особь о государствахъ, гдѣ Египетъ, гдѣ Хина, гдѣ Португалія и прочая“. Подобныя желанія можно было исполнять, разумѣется, только при соответствующей библио-

(*) Первымъ условіемъ хорошаго преподаванія богословія у него полагается близкое знакомство учителя съ прямымъ смысломъ св. писанія и святоотеческими твореніями, въ которыхъ содержится „прилежное писаніе о догматахъ, за нужду расиръ, въ церкви случившихся, съ подвигомъ на противныя ереси“. Мѣло полезными также находить Оеофанъ „дѣіанія и разговоры вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ“. Трудами „новѣйшихъ иновѣрныхъ учителей“ пользоваться можно, но съ критическою осторожностію, не полагаясь „на ихъ сказки“ и провѣряя ихъ цитаты; „многажды бо агутъ господа оные и чего не бывало приводять“. Чтобы ученики добрали учителю, ему не лишне иногда показывать имъ источники богословскихъ лекцій и убѣждать ихъ въ своей научной правотѣ и безпристрастности.

текѣ. При школѣ (по Регламенту) „надлежитъ быть библиотекѣ довольною, ибо безъ библиотеки, какъ безъ души академія“. Книги для академіи выбираются лучшія не только изъ русскихъ, которыхъ мало, но и изъ иностранныхъ. Онѣ должны касаться всѣхъ предметовъ знанія, указанныхъ въ программѣ. Ученики имѣютъ доступъ къ нимъ въ опредѣленные часы, а учителя всегда. За чтеніемъ книгъ за воспитанниками наблюдаютъ наставники, чтобы оно было толково.

Обратимся къ административной сторонѣ дѣла. Чтобы „вмѣсто чайной пользы (отъ школы) не получила тщета, смѣха достойная“, Регламентъ постановилъ строгія правила о приѣмѣ учениковъ по выборѣ учителей. Давая нелегкую работу тѣмъ и другимъ, онъ хотѣлъ, особенно между послѣдними, имѣть людей трудолюбивыхъ и даровитыхъ, способныхъ высоко поставить науку въ глазахъ воспитанниковъ и поселить въ нихъ любовь къ ней. За аккуратнымъ исполненіемъ обязанностей ученическихъ и учительскихъ уполномочивались строго наблюдать, подъ угрозою синодальнаго суда, ректоръ и префектъ академіи. По смыслу 11 правила, они должны были посѣщать всѣ классы поочередно; имъ давалось право испытывать учениковъ на урокахъ помимо вопросовъ учителя. Учителей, нечувствительныхъ къ ректорскимъ наставленіямъ, судилъ св. Синодъ. Для вѣрнаго надзора допускались въ академію и фискалы. За поведеніемъ учениковъ наблюдалъ префектъ (особенный въ каждой избѣ). Оеофанъ рекомендовалъ выбирать на эту должность людей, хотя и не ученыхъ, „обаче честнаго житія, не вельми свирѣпыхъ и не меланхоликовъ“, возрѣстомъ отъ 30 до 50 лѣтъ, — не молодыхъ и не старыхъ. Префектъ могъ наказывать нарушителей порядка — „малыхъ розгою, а большихъ словомъ укоризненнымъ“; на непослушныхъ онъ доносилъ ректору, верховной власти въ академіи, которая „по разсужденію всякимъ и наказаніемъ могла наказывать“.

✓ Приемные экзамены въ академіи имѣли цѣлю „отвѣдовать память и остроуміе (того, кто желалъ поступить въ нее); и если (онъ) покажется весьма тупъ, (опредѣлено было) не принимать его, ибо дѣта погрѣяетъ (и царскую казну растратитъ), а ничему не научится“. Но такъ какъ въ ту пору родители часто намѣренно оказывали своихъ дѣтей скудоумными, чтобы освободить ихъ отъ школы, то Регламентъ предупреждаетъ экзаменаторовъ, чтобы они не спѣшили браковать дѣтей, а брали бы ихъ на искусь и похитрѣе выштыкали, не притворяется ли мальчикъ тупымъ, „жемя отпуску въ домъ, какъ то притворяютъ телѣвную вемощь отъ солдатства“. Срокъ на испытаніе полагался годовой. За избраннаго талантливаго ученика академія держалась крѣпко и увольняла его только въ крайнемъ случаѣ, когда всякая надежда на исправленіе безрассуднаго школьника пропадала. (*) Чтобы ученики такъ или иначе не оставляли школы, съ нихъ брали „записи“, что они до конца учебнаго года будутъ въ академіи подъ великимъ штрафомъ, еслибы объѣта своего не исполнили безъ крайней нужды.

Проходя новую школу, молодое поколѣніе должно было отрѣшаться отъ недостатковъ воспитанія, полученнаго имъ въ семьѣ и обществѣ, гдѣ жило множество предрассудковъ и суевѣрій, вредныхъ и, по выраженію Теофана, смѣха достойныхъ. Эти предрассудки держались такъ крѣпко, что школа могла противобѣствовать имъ только чрезвычайными мѣрами;—однихъ учебныхъ средствъ оказывалось недостаточно для ихъ искорененія. Регламентъ рекомендуетъ сообщить школѣ монастырскій характеръ, сдѣлать ее наглухо закрытой. „Паче всего (говоритъ онъ) и почитай едино есть потребно и полезно быть при академіи, или въ началѣ и безъ академіи, семинаріуму (общезитательному заве-

(*) 18 правило.

денію) для ученія и воспитанія дѣтей, какихъ вымыслено не мало въ иноземныхъ странахъ. Построить домъ образомъ монастыря, котораго пространство и жилы и всякія къ пропитанію и одѣянію и прочимъ нуждамъ припасы были бы противъ числа дѣтей.. Таковы и потребныхъ управителей и служителей (было бы достаточное количество). Въ дому томъ имѣютъ жить дѣти и уже большаго возраста юноши, по осми или девяти человекъ во единой избѣ; обаче съ такимъ расположеніемъ: большіе во единой, средніе въ другой, малые въ третьей избѣ.... Не отпускать (дѣтей) изъ семинаріума въ города, или куда ни есть къ своимъ въ гости, пока семинаристъ не обикнетъ, пребывая въ семинаріумѣ, и не оцутитъ знатной пользы таковаго воспитанія. А именно: до трехъ лѣтъ по приходѣ великаго въ семинаріумъ не отпускать ни куда; а и по третьемъ году не больше дважды въ годъ позволить вытѣть въ гости къ родителямъ, или сродникамъ, и то недалече отстоящимъ, такъ чтобы не больше седми дней прошло отъ исшествія до возвращенія въ самый домъ семинарскій“. Экстраординарныя отлучки были позволительны только подъ особеннымъ надзоромъ за ученикомъ „инспектора или наблюдателя“, который обязывался слѣдить за каждымъ шагомъ школьника, а потомъ доносить обо всемъ начальнику заведенія, подвергаясь за потворство „гораздому наказанію“. По возвращеніи семинариста, за нимъ слѣдили, не произошло ли въ немъ какой перемѣны, не приобрѣлъ ли онъ какихъ привычекъ. Въ случаѣ прихода къ мальчику со стороны его сродниковъ, свиданіе позволялось въ общей комнатѣ или въ саду, въ присутствіи самого ректора или надзирателя. Правила инструкціи назначали для ученика определенное дѣло въ определенное время и въ определенномъ мѣстѣ на весь день—будничный и праздничный. „Всякому (ученику) мѣсто отвести (говорится въ регулахъ) при стѣнѣ, вмѣсто собственной конторы, гдѣ стоитъ его кроватка складная (чтобы въ день договинца знать не было), такожь шкафъ въ книги и

иные вещицы и стулѣкъ для сидѣнія². Предписывалось определять времена по всякому дѣлу и покою семинаристамъ: когда спать ложиться, когда вставать, молиться и учиться, идти за трапезу, гулять и прочая. И все бы оныя часы колокольцемъ означать, и все бы семинаристы, какъ солдаты на барабанный бой, такъ на колокольцевъ голосъ, принимались за дѣло, какое на часъ уреченный назначено³. На прогулку полагалось два часа въ день, послѣ обѣда и послѣ ужина, причѣмъ запрещалось даже книжку держать въ рукахъ. Все должны были упражняться въ играхъ „честныхъ и тѣлдвижныхъ“. Играми управляла инспекція; характеръ ихъ былъ чисто военный. Къ числу скромныхъ и назидательныхъ развлеченій принадлежали чтенія въ столовой комнатѣ исторій воинскихъ и церковныхъ, объ ученыхъ мужахъ: философахъ, астрономахъ, риторгахъ и т. п. Наконецъ, „дважды въ годъ или больше“ дозволялись „нѣкія акціи, диспуты, комедіи и риторскіе экзерциціи“. Цѣлію всехъ этихъ „акцій“ было — развить въ ученикахъ „честную смѣлость, каковыя требуетъ проповѣдь слова Божія“. Оригинальное нововведеніе: „при столѣ семинаристовъ въ великіе праздники“ допускалась музыка, вокальная и инструментальная. Для желающихъ учиться ей проектировалось нанять особеннаго мастера, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, когда изъ самихъ школьниковъ нельзя было найти учителя.

Приведенными правилами изъ Регламента достаточно обрисовывается фзіономія молодого человѣка, воспитаннаго въ духовной школѣ начала 18 в., и указывается различіе между питомцемъ Оеофановой школы и питомцами школъ посошковской и южнорусской. Какъ ни неотчетливо представлялъ Посошковъ программу образованія духовенства, все же изъ его проектовъ и записокъ явствуетъ, что ему хотѣлось бы имѣть въ лицѣ своихъ воспитанниковъ людей преданныхъ дѣлу церкви, понимающихъ обязанности священнослуженія и пастырства, способныхъ преподавать вѣро-

и-нраво-ученіе непосредственному народу и защитить православіе противъ раскола и протестантизма. Иначе сказать, курсъ, предложенный имъ для духовной школы, было чисто спеціальный, безъ образовательныхъ наукъ. Программа южно-русскихъ школъ составлена была, какъ замѣчено выше, тоже въ спеціальнo-богословскомъ духѣ и отличалась отвлеченнымъ, философскимъ характеромъ. У насъ въ Россіи крайности схоластики не успѣли развиться до чудовищныхъ размѣровъ, какъ это было на западѣ, но ихъ можно было предвидѣть по нѣкоторымъ задаткамъ, по той напр. малой полезности, какая объявилась на югѣ Россіи въ церковныхъ проповѣдяхъ, обращенныхъ къ народу и малопонятныхъ для него. Петровская эпоха своимъ общимъ характеромъ менѣе всего могла содѣйствовать развитію сухой, отвлеченной науки. Рѣзкое слово протеста противъ схоластики принадлежало О. Прокоповичу; онъ же чувствовалъ необходимость новаго идеала образованія для русскаго пастыря, и предъ его идеаломъ посошковскій и южно-русскій, дѣйствительно, оказывались неудовлетворительными. Если мы сравнимъ ихъ, въ итогѣ случится: братскія школы главнымъ образомъ желали воспитывать добрыхъ борцовъ за православіе противъ католичества; Посошковъ желалъ видѣть изъ священникѣ защитника православія противъ современныхъ ему раскола и протестантизма и, кромѣ того, учителя народнаго; Оеофанъ давалъ пастырю нѣчто большее; онъ хотѣлъ воспитать въ немъ критическій взглядъ на науку и окружающую жизнь вообще; развить въ немъ самостоятельность мышленія настолько, чтобы еще въ школѣ онъ провѣрялъ слова учителя по источникамъ, изъ которыхъ тотъ заимствовалъ свои свѣдѣнія (з. учитель долженъ былъ провѣрять самые источники), настолько, чтобы онъ, возвратясь въ семью и въ общество, не подчинялся бы по старой памяти ихъ вредному вліянію, ихъ застарѣвшимъ заблужденіямъ и предразсудкамъ, хотѣлъ воспитать въ немъ разумнаго цѣнителя и защитника дѣла

Петра В., охватывавших всю обширную область гражданского и церковного существования русского государства, — серьезного ученого, всегда готового отстаивать свои убеждения не с помощью формальной изворотливости ума и ловкой фразы, а силою положительного знания, основанного на неотразимых фактах; хотѣлъ воспитать въ немъ, короче сказать, и просвѣщенного пастыря и учителя церкви и образованного члена общества. Хорошо зная, что только „въ здоровомъ тѣлѣ — здоровый духъ“, Прокоповичъ заботливо охраняетъ и развиваетъ физическое здоровье своихъ питомцевъ; при академіи у него полагается больница, аптека и врачъ. Плаваніе на судахъ, строеніе крѣпостей, прогулки на острова, въ поле, къ загороднымъ домамъ государевымъ — все это должно было благотворно вліять на организмъ молодыхъ людей, развивая въ нихъ крѣпость и бодрость — мать веселости (меланхоликъ Теофанъ терять не могъ). Домъ для школы, по проэкту Теофана, слѣдовало строить на выгодномъ въ гигиеническомъ отношеніи мѣстѣ — на горѣ, при водѣ (*). Для гимнастическихъ упражненій зимой, Теофанъ отводитъ просторную комнату въ стѣнахъ заведенія. Наконецъ, что особенно важно въ воспитаніи, Теофанъ обратилъ вниманіе на развитіе эстетическихъ способностей въ дѣтяхъ. Средствомъ къ тому онъ избралъ прогулки, знакомившія молодыхъ людей съ прекраснымъ въ природѣ: „нѣкія акціи, комедіи“ и музыку. Онъ облагораживаетъ его, приучая свободно держаться въ обращеніи съ посторонними, даже передъ цѣлой публикой, вырабатывая въ немъ приличныя манеры и „честную смѣлость“.

3) Препятствія, встрѣченныя ревнителями духовнаго просвѣщенія, при заведеніи школъ. Но — чѣмъ выше идеаль, тѣмъ онъ недостижимѣе; чѣмъ рвни-

(*) Проэкты семинаріи О. Прокоповича у Некарскаго 1, стр. 561—4 (VII прилож.).

тели же были въ своихъ стремленіяхъ реформаторы начала 18 в., тѣмъ меньше ихъ требованія были понятны народу, тѣмъ труднѣе было ихъ выполнить. Между прочимъ, и духовно-училищнымъ проэктамъ петровскаго времени въ практическомъ осуществленіи не посчастливилось. Проэкты Носовкова, какъ было замѣчено, остался въ книгѣ; его, вѣроятно, даже не видѣли ни Петръ, ни члены Синода, кромѣ Стефана Яворскаго. Программа кievской коллегіи нашла полное примѣненіе только въ московской академіи, да въ новгородской школѣ (здѣсь она подверглась значительнымъ измѣненіямъ, благодаря братьямъ Лихудамъ), а въ прочихъ епархіальныхъ школахъ, хотя и преобладало стремленіе держаться ея, но въ него не выходило ни чего солиднаго, за самими рѣдкими исключеніями. Предписанія Регламента „о домахъ училищныхъ“ еще менѣе могли рассчитывать на хорошее исполненіе вследствие своей громадной несообразности съ средствами, какія имѣлись подъ руками у ревнителей духовнаго просвѣщенія. Суровая дѣйствительность припудила церковную и гражданскую власть ограничиться въ данномъ случаѣ очень и очень немногимъ.

Съ Петра В., какъ извѣстно, началось профессиональное развитіе сословій русскаго народа; каждый классъ общества, понявъ свое назначеніе, сталъ, въ работахъ о своемъ благосостояніи, обособляться отъ другихъ классовъ и придерживаться наслѣдственности; началась спеціализація должностей, заведеній и программъ. Государство желало имѣть у себя правильно организованную армію и флотъ, и медиковъ, и инженеровъ, и образованное духовенство. Духовенство, при такихъ обстоятельствахъ, тѣснѣе замкнулось въ своемъ кружкѣ, чтобы дружище хлопотать о своихъ интересахъ. Когда открылись цифирныя школы (съ 1714 года), духовенство несочувственно отнеслось къ нимъ, какъ не къ своимъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ раньше существовали училища, основныя на его средства, и гдѣ, стало быть, они оказались соперниками послѣд-

нихъ, и безъ того страдавшихъ малолетствомъ. — Съ одной стороны, Петру не хотѣлось, чтобы молодые люди духов. званія исключительно поступали, по окончаніи учебнаго курса, на службу церкви; но, съ другой стороны, нельзя было постоянно брать и у духовенства его лучшія силы. Отсюда, изъ этихъ двойственныхъ побужденій, происходила непоследовательность и нерѣшительность въ указахъ Петра, касавшихся образованія духовенства, смыслъ которыхъ впрочемъ, болѣе и болѣе выяснялся въ пользу училищнаго обособленія церковно-служителей.

Первымъ и самымъ сильнымъ понужденіемъ для духовенства отдавать дѣтей въ школы служили солдатскіе выборы, начавшіеся съ 1705 г. и захватывавшіе множество необразованной, неготовой для церковной службы, молодежи изъ духовнаго званія. Указъ 1708 г. назвалъ школы, въ которыхъ слѣдовало воспитываться дѣтямъ духовенства, и не желающихъ обучаться въ этихъ школахъ лишалъ правъ быть клириками. Указы 1710 и 1711 гг. обязывая учиться въ духовныхъ школахъ дѣтей всѣхъ священно-и церковно-служителей, подтверждали, чтобы архіереи были особенно строги при выборѣ и оцѣнкѣ ставлениковъ. Въ 1718 г. для дѣтей духовенства стало обязательнымъ не только поступленіе въ училище, но и окончаніе въ немъ учебнаго курса. Въ тоже время дворянамъ было запрещено безъ особеннаго правительственнаго разрѣшенія учиться въ духовныхъ школахъ (указъ 1715 г.), подъ страхомъ денежнаго взысканія и даже трехлѣтней ссылки на галеры, или въ каторжную работу⁽¹⁾. Вообще законодательныя мѣры по раз-

(1) Если они, послѣ этого, и бывали въ духовныхъ школахъ, то учащая въ нихъ особнякомъ, съ единственною цѣлю — получить элементарное образованіе, подготовку къ своимъ специальнымъ учеб. заведеніямъ.

сматриваемому вопросу⁽²⁾ характерно очерчиваютъ отношенія правительства при Петрѣ В. къ духовному сословію. Правительство имѣло въ виду духовенство, какъ сословіе сравнительно образованное и располагающее своими средствами къ образованію (отъ казны на духовныя школы при Петрѣ В. почти ничего не давалось); правительство, не ограничиваясь той пользой, какую могло приносить духовенство церкви и государству, исполняя свое прямое назначеніе, не прочь было брать изъ его рядовъ хорошихъ дѣятелей на гражданскую службу, даже подъ условіемъ, чтобы они первоначальное образованіе получали на свои же словенные капиталы; уступать духовенству для его нуждъ дѣтей другихъ классовъ общества правительство не находило возможнымъ. — Духовно-училищная администрація, конечно, неохотно уступала своихъ питомцевъ гражданскому вѣдомству и протестовала противъ дѣйствій монастырскаго приказа, пополнявшаго штаты разныхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній на счетъ училищъ духовныхъ и даже противъ государевыхъ указовъ, когда они слишкомъ сильно противорѣчили интересамъ духовной школы и церкви⁽³⁾. Съ 1721 года эти интересы поступили подъ защиту св. Синода.

Получивъ въ руководство „Духовный Регламентъ“ св. Синодъ не нашелъ въ немъ разрѣшенія многихъ недоразумѣній въ области духовно-училищнаго вопроса, возникшихъ частію раньше, частію позже 1721 года. — I, Глава Регламента объ училищныхъ домахъ разсуждала объ образцовой школѣ, съ академической программой, такой школѣ, какую и въ одномъ экземплярѣ нелегко было устроить. Ѳ. Прокоповичъ самъ пытался было осуществить начертанный имъ планъ семинаріи. При помощи значительныхъ капиталовъ и

(1) Подробнѣе смотр. въ сочиненіи П. В. Знаменскаго «Духовныя школы до реформы 1808 г. Прав. Соб., 1878 г. ноябрь.

(2) Тамъ же, Пр. Соб. 1878 г. декабрь, стр. 49.

личныхъ знакомствъ, ему удалось основать хорошую школу, но и она не подходила подъ мѣрку Регламента (1). Гдѣ было взять архіерейскому дому средства на постройку нѣсколькихъ избъ или одного большого зданія съ угольями, какихъ требовалъ Регламентъ, — съ домовою церковію, бібліотекою, аптекою, съ большимъ штатомъ начальства и учителей, съ прислугой, съ готовымъ содержаніемъ для учениковъ? Упомянутая глава Регламента не отвѣчала на это; она обѣщала только, на случай полного осуществленія ея проекта, «впредь больше придумать (новыхъ регулъ для усовершенствованія заведенія) или отъ иноземныхъ лучшихъ семинарій информации проискать», а отъ исполненія содержащихся въ ней правилъ ждала «великой пользы отечеству». — Издатели Регламента больше приблизились къ действительности, когда довели требованія отъ епархіальныхъ школъ до мінімумъа, напоминающаго собой школы допетровскаго времени. Въ статьѣ «о епископахъ» они писали, чтобы въ епархіальной школѣ «былъ учитель умный и честный, который бы дѣтей училъ не только чисто, ясно и точно по книгамъ честь (что хотя нужно, обаче не довольное дѣло), но училъ бы честь и разумѣть. И если

(1) Это такъ назыв. Карповская школа въ Петербургѣ. За недостаткомъ учителей, Прокоповичу не удалось соединить въ ней два различныхъ элементовъ въ образованіи — духовнаго и свѣтскаго. Онъ подыскалъ свидущихъ людей для преподаванія небогословскихъ наукъ, а богословскія науки отошли у него какъ будто на задній планъ. Школа собственно имѣла свѣтскій характеръ и служила общеобразовательнымъ заведеніемъ. Кругъ ея наукъ составляли: Законъ Божій, русскій, латинскій и греческій языки, славянская грамматика, риторика, логика, римскія древности, арифметика, геометрія, географія, исторія, рисованіе и музыка. Учителями были все иностранцы. Одинъ изъ нихъ (Байеръ) принадлежалъ къ корпораціи профессоровъ Академіи наукъ. Въ помощь наставникамъ, старшіе воспитанники, дошедшіе до высшихъ классовъ, обучали младшихъ учениковъ, получая за то небольшое жалованіе. Воспитательная инструкция О. Прокоповича такъ же наша въ Карповской школѣ свое полное прѣимѣніе. «Осѣфанъ Прокоповичъ и его время». Чистова ча, стр. 63; Прав. Соб. 1879 г. февраль, 95—6.

мощно, и наизусть читать двѣ книжицы: одну о догматахъ вѣры, а другую о должностяхъ всакихъ чиновъ, когда такія изданы будутъ». Въ «синодальномъ установленіи» 1722 г., разсуждавшемъ, между прочимъ, «о свойственной (епарх. школъ) наукѣ», находимъ добавленіе къ этой убогой программѣ. Кромѣ «двухъ книжицъ», которыя, впрочемъ, не были изданы, синодальное установленіе дѣлало обязательнымъ изученіе «Перваго ученія отрокомъ» О. Прокоповича, славянской грамматики, письма и части арифметики съ геометріей. Вотъ и все. Кажется требованія не велики, а и ихъ трудно выполняли. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ не находилось достаточно матеріальныхъ средствъ на устройство хотя бы и скромной школы; а она, по смыслу указанной главы Регламента, обязана была снабжать своихъ учениковъ всемъ необходимымъ, за исключеніемъ одежды: «дабы не было роптанія отъ родителей ученическихъ за великій оныхъ коштъ». Распоряженіе, чтобы архіерейскому дому помогали въ содержаніи училища «знатнѣйшіе монастыри» и церковныя земли, (2) не вездѣ было примѣнимо. — II. Во многихъ школахъ некому было учиться, потому что дѣти духовенства или бѣжали отъ школы, или ихъ забирали въ цифирныя и медицинскія училища, въ адмиралтейство къ разнымъ мастерствамъ и т. п. Указы 1721 и 1722 г.г., освободивъ священническихъ, діаконовыхъ и церковничьихъ дѣтей отъ цифирныхъ школъ въ пользу школъ духовныхъ, (3) уничтожили только одну изъ многихъ причинъ малолѣтства послѣднихъ. Въ видахъ привлеченія дѣтей къ ученю, првительствомъ духовное и свѣтское снова прибѣло къ побудительнымъ мѣрамъ, къ угрозамъ, частію повторяя и подтверждая прежныя указы, частію издавая новыя, ус-

(1) Дух. Реглам. «о дѣлахъ епископовъ» пр. 7—11.

(2) Христ. Чт. 1879 г. февраль, 179—81; Пр. Соб. 1879 г. январь, 76 и д.

раняшіе противорѣчіе въ предписаніяхъ вышедшихъ до учрежденія св. Синода. Сущность этихъ указовъ состояла въ слѣдующемъ. Священно-и-церковно-служительскіе дѣти забирались въ солдаты, или записывались въ податной классъ, если не хотѣли учиться; церковныя мѣста предоставлялись только образованнымъ претендентамъ, которые должны были держать экзамень и, проживая въ архіерейскомъ домѣ, твердо изучать свои обязанности; епископамъ строго запрещено обходить въ посвященіи ученыхъ кандидатовъ въ пользу неученыхъ и, сверхъ того, поручено внимательно слѣдить за ставленниками—не лицемерны ли они, не ханжи ли, не шарлатаны ли; древній обычай закрѣплять мѣста за дѣтьми умершихъ клириковъ—отмѣненъ,—образованнаго человека вѣльно опредѣлять къ должностямъ, недожидаясь возраста сиротъ; ограничены были права народнаго выбора,—голосъ епископа въ пользу ставленника признанъ болѣе надежною оцѣнкою (міряне могли ошибиться въ сужденіи касательно учености избираемаго); образованный священникъ, сложившій съ себя санъ по уважительной причинѣ, получалъ другое почетное мѣсто въ духовномъ вѣдомствѣ; наконецъ, 1723 г. государь лично высказался вице-президенту св. Синода Теодосію Яновскому, повторяя мысль Посошкова, чтобы поповскихъ, диаконовыхъ и причетническихъ дѣтей, годныхъ по возрасту для школы, „набирать въ школы всѣхъ, которые учиться способны, а которые въ ученіи быть не похотятъ, тѣхъ имать въ школы и неволю и учить ихъ въ надеждѣ лучшаго священства“⁽¹⁾. Въ силу этого указа, мальчиковъ вербовали, какъ солдатъ, безъ вниманія къ слезамъ родителей.

Чтобы удобнѣе слѣдить за ходомъ учебнаго дѣла, Синодъ (въ 1721 г.) устроилъ у себя особую контору,

⁽¹⁾ Христ. Чт. 1879 г. фев.—февраль, 187—8, Прав. Соб. 1879 г. январь, 94.

куда должна была поступать вся отчетность о состояніи епархіальныхъ училищъ два раза въ годъ. — Но на очереди становился третій вопросъ: гдѣ брать учителей?—вопросъ, не менѣе, если не болѣе, трудный, чѣмъ первые два. Регламентъ отвѣчалъ на него очень оригинально. „Видится быть весьма благоуспѣшно, говорить 9 прав. трактата „о домахъ училищныхъ“, что могутъ нѣкая ученія двое или трое вдругъ, одного часа и однимъ дѣломъ подаваться. Напр. уча грамматикѣ, можетъ учитель съ нею учить купно и географію и исторію, повеже по регуламъ грамматическимъ нужно дѣлать экзерцици, сирѣчь обучатися въ переводахъ съ моего языка на языкъ тотъ, котораго учуся и на оборотъ. То можно ученикамъ переводить по части географію или исторію, или на перемѣну оба тѣ ученія“, т. е. полгода проходить грамматику съ географіей и полгода—съ исторіей. Это—черта времени, черта петровской эпохи съ ея крупными запросами и малыми средствами для ихъ удовлетворенія, съ лихорадочною торопливостію исправить все въ короткое время, или по крайней мѣрѣ сдѣлать по болѣе рѣшительныхъ начинаній для будущаго времени. На первыхъ порахъ, говоритъ Регламентъ, не надобѣ многихъ учителей, но первый годъ довольно одного или двоихъ, которые бы учили грамматикѣ, сіестъ языкъ правильно знать латинскій или греческій, или оба языка“. На другой годъ позволялось искать другаго учителя. За недостаткомъ ученыхъ, свѣдущихъ учителей, предположено было искать въ кандидатахъ хоть простаго здраваго смысла, природнаго ума и заставлять ихъ самихъ учиться „отъ авторовъ въ дѣлѣ томъ искусныхъ“⁽¹⁾. Такая странная мѣра, конечно, не казалась составителямъ Регламента резонною по „за скудостію людей“ они ее допускали, хотя кievская и московская академія и новгородская школа, при

⁽¹⁾ Дома училищные, пр. 1 и 4.

благоприятныхъ обстоятельствахъ, могли бы дать епархіяльнымъ школамъ достаточное количество наставниковъ. Новгородская школа была же учительскимъ институтомъ для своей епархіи, т. е. для 16-ти партикулярныхъ школъ, основанныхъ ея учениками въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ. Синодальное утѣповленіе 1722 г. обратило вниманіе на этотъ фактъ. На запросъ изъ епархіи — гдѣ брать учителей — оно предписывало: „чтобы впродѣ никто немуществомъ учителей не отговаривался“, пусть выбираютъ „дѣвъ подъяковъ или изъ поповскихъ дѣвъ остроумныя и книжному ученію искусныя отъ 15 до 20 лѣтъ, для каждой школы по три человека“, и посылаются въ Новгородъ учиться, чтобы потомъ они становились учителями въ своихъ епархіяльныхъ училищахъ. Но такъ какъ никакихъ побудительныхъ для расширенія своего круга дѣйствій новгородская школа отъ правительства не получала и обременена была разными порученіями, а академія ей не помогала въ подготовкѣ учителей надлежащимъ образомъ, то и эта мѣра оказалась мало удовлетворительной. Въ некоторыхъ епархіяхъ школы совсѣмъ не открывались „за немуществомъ учителей“, а въ некоторыхъ, по той же причинѣ, они не долго протверждали (*).

Все упомянутыя указы отличаются энергичеки-принудительнымъ характеромъ; вѣдѣ за преднесаніемъ дѣлать то или другое, въ нихъ полагается наказаніе ослушникамъ, высказывается угроза. Это вытекало изъ того положенія, какое занимало правительство по отношенію къ духовной школѣ, и изъ преніятій, какія представляла дѣйствительность его намѣреній. Правительство ничѣмъ не помогало школѣ расти и укрѣпляться; оно только предписывало и въ строгости своихъ указовъ видѣло одно изъ средствъ настоять на своемъ. Пренія, о которыхъ разби-

вались все угрозы правительства, группировались главнѣе въ одинъ печальный фактъ: духовенство не хотѣло учиться, ученики отказывались отъ школы, не пускало въ нее дѣтей своихъ, или дѣти сами бѣжали изъ нея, и школа, кое-какъ устроенная, оставалась безъ учениковъ. Законъ не принимать неучей ни въ какую службу, кромѣ солдатской, записывать ихъ въ податной окладъ, привилегіи молодымъ людямъ, побывавшимъ въ школѣ, насильное привлеченіе дѣтей, уклонявшихся отъ ученія, наказанія отцамъ за укрывательство — ничто не помогало. Изобрѣтались все способы къ освобожденію отъ навязываемаго образованія: то ребенокъ оказывался въ дальней отлучкѣ, то незаметно заболѣвалъ, то вдругъ становился идиотомъ. При усилахъ собиралось, наконецъ, въ училище 30—50 со всей епархіи, но не надолго. Вкусивъ сладости школьнаго житія, свободолюбивый дикарь бѣжалъ изъ заведенія и больше въ него не возвращался, оставляя противъ своего имени отпѣтку: *semper fugitiosus*. Такихъ бѣглецовъ было очень много. Изъ губерній и провинцій (сказано въ одномъ изъ указовъ 1726 г.) писали, что въ духовныхъ школахъ сначала было учениковъ въ присылкѣ по 1722-й годъ 1389 человекъ, изъ того числа выучено 93 человека, а затѣмъ оставшіеся едва не все синодальной командой бѣжали. Вологодская школа, основанная въ 1724 г., изъ 45 учениковъ отпустила 27 „для прииски въ податной окладъ“, остальные были распущены по домамъ „по невѣстной причинѣ“. Въ александровской школѣ (въ Петербургѣ) съ 1721 — 27 г. перебивало всего 118 человекъ, изъ которыхъ 42 ученика „отстали отъ ученія за невзятіемъ науки и за скорбію“. Въ Устюжской епархіи школа набрала 15 человекъ; они остались недоучеными „за кончиною епископа Богодѣя“ (*). Отрядныя явленія въ данномъ случаѣ, какъ было за-

(*) Отчетъ св. Синода у Невскаго — т. I, стр. 109—121.

(*) Тамъ же.

мѣчено, составляли или тѣ епархіи, школы которыхъ пользовались исключительно - счастливымъ положеніемъ, или тѣ, гдѣ школы находились подъ надзоромъ особенно ревностныхъ и безкорыстныхъ архіереевъ. Таковы были школы: кіевская, бѣлоградская, московская, новгородская (при м. Іовѣ), рязанская (при Гавриилѣ Вужинскомъ) и нижегородская (при Питиримѣ). Естественно, что наличными учениками приходилось дорожить; исключался изъ школы только „дѣтина непобѣдимой злобы“, послѣ всевозможныхъ откладываній, назиданій и исправленій. При всемъ томъ, народу въ школахъ было мало. Священники городскихъ и сельскихъ церквей, обучивши на скорую руку сыновей грамотѣ, хлопотали о помѣщеніи ихъ пономарями при своихъ церквахъ, а діаконы и дьячки, рассчитывая имѣть въ дѣтяхъ хорошихъ даровыхъ работниковъ, еще съ молодю записывали ихъ въ крестьянство. Тѣ и другіе при возможности, снѣшили отдавать дѣтей въ разныя коллегіи и канцеляріи въ подъячіе. Въ случаяхъ наѣздовъ закащиковъ и разсыльныхъ изъ духовныхъ правленій съ цѣлію школьной вербовки, они, если имъ не удавалось обмануть чиновниковъ, подкупали ихъ въ свою пользу и умоляли Христомъ-Богомъ записать дѣтей малолѣтками, больными, скудными. Имъ „легче было умереть, нежели смотрѣть, какъ дѣтей въ семинарію на муку обираютъ“. (1) а потому, конечно, мальчиковъ напутствовали въ ученіе слезами и причитаніями, поселяя въ нихъ страхъ предъ школой, безотчетное отвращеніе къ ней и ненависть къ ея представителямъ. — Неожиданный переходъ отъ свободнаго невѣжества къ необходимости учиться, отъ привольной жизни дома къ монастырскому заключенію въ школу, къ жизни, стѣсненной правилами инструкціи, на глазахъ строгихъ приставниковъ, этотъ переходъ былъ

(1) Тамъ же, стр. 452.

слишкомъ труденъ для ребенка и страшилъ его. Чтобы воспитать дѣтей на новыхъ началахъ, поселить въ нихъ критическій взглядъ на старину, подорвать у нихъ довѣріе къ дѣдовскимъ баснямъ, сбѣлать изъ нихъ сторонниковъ и защитниковъ новаго направленія жизни, нужно было, по замысламъ Регламента, разобщить дѣтей съ ихъ прежнею обстановкой и, при томъ, тѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, разсуждалъ Ѳ. Прокоповичъ. „Совѣтъ мой есть (говорить онъ въ прозектѣ насчетъ петербургской семинаріи) не принимать отроковъ (въ школу), токмо десятилѣтнихъ, или ниже, но не выше десяти лѣтъ, ибо такового возраста дѣти еще не вельми обучилися злобранію, и если обучилися, однакожъ не закрѣпили обычаемъ, и мощно таковыхъ нетрудно отучить. А большаго возраста, яко не весьма надежнаго, не принимать“ (1). Чтобы обезпечить за школою симпатію ребенка, его не вѣдѣли пускать къ роднымъ до тѣхъ поръ, „пока онъ не ощутитъ знатной пользы отъ такового воспитанія“. Въ закрытомъ заведеніи видѣли лучшую воспитательную школу, надѣясь, что дитя еще и тигръ правомъ будетъ, аггую тамъ восприметь кротость на ся“. Начальство и, мало того, товарищи смотрѣли за каждымъ шагомъ, за каждымъ движеніемъ ученика, стѣсняли его игру и прогулку. „Такое маленькаго человѣка житіе кажется быти служительное и заключенію плѣнническому подобное (сознавались составители Регламента), но кто обикнетъ тако жить, хотя чрезъ единый годъ, тому весьма сладко будетъ“ (разсуждали они далѣе). Опытъ показалъ противное. Немного охотниковъ училось въ духовныхъ заведеніяхъ и еще меньше оканчивало курсъ. — Вѣдали ученики изъ школы и потому, что имъ часто нечѣмъ было содержаться тамъ. Большинство изъ нихъ никакъ не могли рассчитывать на отцовскія крохи. Пособіе, по Регламенту, должно было выдаваться имъ отъ архіе-

(1) Пекар 1, 563.

рейскаго дома, отъ монастырей и отъ богатыхъ землею церквей. Но оно зависѣло отъ благосостоянія послѣднихъ, отъ болѣе или менѣе случайныхъ доходовъ, зависѣло отъ хлѣбныхъ урожаевъ, отъ пожаровъ, отъ добросовѣстности монастырскихъ и церковныхъ экономическихъ отчетовъ. Изъ донесеній, представленныхъ епархіями въ 1727 году на запросъ св. Синода, видно, что на средства архіерейскихъ домовъ и монастырей ученики содержались въ не многихъ школахъ, въ черниговской, новгородской, коломенской, вологодской (не долго), псковской и отчасти, въ нижегородской, а въ большей части этихъ донесеній находимъ отвѣтъ, что сборовъ на школу по указаніямъ Регламента дѣлать нельзя. Изъ ростовской епархіи писали: „по духовному Регламенту отъ монастырей и церквей хлѣба не собрано за недородою, да и для того, что хотя гдѣ хлѣбъ остаточный и былъ, оный брантъ въ Москву въ камеръ-контору и генералитету, отъ чего ученикамъ въ обученіи учинилась остановка, того ради они распущены въ дома свои, со взятіемъ у отцовъ ихъ сказокъ, дабы показаннымъ наукамъ обучали ихъ дома“. Изъ суздальской школы ученики (въ 1726 г.) также были распущены по домамъ по случаю неурожая. Въ рязанской епархіи остаточный хлѣбъ забирала на „синадальное правительство“. Тобольская школа отъ Далматова монастыря получала только „малое число солоду на квасъ“⁽¹⁾. Много зависѣло матеріальное благосостояніе школъ и отъ личной воли ихъ ближайшихъ начальниковъ—архіереевъ. М. Іовъ, Епифаній бѣлоградскій, Питиримъ нижегородскій имѣли хорошія средства для своихъ училищъ не только потому, что въ ихъ епархіяхъ были богатые монастыри, но и потому, что они искали этихъ средствъ, заботились о ихъ нескучности. Они не пускали учениковъ питаться подаваніемъ, не водили ихъ босикомъ, не пятью руб-

(1) Пелар. I, 109—121.

лями двѣ-три годъ окунали все содержаніе воспитанника совмѣстно учебными принадлежностями какъ это случалась въ другихъ епархіяхъ⁽²⁾.
 —II. Могла ли наука сама по себѣ привлечь дѣтей въ школу и располагать въ свою пользу ихъ родителей?—Въ большинствѣ случаевъ—нѣтъ, потому что она была не русская, а иноземная, непонятная и въ ближайшемъ будущемъ непригодная. Духовенство не выдавало ничего, кромѣ часослова и псалтири, не могло относиться къ ней сочувственно. Не могла она нравиться ни дѣтямъ духовенства, такъ какъ, при дурныхъ учителяхъ или учебныхъ пособіяхъ, была мало доступна имъ. Въ новгородской, лучшей для своего времени школѣ проходили между прочимъ, греческую грамматику, логикѣ и риторикѣ—за дѣти 20 лѣтъ (1706—1726 г.) изъ всѣхъ школьничковъ выучились логикѣ совершенно—одна и „несовершенно“ 6, риторикѣ—„совершенно“ 9 и „несовершенно“ 15⁽³⁾.
 Большинство, значитъ, неодоливало трудности науки. Да это и не легко было: по Регламенту, руководившемуся часто кіевскими обычаями, въ школѣ, гдѣ изучался латинскій языкъ, безъ послѣдствъ, не могли ступить шагъ ни ученики, ни учителя. Припомните, что утвердили казанскіе школьники при м. Тихонѣ, подъ руководствомъ Свентицкаго. Самыя обыкновенныя вещи имъ приходилось понимать подъ худренѣйшими названіями и, судя по этому, въ недоступнѣйшей формѣ. Не много было училищъ, гдѣ ограничивались преподаваніемъ нужнѣйшихъ предметовъ: славянской грамматики, часослова, букваря Ѡ. Прокоповича, псалтири, письма и иѣщія. Съ этой стороны нужно отдать честь тѣмъ школамъ, которыя не заводили у себя ученикъ латинскихъ, не соблазнялись риторикой и философией,

отъ духовенства, казанскіе школьники при м. Тихонѣ, подъ руководствомъ Свентицкаго.

(1) Руководство для сельскихъ паст. 1861. г., II, 348—9.

(2) Пелар. I, 114.

если не имѣли средствъ вести дѣло какъ слѣдуетъ, добросовѣстно. Посошковская программа, повторимъ здѣсь, ближе подходила ко вкусу современнаго духовенства и къ матеріальнымъ средствамъ школы. Несомнѣнно, что число ученическихъ побѣговъ сократилось бы, если бы наука давалась ребенку легче. Вылецъ не встрѣтилъ бы одобренія и дома, если бы родители воочію видѣли пользу отъ школы. Трудовая копѣйка не отдавалась бы тогда вербовщику—подъячому, а скорее шла бы на покупку книгъ, которыя, скажемъ кетати, доставались ученикамъ съ большими усилиями: ихъ доводилось списывать, потому что „типоизданные“ экземпляры были рѣдкостью. Мало было учебниковъ въ родѣ букваря, славянской грамматики, но они, по крайней мѣрѣ, продавались по сравнительно доступной цѣнѣ, а каково было ученику приобрести трехязычный лексиконъ, „сирѣчь реченій славянскихъ, эллиногреческихъ и латинскихъ сокровище, собранное изъ разныхъ новыхъ и древнихъ книгъ“⁽¹⁾, когда это сокровище продавалось по рублю тридцати копѣекъ? Что касается реторики, шитики, философіи, то по нимъ печатныхъ руководствъ не было, а составлялись записки на латинскомъ языкѣ.—Гнали дѣтей изъ заведеній и страхъ предъ педагогическими требованіями воспитателей, которые не скупились на понудительныя мѣры, чтобы заохотить ребенка къ наукѣ. Жестокія сѣкціи въ двѣ, три и даже четыре лозы, побои по головѣ и рукамъ линейкой и книгой, наказанія плеткой, голодомъ, заключеніемъ въ карцеръ—были въ усердномъ употребленіи педагоговъ петровской эпохи⁽²⁾. „Трехязычный букварь“ Ф. Поликарпова въ лицахъ изобразилъ отношенія учениковъ къ наставникамъ на двухъ картинкахъ. Позы учителей на нихъ

⁽¹⁾ Книга въ 186 листовъ in quarto; расположенъ лексиконъ по славян. алфавиту. М. 1881 г. (Томъ 1-й) изданъ въ Моск. синодальн. типогр. (1881 г.).

⁽²⁾ Прав. Соб. 1862 г. II, «Состояніе духовенства въ 18 в.»

ОТДЕЛ
ВНЕШНИХЪ
СВЯЩЕННИЧЬИХЪ
ОТНОШЕНІЙ

внушительны, позы учениковъ унижательны, обстановка—книги и плетки.⁽³⁾ Вообще, воспитательныя мѣры не приносили тѣхъ результатовъ, о какихъ мечталъ „Регламентъ“, какъ потому, что въ сущности не въ силахъ были преодолевать препятствій, противъ которыхъ боролись, такъ и потому, что часто попадали въ руки дурныхъ исполнителей, въ родѣ учителя новгородской школы, іеромонаха Іова, который бывалъ въ классѣ по десяти разъ въ годъ и оставлялъ дѣтей въ полномъ бездѣльи—„по старческой немощи“, или въ родѣ учителя каргопольской (партикулярной) школы, діакона Стефана Максимова, на котораго ученики жаловались, что онъ чуть не каждый день посылалъ ихъ версты за три отъ Каргополя—зимою по дрова, а лѣтомъ по ягоды версты за десять, такъ что „въ отбытіи проходило дня по два и по три“. Вознаграждая потерянное время, дидакаль „послѣ такого тягостнаго труда содержалъ дѣтей во ученіи своею нападкою часу до одиннадцатаго и двѣнадцатаго, и отъ того труда ученики лишались здравія, и одежды на себѣ подирали“.⁽⁴⁾

Не одинаковую силу имѣли упомянутыя препятствія и неудобства для епархій. Иногда онѣ только тормозили дѣло обученія въ существовавшихъ уже школахъ, иногда препятствовали завести хоть бы одну школу на епархію, нерѣдко, наконецъ, доводили до необходимости закрывать уже основанныя училища. Въ крутицкой епархіи не открывалась школа „за неимѣніемъ монастырей“, съ которыхъ можно было бы брать пожертвованія) и учителей; въ суздальской—школы закрыты по недостатку средствъ содержанія; въ Воронежѣ—учителей не имѣлось; устюжская школа пала со смертію еп. Боголюбна; въ Переяславлѣ и Астрахани не было училищъ „за скудостію епархій“.⁽⁵⁾

⁽¹⁾ Пекар. 4, 176.

⁽²⁾ Христ. Чт. 1877 г. мартъ—апр., 338.

⁽³⁾ Отчетъ Св. Синода за 1727 годъ.

Разсуждая о причинах невежества современнаго духовенства, Посошковъ, между прочимъ, говорилъ: „не вѣмъ, чего ради тако дѣется, токмо мно, аще и страшно ми изрещи дабы архіерейская клятва на мя не пала, а я наначе не вѣмъ, како ми восписати, понеже азъ при- знаваю, еже отъ оплошности архіеревъ тако чинителъ“. После смерти Петра В., дѣйствительно, говорить Щаповъ, были примѣры, что нѣкоторые архіереи „вмѣняли себѣ въ добродѣтель все прежде небывалое въ Россіи истреблять безъ остатку“ и сами распускали учениковъ. (1) Вѣмъ не менѣе съ мнѣніемъ Посошкова вполне согласиться нельзя: причинъ невежества, какъ мы видѣли, насчитывается немало и другихъ, кромѣ оплошности архіереевъ. Правда, отъ архіеревъ зависѣло много, но не все. Нельзя было епископу содержать школу, исключительно на свои средства, когда въ его епархіи не было богатыхъ ни церквей, ни монастырей; нельзя было ему принять на себя учительскія обязанности, когда онъ не находилъ для школы достойнаго наставника; нельзя было, въ ущербъ своимъ прямымъ обязанностямъ, слѣдить за добросовѣтностію записчиковъ, собиравшихъ учениковъ; нельзя было сразу провести въ сознаніе невежественнаго духовенства мысль о необходимости образованія; не въ его власти было печатать нужные учебники и раздавать ихъ бесплатно. Школа навязывалась духовенству насильно и страдала отъ его исторически крѣпкаго равнодушія къ образованію. Ни времени, ни средствъ къ тому, чтобы помирить его съ новою жизнію и съ новыми требованіями, не было. Хорошее начало, говорить, — половина дѣла. Починъ въ дѣлѣ духовнаго образованія при Петрѣ В. сдѣланъ все-же хорошей, энергичной, и нельзя не признать, что главная роль въ немъ принадлежала просвѣщеннымъ епископамъ петровскаго времени, которыхъ, къ счастью, сравнительно съ прежнимъ временемъ, было мно-

(1) Русскій расколъ старообрядства. 435—788.

го, благодаря умѣнью Петра выбирать людей. Со стороны правительства, повторимъ здѣсь, дана была инициатива и нравственная поддержка архіепископамъ: оно предписывало, одобряло, отмишало, по— и только. У него не оказывалось средствъ на матеріальную поддержку просвѣтителей духовенства. Последніе сами должны были изыскивать эти средства.

II.

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

1) Учебники и учебныя пособія по разнымъ предметамъ преподаванія въ духовныхъ школахъ. Послѣшнее устройство школъ сопровождалось быстрымъ возрастаніемъ нужды въ книгахъ и прежде всего въ учебникахъ, которыхъ раньше въ Москвѣ почти совсѣмъ не было, а изъ Кіева по этой части можно было заимствовать не многимъ. Образованные члены вновь составившагося училищнаго персонала и нѣкоторые посторонніи лица взяли на себя трудъ издать по крайней мѣрѣ необходимѣйшія руководства. Лучшими учебными заведеніями, какъ мы видѣли, при Петрѣ В. были: древнѣйшая по происхожденію кіевская collegія, затѣмъ московская академія и новгородская школа. Наставники этихъ заведеній по преимуществу и были авторами разныхъ руководствъ, появившихся въ разсматриваемую эпоху. Слѣды различныхъ ученыхъ симпатій отразились на ихъ писемныхъ произведеніяхъ точно также, какъ и на ихъ проектахъ по устройству школъ. Слѣдимъ, торопливымъ новаторомъ здѣсь, какъ и вездѣ, является Ѳ. Прокоповичъ съ своею книжкой: „Первое ученіе отрокомъ“. Преслѣдуя одну изъ главныхъ задачъ школы — распространеніе въ Россіи языкованія, люди, даже мало причастные къ училищному дѣлу по своимъ пря-

мымъ обязанностямъ, принялись за составленіе греческихъ и латинскихъ букварей, грамматикъ и лексиконовъ, жертвуя подчасъ здоровьемъ и деньгами. Въ предисловіяхъ къ произведеніямъ этого рода можно прослѣдить, насколько ихъ авторы рады отомъ, что бы положить на алтарь науки посильную лепту, какъ они смотрѣли на образованіе и старались идти въ уровень съ современными требованіями. Иоаннъ Максимовичъ удивляется, какъ это случилось, что „великое всероссийское государство“ до 18 в. почти совсѣмъ не обращало вниманія на изученіе иностранныхъ языковъ, и работаетъ надъ лексикономъ, не жалѣя никакихъ усилій. Типографщикъ Ѳ. Поликарповъ, неодобрявшій слишкомъ большаго тяготѣнія Россіи къ западу, жертвуетъ своими убѣжденіями въ пользу науки, составляетъ руководства къ ознакомленію съ западной литературой. Ѳ. Максимовичъ, учитель новгородской школы, рѣшается поколебать давнишній авторитетъ Смотрицкаго, когда нашелъ его грамматику слишкомъ мудреной, разтанутой и по мѣстамъ не состоятельной. Неумимые братья Лихуды, безъ претензій на славу въ печати, трудятся надъ разнообразными учебниками, требовавшими обширныхъ познаній и кладутъ на нихъ печать своего образованія и своихъ педагогическихъ стремленій—воспитывать русское юношество въ строгомъ греческомъ православіи по возможности безъ примѣси западнаго латинскаго образованія. Наконецъ, дѣлая серію учебниковъ съ схоластическими чертами осталась намъ отъ воспитаниковъ южно-русскихъ школъ, преимущественно отъ наставниковъ московской академіи.

Въ 1704 г. напечатанъ „Букварь языка словенска, сирѣчь начало ученія дѣтямъ, хотящимъ учиться чтеній и писаній“. Онъ замѣчательенъ своимъ предисловіемъ; въ немъ много сатиры на учей и доводовъ въ пользу просвѣщенія. Пекарскій дѣлаетъ догадку, что онъ написанъ подъ вліяніемъ государя. Въ 1717 году издано въ Петербургѣ: „Юности честное зерцало, или

показаніе къ житейскому обхожденію, собранное отъ разныхъ авторовъ“. Въ началѣ книги помѣщена азбука („изображеніе древнихъ и новыхъ писменъ славянскихъ, печатныхъ и рукописныхъ“) слоги („двописменный и триписменный“), затѣмъ, краткія правоученія изъ св. Писанія („по алфавиту избранныя“), числа церковныя (славянскія), ариѳметическія (арабскія) и римскія, наконецъ—правила житейскаго обхожденія. Назначенная для великосвѣтскаго юношества и въ свое время пользовавшаяся популярностью, эта книжка, по мнѣнію Пекарскаго, была предназначена и для міряна и потому не похожа на прежнія изданія этого рода, хотя, по мелочности правилъ „житейскаго обхожденія“, относится къ типу домостроевскихъ назидательныхъ сочиненій⁽¹⁾.

Въ 1720 г. издано было составленное Теофаномъ Прокоповичемъ, „Первое ученіе отрокомъ“—книжка очень типичная для своего времени. Въ предисловіи къ ней авторъ, обращаясь къ родителямъ и воспитателямъ дѣтей, доказываетъ, что нравственность отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ зависитъ отъ ихъ образованія, и напоминаетъ, что природа наша неможна послѣ прародительскаго грѣха и нуждается въ постоянномъ исправленіи. Въ Россіи онъ видитъ крайнюю скудость просвѣщенія религіознаго и крайнюю безнравственность, зависящую отъ незнанія закона Божія, который весь понимается въ буквѣ и сводится къ обрядности. Невѣжественные грѣшны, „вомышляя о себѣ, что, понеже читать умѣютъ, вельми мудрыя суть... въ народѣ расколъ дѣлають. И кто изочтеть, спрашиваетъ Теофанъ безчисленныя таковыхъ книжниковъ злодѣйствія, перомъ ихъ творимыя? Разъяснивъ, въ чемъ есть доброе отрокомъ воспитаніе“, и замѣтивъ, что „многіе родители сами мало знаютъ о законѣ Божіемъ“ и потому не могутъ быть наставниками своихъ дѣтей, Прокоповичъ выводитъ заключеніе о необходи-

(1) Срав. Истор. Христом. Галахова, ч. 1, 39—40 и Пекар. 1, 178.

мости издать, согласно съ желаніемъ государя, „книжицу съ истиннымъ толкомъ закона Божіа, и символа вѣры, и молитвы Господней, и девяти блаженствъ и напечатать оную съ букваремъ; таковая книжица, заключающая авторъ, сочинена и напечатана; изъ нея отроки могутъ познати волю Божию и страха Господня отъ младыхъ ногтей научиться“, — подь руководствомъ родителей и наставниковъ. Дальнѣйшее содержаніе книги отвѣчаетъ ея заглавію, (1) т. е. сначала въ ней помѣщена азбука (въ 45 буквъ; между ними удержаны всѣ славянскія начертанія), затѣмъ — слоги (въ двѣ и три буквы), славянскія названія буквъ, „слози именъ по звуцѣ подь титлами, печатаемыхъ въ церковныхъ книгахъ“ и — параллельно имъ — „слози тѣхъ же именъ безъ титлъ, печатаемыхъ въ гражданскихъ книгахъ“, потомъ — число церковное (до тысячи, съ припискою — „носему же и прочая разумѣвай“) и „имена просодимъ“. Вторая часть начинается трактатомъ „о законѣ Божіи, иже въ десятословіи“, изложеннымъ въ вопросоотвѣтной формѣ; у каждой заповѣди — краткое объясненіе. „Толкованіе молитвы Господни“ раздѣлено на 9 небольшихъ частей, въ которыхъ разсмотрѣны призываніе, прошенія и славословіе этой молитвы. „Поздравленіе архангельское пресвятой Богородицѣ“ помѣщено для ученія називаетъ безъ толкованія: „за не само чрезъ себѣ ясно есть“. Объясненіе символа вѣры раздѣлено на 8 частей (нѣкоторые члены соединены въ толкованіи). „Краткое толкованіе блаженствъ евангельскихъ“, написанное въ вопросоотвѣтной формѣ, раздѣлено на 8 же частей; девятую часть трактата составляетъ „вопросъ общій и блаженствахъ“ — какъ бы сокращеніе всего предыдущаго, оканчивающееся совѣтомъ, чтобы „церковники,

(1) Полное заглавіе книги: „Первое ученіе отрокомъ, въ пять же буквъ и слоги. Также краткое толкованіе законнаго десятословія, молитвы Господней, символа вѣры и девяти блаженствъ съ присовокупленіемъ диалогисма, сіестъ бесѣды о догматѣхъ православнои церкви. Изд. СПб. 1819 г.“

отроковъ учащій, сами оія толкованія (десятословія, молитвы Господней, символа вѣры и блаженствъ) називаетъ изучили, дабы могли лучше учить отроковъ“. А для важнаго уразумѣнія этихъ толкованій, Теофанъ въ концѣ книги предлагаетъ „Диалогисмъ, сіестъ бесѣду о догматѣхъ православнои церкви“. „Диалогисмъ“ распадается на двѣ большіихъ бесѣды: 1) „о Возѣ, созданіи міра и смотрѣніи общемъ“, 2) „о смотрѣніи Божіемъ спасительномъ“ (относящимся къ человеку). Эти бесѣды въ свою очередь раздѣлены на части. Часть 1 первой бесѣды: „о Возѣ яко есть, и единъ есть, и каковъ есть въ существѣ и свойствахъ своихъ“; часть 2: „яко Богъ, троичственъ есть въ лицахъ“; часть 3: „до созданіи міра и общемъ смотрѣніи“. Часть 1 второй бесѣды: „о человекѣ первомъ прежде паденія“; часть 2: „о человекѣ согрѣшившемъ“, часть 3: „о милосердіи Божіи къ падшему человеку и о его спасеніи воплощеніемъ Сыномъ Божіемъ и о прочихъ, смотрѣнію сему свойственныхъ, обстоятельствахъ“. Эта часть еще подраздѣлена на рубрики: „о милосердіи Божіи на грѣшники; о воплощеніи Сына Божія; о двоихъ естествахъ въ Христѣ и о единомъ лицѣ; о спасительномъ ходатайствѣ Христовомъ; о вѣдрѣ спасительной; о таинствахъ; о церковномъ строеніи ои — о будущихъ послѣднихъ“. „Первое ученіе отрокомъ“, — повторимъ здѣсь, — одно изъ типичнѣйшихъ произведеній петровской литературы, характернѣйшій памятникъ эпохи, когда десятки лѣтъ хотѣли замѣнить мѣсяцами, обширныя системы маленькими книжицами съ тѣмъ, чтобы навертеть потерянное время, сдѣлать многое при ничтожныхъ средствахъ. Небольшая книжка Прокоповича хотѣла изобразить собою сокращеніе двухъ громадныхъ богословскихъ наукъ съ самымъ богатымъ содержаніемъ и напоминаетъ нынѣшній катихизисъ. Сравнивая выписанные сейчасъ заголовки изъ „Диалогисма“ съ планомъ догматической системы Теофана, нельзя не видѣть, что они сходны между собою по внутреннему построенію, основаны на

одномъ и томъ же дедуктивномъ методѣ богословствованія. Поэтому уже можно себя представить, до чего скучно изложено христіанское вѣро-и-право-ученіе въ „Диалогизмѣ“. Догматическая система Прокоповича занимаетъ три большихъ томовъ; если исключить изъ нея полемическій отдѣлъ, она сократится до двухъ томовъ, а „Диалогизмъ“ помѣстится на сорока небольшихъ листикахъ! Страницы съ пятью строчками текста и съ сплошными цитатами встрѣчаются въ немъ постоянно (*). Вообще, онъ представляетъ собою сборникъ хорошо связанныхъ цитатъ изъ св. Писанія съ прибавленіемъ иногда указаній на святоотеческія творенія, расположенныхъ по рубрикамъ обдуманной богословской системы, неразъясненныхъ достаточно для неподготовленнаго читателя, а „отрокамъ“ безъ руководства совѣтъ непонятныхъ. На добрыхъ же руководителей въ школахъ рассчитывать было трудно. — Остальные части книжки — такого же свойства. Въ нихъ находимъ иногда мысли, полное усвоеніе которыхъ возможно только при знакомствѣ съ церковной исторіей и философій (**). Мы не хотимъ сказать, что въ „Первомъ ученіи отрокомъ“ все непонятно для обучающагося юноши, но первоначальнымъ руководствомъ его назвать нельзя и отсылать „отроковъ“ послѣ этой книжки къ изученію молитвъ и псалмовъ, какъ дѣлаетъ Теофанъ, нерезонно. — Слѣды времени замѣтны и въ самомъ содержаніи разсматриваемаго произведенія, въ развитіи его мыслей. Къ грѣшникамъ противъ первой заповѣди относятся, между прочимъ, суевѣры. Вотъ какъ характеризуетъ ихъ Теофанъ: „Суевѣрцы, якови и между христіаны обрѣтаются, которіи силу нѣкую вредную или полезную восписуютъ вещамъ или лицамъ нѣкимъ. Напримѣръ: разсуждаютъ, который день къ начинанію дѣла счастливъ и который не счастливый

(*) Тамъ же, л. 11.

есть, кто въ стрѣчу добръ и кто не добръ, волхвуютъ же или волшебствамъ, вѣрять, сны толкуютъ и прочая... Все же то все вѣруется, что не по слову Божию, но легкомысленнымъ разсужданіемъ и по бабьимъ баснямъ вѣруется“ (*). Речь направлена противъ раскольническихъ и вообще народныхъ предрассудковъ, о которыхъ Теофанъ часто говоритъ и въ своихъ проповѣдяхъ. Нарушителями третьей заповѣди, между прочимъ, называются „они прокляти дестцы, которіи иконамъ святымъ, или мощамъ, или мѣсту некоему притворяютъ чудеса и откровенія, или дожица обносятъ мощи подъ именованіемъ святыхъ угодишковъ Божіихъ, или и самихъ себе окажица, славить провидцами и чудотворцами. Подобныи и они на Бога гудятъ, которіи должны или суевѣрныя догматы учать за истинныя, съ вѣденіемъ своимъ противъ совѣсти своей“ (**). — Самая тонъ рѣчи показываетъ Теофанову руку — тяжелую и милующую. Языкъ у Теофана отличается здѣсь простотой и живостью. — Изданіе „Перваго ученія отрокомъ“ имѣло свою исторію. Ему предшествовало давнишнее желаніе государя „краткія поученія людямъ сдѣлать (понеже ученыхъ проповѣдниковъ зѣло мало имѣлось), также сдѣлать книгу, гдѣ изяснить: что непремѣнный законъ Божій, и что совѣты, и что преданія отеческія, и что вещи средія, и что только для чину и обряду сдѣлано, а что непремѣнное и что ко времени и случаю примѣнялось, дабы знать могли, что въ какой силѣ имѣть“ (**). Въ Регламентѣ проэктировалось издать „три книжицы: первую о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры нашей, такожъ и заповѣдяхъ Божіихъ, въ десяти словѣи заключенныхъ; вторую — о собственныхъ всякаго чина должностяхъ; третью такую, въ которой собраны будутъ съ разныхъ святыхъ учителей ясныя

(*) Тамъ же, л. 10.

(**) Тамъ же, л. 15.

(*) Пекар. I. 181.

проповѣди, какъ о главнѣйшихъ догматахъ, такъ и
наипаче о грѣхахъ и добродѣтеляхъ и собственно о
должностяхъ всякаго чина. Первую и вторую книжи-
цу, говорится въ Регламентѣ, могутъ и дѣти учить
изъ начала букварнаго своего ученія“. „Ученіе отро-
комъ“ удовлетворило отчасти нуждѣ, по которой задуманы
были означенныя книжицы (оно читалось даже
по перквамъ) и если на первыхъ порахъ не было по-
всюду распространено, то лишь потому, что отпеча-
тано было не въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ,
хотя, съ другой стороны, на первыхъ порахъ же не
всѣ отнесли къ нему благосклонно. Появилась кри-
тика, обвинявшая автора букваря въ томъ, что „во
всѣмъ ономъ катихизисѣ нигдѣже о крестѣ не вспо-
минается“, тогда какъ мы, „православніи христіане
ничтоже древнѣе, ничтоже первѣе и ничтоже потребнѣе
имамы, паче святаго и спасительнаго креста“; съ него,
по мнѣнію критика, и нужно всегда начинать обученіе
дѣтей. „Азъ мню быхъ, замѣчаетъ онъ, яко для вышей
краткости оставлено, что же иніи разумѣють, они зна-
ють“. Краткія, приличныя случаю молитвы, предпослан-
ныя Теофаномъ букварю, не спасли его отъ подозрѣнія.
„Аще бы кто нынѣ (говорить критикъ) инымъ, кромѣ
сего (изавна установившагося приема обученія—чрезъ
молитвы и псалмы), ученіемъ отроковъ усливался при-
вести чинъ, хотя бы благочестивымъ и ревностнымъ
сіе началъ бы тщаніемъ, обаче едва или никакже
могъ бы избыти порока подозрѣнія, кольми паче но-
воизобрѣтатель, или древняго обычая истребитель,
мнимъ и презираемъ былъ бы“. Ужъ такое тревожное,
безпокойное было время! Въ отвѣтъ на эту критику,
съ надписью „отъ Прокоповича“, всѣ „пренія прее-
кословіемъ толь неукоснымъ и неправеднымъ“, т. е.
всѣ нападки на букварь Теофана, объясняются двумя
невѣжествами—грамматическимъ и богословскимъ⁽¹⁾.

Изъ руководствъ по грамматикѣ, изданныхъ въ
петровскій періодъ, болѣе употребительны были два.

⁽¹⁾ Цесар. 1, 178—81.

Во первыхъ, „грамматика славянская“, составленная
справникомъ московской типографіи Федоромъ Поли-
карповымъ (изд. 1721 г.) и по содержанію очень близ-
кая къ грамматикѣ Милетія Смотрицкаго, за исключе-
ніемъ предисловія, гдѣ, вмѣсто панегирика этой наукѣ,
изложены были причины новаго изданія руководства:
прежнихъ изданій—де слишкомъ мало, а спросъ на
грамматику сталъ большой, постѣ того какъ государь
задался цѣлію образовывать своихъ подданныхъ и съ
этою цѣлію посылаетъ ихъ за границу, чтобы потомъ
сдѣлать ихъ переводчиками, которымъ, конечно, пред-
де всего необходимо основательное знакомство съ род-
нымъ языкомъ. Учитель воегородской школы, иподи-
аконь Федоръ Максимовъ отзывался о произведеніи
Смотрицкаго, какъ объ учебникѣ въ высшей степени
трудномъ, слишкомъ пространномъ и мало понятномъ
во многихъ мѣстахъ. Вслѣдствіе чего онъ рѣшился
самъ „собрать отъ различныхъ вкратцѣ грамматику,
съ приложеніемъ простыхъ реченій, пошеде (въ преж-
ней) содержались славянскія реченія, російски въ
малѣ разумѣваема“. Его трудъ и былъ другимъ учеб-
никомъ грамматики, довольно распространеннымъ.
Онъ представляетъ уже значительныя перемѣны срав-
нительно съ грамматикой Смотрицкаго. Въ немъ при-
бавлено двѣ новыхъ главы: „о согласіи“ (согласованіи
словъ) и „о видномъ или чиновномъ сочиненіи глаго-
ловъ“ (о надежахъ, требуемыхъ различными видами гла-
головъ). Сокращая грамматику Смотрицкаго, Максимовъ
отмѣнилъ ея вопросоотвѣтную форму, уничтожилъ мно-
гославянской членъ (уже, вже, еже), относя его къ
мѣстоименіямъ, опустилъ линіи дѣленія и подразде-
ленія въ трактатѣ объ именахъ и глаголахъ, вмѣсто
прежнихъ шести временъ глагола, призвалъ четыре,
трактаты „о синтаксисѣ образной“ и „о просодии стихо-
творной“ выпустилъ, замѣнивъ послѣдній изъ нихъ пра-
вилами о слогуудареніи и знакахъ превинанія (которыя
у Смотрицкаго помѣщались въ отдѣлѣ орфографіи).

наконецъ, прибавилъ новую часть рѣчи — междометіе и назвалъ нарѣчіе надълигодіемъ. Замѣчательна, говоритъ Пекарскій, попытка Максимова изложить правила не только книжнаго, но и разговорнаго, т. е. русскаго языка.

Вотъ что говоритъ самъ авторъ о переѣздахъ, сдѣланныхъ имъ въ грамматикѣ, и о руководившихъ имъ побужденіяхъ. „Въ сочиненіи же тоя (грамматики) присовокупилися нѣкая правила, ибо многая употребленія обносима зрятся, а правилъ себѣ въ славянстей грамматикѣ не имѣють; отъ нихъ же едино на прикладъ (напримѣръ) здѣ предлагается: Давидъ роди Соломона отъ урины. Се полагается едино имя прилагательное со отъятіемъ существительнаго, еже при слышимо бываетъ сіе: жены; но и простѣ употребляется по сему правилу, якоже сіе: держи объѣма, приразу мѣвается существительной сіе: рукама. Положилися же свойства нѣкая еврейская и греческая, яже въ св. писаніи на славянскомъ діалектѣ премногая зрятся, а како правилами употребляются—не объяснено, къ вѣдѣнію же въ грамматикѣ весьма нужная, ибо невѣдущему сихъ въ писаніи разсуждати и разбирати вельми трудно и смущенно, что въ приноказъ, (для наглядности) одинаго еврейскаго свойства правило предлагается: будутъ два въ плоть едину, и аще имать по славянстей грамматикѣ разбираться, будетъ неправильно, понеже глаголь существительный и предъ собою и по себѣ възыскуеть надежа именительнаго, а здѣ по глаголю лежитъ винительный со предлогомъ *во*, а не именительный; славянски же употребляется сиче: будутъ два плоть одина... Таже стихотворная просодія славянскомъ, яко ненужна и едва употребляема, оставися, а яко и зрятся нѣкіе стихи, равносложнѣ и подобоокончателнѣ славяны употребляемые, но сии токмо содержать роды пѣтическіе, а мѣра въ нихъ весьма не хранится“ и т. д. (1). Съ разрѣшенія св. Синода

(1) Пекар. I, 285—6, а также Христ. Чт. 1877 г. Мартъ—апртъ, «Новгородскія епархіальныя школы въ петровскую эпоху», 362—5.

руководство Максимова было издано въ ноябрѣ 1723 года подъ заглавіемъ: „Грамматика славянская, краткѣ собранная въ греко-славянской школѣ, яже въ Великомъ Новгородѣ при домѣ архіерейскомъ“.

Черниговскій архіепископъ и потомъ митр. тобольскій Іоаннъ Максимовичъ († 1715) въ предисловіи къ составленному имъ лексикону, или латинско-славянскому словарю, высказываетъ удивленіе, что до его времени языкованіе въ Россіи далеко не процвѣтало. Этотъ фактъ исторически онъ объясняетъ тѣмъ, что Россіи въ старину, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ было не до языковъ, не до школьнаго ученія, которое вытѣснялось ученіемъ воинскимъ. Духовенству ближе всего было бы заняться наукой, но оно коснѣло въ невѣжествѣ и, кромѣ церковныхъ книгъ, ничего не хотѣло знать. Только въ Киевѣ благодаря Петру Могилю, напелъ себѣ приютъ латинскій языкъ; отсюда онъ перенесенъ и въ Москву, но преподаваніе его здѣсь, за недостаткомъ хорошихъ учителей, грамматикъ и лексиконовъ, не могло быть успѣшно. Выводъ у Максимовича таковъ, что-де нужно позаботиться о составленіи означенныхъ руководствъ къ языкованію.—Есть московской академи, основанной Лихудами, дѣйствительно, латинскому языку не посчастливилось; хотя онъ и былъ введенъ, но его оттѣснялъ на второй планъ языкъ греческій, родной ученымъ братьямъ. Памятниками усердныхъ педагогическихъ занятій Лихудовъ остались учебники по разнымъ предметамъ академическаго курса, между которыми оказываются и грамматика греческая и латинская. Последняя написана по источникамъ греческимъ и итальянскимъ и представляетъ собою не полное руководство, сборникъ грамматическихъ уроковъ, раздѣленныхъ на три части — по числу трехъ классовъ, гдѣ ихъ нужно было преподавать. Это внѣшнее дѣленіе произвело безсистемность въ изложеніи правилъ, смѣшеніе этимологіи съ синтакси-

сомъ ('). Греческихъ грамматикъ Лихуды составили двѣ—краткую для учениковъ перваго класса (ιββια) и болѣе обширную для риторовъ (*). Обѣ онѣ въ основѣ имѣютъ грамматику *К. Лоскиря* изданную въ Венеціи 1673 г. Разница между ними обусловливалась въ одномъ случаѣ сокращеніемъ неточника и своеобразными способомъ положенія (сократическимъ), а въ другомъ—дополненіями къ нему, принадлежащими самимъ Лихудамъ. Руководства бр. Лихудовъ къ изученію классическихъ языковъ *остались въ рукописяхъ и не имѣли широкаго примѣненія въ духовныхъ школахъ*. Съ переходомъ Лихудовъ въ Новгородъ, ихъ грамматики явились и тамъ, но въ печать опять не угодили. Первыми печатными учебниками, по словамъ Пекарскаго, нужно считать книги, изданныя Копіевскимъ въ Голландіи—славянскую и латинскую грамматику и вокабулы. Славянская грамматика составляетъ краткое извлеченіе изъ грамматики Смотрицкаго съ приложеніемъ въ концѣ „изображенія разговоровъ къ удобнѣйшему познанію языковъ“ (латинскаго, нѣмецкаго и русскаго). Грамматика страдала отсутствіемъ отчетливости и толковитости: требованія языка не выяснялись въ ней, и ученикъ не имѣлъ средствъ добраться до основнаго смысла „разговоровъ“, не понималъ цѣли ихъ изученія. Латинское руководство было составлено лучше. При всѣй краткости правилъ, хорошо подбранныя примѣры представляли учащемуся суть дѣла довольно наглядно и связно. Самъ Копіевскій, судя по предисловію, придавалъ большое значеніе „прикладамъ или образамъ, чрезъ всѣ части этимологій приведеннымъ“, и надѣялся что „во единѣмъ часѣ совершеннѣ всякъ юноша разрѣшити всякое имя и слово возможно“—по изученіи его грамматики. Вокабулы были не что иное, какъ собраніе различныхъ словъ, часто

(') *Исторія москов. академіи* Смирнова, 17—50.

(*) И та и другая—на греческомъ языкѣ.

употребительныхъ въ разговорѣ и размѣщенныхъ по разнымъ отдѣламъ грамматики. Первымъ, отпечатаннымъ въ Россіи руководствомъ къ изученію латинскаго и греческаго языковъ, служить изданный въ 1701 году *Ф. Поликарповымъ* „Алфавитаръ, рекше букварь словено-греко-латинскій“,—только тѣмъ и замѣчательный, что впервые ознакомилъ русскую (московскую) типографію съ иностранными шрифтами и черезъ это сдѣлалъ ее орудіемъ къ распространенію языкованія, хотя и не въ большихъ размѣрахъ. Начинается онъ предисловіемъ гдѣ разсказывается о сошествіи св. Духа на апостоловъ, воздаются похвалы царю представляющему имя Божіе и умоляющему въру посредствомъ кнѣзь, печатанныхъ въ Московской типографіи и сообщается, что букварь составленъ въ чисто-православномъ духѣ, —безъ выдержекъ изъ языческихъ писателей. Прибавленіе въ немъ, сравнительно съ прежними букварями (*), составляютъ стихотворенія *Гр. Назіаназена*, поученія *Василія В.* „къ юнымъ“ и т. п. Приложены къ нему и картинки педагогически-внушительнаго содержанія, о которыхъ намъ приходилось уже упоминать, — черта старинныхъ учебниковъ. — Въ 1704 г. отпечатанъ въ Москвѣ „Лексиконъ, триназычный, сирѣчь реченій славянскихъ, слично-греческихъ и латинскихъ сокровище“. Составлялъ его тотъ же трудолюбивый Поликарповъ, но не одинъ; — въ его исправленіи и дополненіи принимали участіе м. Стефанъ Яворскій, Рафаилъ Краснопольскій и бр. Лихуды. Въ предисловіи Поликарповъ обращается „съ увѣщательнымъ извѣщеніемъ“ къ читателямъ и доказываетъ необходимость изученія трехъ избранныхъ имъ языковъ. Славянскій языкъ, разсуждаетъ онъ, заслуживаетъ вниманія потому, что отъ него произошло множество языковъ, и самое имя его происходитъ отъ „слава“. Греческій языкъ важенъ, такъ какъ съ него

(*) О нихъ см. у Пекарскаго, I, 167 в дал. стр. и др.

переведены сваяи, книги. Латинскій языкъ полезенъ и художнику и воину, потому что принять „въ гражданскихъ и школьныхъ дѣлахъ“. Званіе языковъ (вообще полезно тѣмъ, что искореняетъ вѣры злочестивыя; и не мало бы иноземцевъ, имѣя руководство къ изученію славянскаго языка, приходило въ благочестіе“, говоритъ увлеченный важностію своего труда авторъ. Званіе языковъ, продолжаетъ онъ, одобрялъ самъ Спаситель; добрый примѣръ и плоды языкознанія мы видимъ на семидесяти толковникахъ (*). Не отличался особенною полнотою, лексиконъ Поликарпова, тѣмъ менѣе не терялъ значенія до 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Къ концу царствованія Петра, изданъ былъ лексиконъ—латинославянскій—съ подписью Юанна Максимовича. Упомянутое уже нами предисловіе къ этому лексикону такъ выражаетъ побужденія автора написать его. „Въ училищахъ тако ради удобнѣйшаго ученія, яко и скорѣйшаго языку латинскому навыкновенію, двѣ наипаче, по согласію всѣхъ въ семь дѣлъ, искуснѣйшія нужды быти мнятся: первая—да всякую вещь и дѣйство ученикъ прямѣмъ реченіемъ латинскимъ нареци, или что тоже есть всякое реченіе славянское или русейское по латинѣ сочиняти умѣлъ бы. Вторая—да реченія латинская еклоняти и по правиламъ грамматическимъ, такожде и по свойствамъ латиновъ, сочиняти умѣлъ бы. Въ сей второй нуждѣ учителей должностъ есть: книги грамматики латинскія по своему произволу избрати, регулы толковати, регулами же необятная особь показывати и неудоборазумѣваемыхъ словъ и сказаній толкъ изъясняти. Перная же, самимъ учащимъ надлежащая вина, во еже ихъ ко удобнѣйшему языку латинскаго познанію пользу воспріяти, весьма колеблется (грамматики есть—де въ нашихъ школахъ, а лексиконовъ почти нѣтъ), и аще нѣкто (т. е. Поликарповъ) лексикономъ

(*) Печар. I, 191, стр. 704. С. Максимовъ и др. стр. 61.

славено—греко—латинскимъ, здѣ въ Москвѣ печатнымъ, ради предложенія съ славянскаго на латинскій своихъ экзерцицій, новочащихся и вспомогаѣ, обучасимъ въ высшія школы преходящимъ, егда налагаются чтеніе книгъ латинскихъ, сколь неудобно и едва возможно есть въ школахъ неизученная, но ниже когда слышанная реченія разумѣти, разумъ творческихъ поити и что прямо такъ разсуждати, не сущу лексикону латино-славянскому“ (*). При собираніи лексикографическаго матеріала и при систематизаціи его Максимовичъ понесъ много тяжелаго, кровотливаго труда. Матеріалъ ему давали русскія и греческія книги и нѣсколько словарей, а расположилъ онъ его по образцу латино-польскаго словаря Гр. Кнанин, въ свое время очень распространеннаго. Лексиконъ вышелъ объемистый и обработанный добросовѣстно, съ дѣльнымъ предисловіемъ (**).

Изученіе шитики, реторики, логики, психологіи и физики началось въ московской академіи съ Лихудовъ; отъ нихъ первыхъ остались и руководства по этимъ предметамъ, руководства не отпечатанныя, какъ и упомянутыя выше греческая и латинская грамматики. Первые три преподавались на греческомъ языкѣ, психологія и физика—на латинскомъ. Главнымъ авторитетомъ у ученыхъ братьевъ служилъ Аристотель; онъ давалъ имъ и матерію и форму для ученой работы; только образцы краснорѣчія и другіе примѣры Лихуды съ большою охотою брали изъ святоотеческихъ твореній, находя это болѣе умѣстнымъ и полезнымъ въ духовной школѣ. Во второй періодъ своего существованія (съ преобразованія при Петрѣ В.) московская академія имѣла у себя уже не двоихъ-трехъ, а много ученыхъ наставниковъ по разнымъ предметамъ, которые, помимо руководствъ, принадлежавшихъ Лиху-

(*) Тамъ же, I, 194—5.

(**) Тамъ же, 196.

дамъ, занялись составленіемъ новыхъ учебниковъ по доступнымъ имъ источникамъ. Но, съ одной стороны, потому, что всякій профессоръ любилъ преподавать по своимъ запискамъ, оставляя въ забвеніи труды предшественника, съ другой—потому, что записки рѣдко попадали подъ типографскій станокъ, большая часть ихъ осталась въ малоизвѣстныхъ рукописяхъ, а нѣкоторыя и совсѣмъ затерялись, такъ что хронологически—степеннаго предмета въ учебникахъ со времени Лихудовъ до конца разсматриваемаго нами періода не оказывается.—Въ упомянутыхъ трудахъ находится мало самостоятельнаго и характернаго для эпохи; духовная высшая школа жила особнякомъ и рѣдко отражала въ себѣ интересы и перевороты кипучей государственной жизни; въ то время, когда Россія, въ лицѣ правительства, старалась стряхнуть съ себя обветшалыя формы существованія и жадно стремилась къ новизнѣ, представители нарождавшейся духовной школы рады были обосноваться на старыхъ авторитетахъ и усвоить ихъ, такъ какъ на этихъ авторитетахъ они сами воспитались и созрѣли умственно. Если и были попытки самостоятельнаго исканія истины, чисто философскаго отношенія къ дѣлу науки, то они не приводили ни къ чему существенно-важному и ограничивались незначительными измѣненіями въ учебникахъ—опять таки подъ вліяніемъ какихъ либо иностранныхъ руководствъ, написанныхъ, въ свою очередь, подъ вліяніемъ Аристотеля. „Сей несравненный мужъ“ служилъ краеугольнымъ камнемъ академической философіи которая, распадаясь на нѣсколько частей, заключала въ себѣ и логику, и діалектику, и метафизику съ физикой. Какъ на образецъ, можно указать на философскіе уроки Теофилакта Лопатинскаго подъ обширнымъ заглавіемъ: „Trivium Aristotelis, ab Alcide Roxolano bennio decurrendum, sive tres philosophiae species: logica, physica et metaphisica, Athenis Alexievicianis, sacrae Tsarae, Majestatis Moschoviensibus, prelucente Iavorsciana Cynthia, elucidari et publice tradi coeptae

anno 1704, nona Septembris“. Въ этомъ же родѣ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, остались записки: „Speculum, virtutem scientiarum repraesentans seu summae logicae, anno verbi incarnati 1708 expositae“; „Tractatus phisicus in octo libros phisicorum Aristotelis an. 1710. De ente vero et ente bono. De anima“,—(дѣлнн префекта Стефана Прибыловца) и „Universa Aristotelis philosophia, ad regulam christianae veritatis conformata a reverendo patre et prophessore erudito hujusque philosophiae doctore Gedeone Wissniowsky scripta in collegio Caesariae Majestatis Mosquensi, anno 1717 et sequenti“ (1) Разсуждая объ обязанности философа искать истину самостоятельно, О. Лопатинскій говорилъ: „хотя мы уважаемъ всѣхъ философовъ, а преимущественно Аристотеля, однакожъ, не утверждаясь на древнихъ мнѣніяхъ, но желая узнать истинную истину, не полагаемся на чьи либо слова. Философу свойственно любить болѣе разуму, чѣмъ авторитету, потому что привязанность къ тому или другому автору не разъ извращала правильный выборъ мнѣній и дѣлала изъ ученыхъ обезьянъ. Умъ былъ не у одного Платона или Аристотеля; учившіе прежде насъ не суть владыки наши, но только вожди. Истина открыта для всѣхъ и еще не исчерпана; многое осталось отъ нея и для будущихъ поколѣній“. — Но, возражая противъ рабскаго подчиненія древнимъ мыслителямъ на словахъ, О. Лопатинскій, равно какъ и его соотрудники по кафедрѣ, на дѣлѣ не въ силахъ были освободиться отъ подражанія ихъ системамъ и всегда имѣли послѣдствія мѣриломъ, критеріемъ правильности собственнаго научнаго мышленія; авторитеты, признанные схоластикой и сильно подорванные на западѣ философіей Декарта, въ Россіи только еще, такъ сказать, заподозривались, а соперниковъ пока не имѣли, и сомнѣніе въ ихъ непогрѣшимости было на

(1) Исторія москов. знанія, Смирнова М. 1855, стр. 158 и др.

столько же сознательно, на сколько прежде было сознательно благоговѣніе предъ ними. Въ тѣхъ же самыхъ лекціяхъ, гдѣ тамъ слыло высказывался Теофилактъ о Платонѣ и Аристотелѣ, обнаруживается и его непривычка мыслить самостоятельно, робость передъ „открытой для всѣхъ истиной“ которую требовалось найти. Радикализмъ упоминаемаго имъ Декарта, хотя и придалъ ему долю храбрости въ обращеніи съ Аристотелемъ, но положеніе „cogito, ergo sum“ въ его системѣ прозвучало бы фальшиво, если бы онъ вздумалъ его употребить. Даже любимое выраженіе академическихъ профессоровъ—amicus Plato, sed magis amica veritas—не совсѣмъ гармонировало съ общимъ характеромъ ихъ уроковъ, которые и по формѣ не были оригинальны, сохранивъ всѣ типическія черты западной схоластики, страдавшей излишнею привязанностью къ дѣленіямъ и подраздѣленіямъ и подчинявшей содержаніе формѣ. У Ѳ. Лопатинскаго философія раздѣлена на созерцательную (speculativam) и дѣятельную (practicam); къ первой относилась метафизика, ко второй—логика съ ионикой. Логика отнесена къ послѣдней части на томъ основаніи, что духовная дѣятельность человека состоитъ изъ суммы дѣйствій ума и воли. За введеніемъ, у него слѣдуетъ dialectica, или logica minor, рассуждающая о трехъ дѣйствіяхъ ума—о понятіяхъ, сужденіяхъ и умозакоченіяхъ. Logica major рассуждаетъ о тѣхъ же дѣйствіяхъ, только пространнѣе, обстоятельнѣе. Въ ней сообщаются предварительныя сѣдѣнія о свойствахъ, предметѣ и раздѣленіи логики; въ ней есть полемическая часть; сухія формы мышленія, представленные въ діалектикѣ, она подробно изслѣдуетъ и узаконяетъ научными доказательствами. Въ содержаніи логики, говоритъ Смирновъ, схоластика болѣе, чѣмъ въ другихъ наукахъ, отпечатлѣла свой тяжелый характеръ; она наполнила ее пустыми формами и отвлеченностями, трудными для изученія; если взять въ разсмотрѣніе даже тѣ части ея, которыя оживлены множествомъ примѣровъ, и тутъ въ разнообразіи формъ запутывается мысль; такова, напр., глава о видахъ силло-

гизмовъ, послѣ Аристотеля до крайности распространенная Галеномъ и схоластиками². Сознавая ненужность и трудность для запоминанія логическихъ мелочей, Теофилактъ однако всѣ ихъ помѣстилъ въ своей системѣ.—За логикой у Лопатинскаго слѣдуетъ физика, начинающаяся вопросами о началахъ вещей; кромѣ аристотелевскихъ изслѣдованій въ этой области, у него приводятся мнѣнія новѣйшей науки и проводится критическій взглядъ на нихъ съ точки зрѣнія христіанства. Изслѣдовавъ вопросы о природѣ вообще, о ея свойствахъ сходныхъ и противоположныхъ, о силѣ и дѣйствіяхъ искусства, Теофилактъ беретъ на себя задачу объяснить удивительныя явленія въ природѣ, на что посвящаетъ особый трактатъ—о естественной магії, отличающійся обычной схоластическою дробностью. Вторая часть физики Лопатинскаго работаетъ въ совершенно отвлеченной области, занимается вопросами: о причинѣ и дѣйствіи вообще, о дѣйствующей причинѣ сотворенной и несотворенной, о томъ, какъ Богъ вступаетъ въ сношенія съ тварями, о твореніи, сохраненіи, о причинахъ формальной и конечной. Третья часть изслѣдуетъ свойства тѣлъ—движеніе, покой, трактуетъ о пустотѣ и т. д. Вопросъ о времени заканчиваетъ физику.—Метафизика рассуждаетъ: о существѣ вообще, о существѣ возможномъ и дѣйствительномъ, о свойствахъ существа, о субстанціи, о Богѣ и ангелахъ, о противоположностяхъ сущаго, объ отрицаніи существа, о существѣ химерическомъ. Вдаваясь часто въ мелочи и не проверяя источниковъ сестезованія, Теофилактъ излишне осложнилъ и запуталъ плывъ своей метафизики и далъ въ ней мѣсто невѣроятностямъ.—Ионки въ лекціяхъ Лопатинскаго не оказываются; но, для полноты обзора философскихъ уроковъ въ московской академіи, ея историкъ изложилъ содержаніе этой науки по урокамъ Козловича и Калаширафа, составленнымъ гораздо позже рассматриваемаго нами періода (въ половинѣ 18 ст.) и по характеру своему свидѣтельствующимъ, что въ эту пору профессора ака-

демія, подь вліяніємъ западной философіи, приобрѣли больше самостоятельности, стремились къ скатости изложенія и правильности его, сокращая уроки, въ виду опредѣленнаго учебнаго времени (*) — Лекціи по философіи О. Лопатинскаго могутъ характеризовать для насъ того же рода записки и другихъ наставниковъ академіи, ближайшихъ къ нему по времени. „Нельзя сказать, замѣчаетъ Смирновъ, чтобы записки ихъ были списками съ одного учебника: всякая система отличается по изложенію и объему. Видно, что каждый наставникъ желалъ быть самостоятельнымъ и не хотѣлъ вполнѣ руководствоваться системой своего предшественника: но основаніе было одно — книги Аристотеля и комментаріи на нихъ, составленные во множествѣ перипатетиками среднихъ вѣковъ; оставалось по этому строго опредѣленному плану строить зданіе науки, и наставники не отступали отъ него въ существенныхъ пунктахъ. Они только разнообразили языкъ, сокращали, переставляли трактаты изъ одного мѣста въ другое, что и замѣтно во всѣхъ учебникахъ академіи“.

2) Сочиненія по догматическому богословію. Первымъ по времени руководствомъ по догматическому богословію для московскихъ учителей были лекціи по богословію Іоасафа Кроковскаго († 1718), бывшего ректоромъ кievской коллегии, а потомъ кievскимъ митрополи-

(*) Планъ книги Колауграфа: Часть I. Philosophia practica universalis. Гл. 1. de actionibus humanis earumque differentia, 2. de obligatione, 3. de lege naturae, 4. de poenis et praemiis, 5. de virtute et vicio hominisque felicitate, 6. de conscientia, 7. de imputatione. Ч. II. гл. 1. de officiis erga Deum, 2. — erga se ipsum, 3. — erga alios. Ч. III. гл. 1. de virtutis studio, 2. de medio intellectus perficiendi, 3. de moderandis affectibus, 4. de temperantia, 5. de castitate, 6. de diligentia, liberalitate et parsimonia, 7. de modestia, 8. de virtutibus in fortuna serunda et adversa. Ч. IV. гл. 1. de idea Ecclesiae, 2. de potestate ecclesiastica, 3. de potestate te conciliorum, 4. de potestate excommunicandi, 5. de membris Ecclesiae, 6. de jure officioque docentium, 7. de jure et officio antistitum.

томъ, подь заглавіемъ: Tractatus theologicus in collegio Kiewo—Mogiliano traditi et explicati. Всѣхъ богословскихъ трактатовъ у Кроковскаго, кромя небольшого введенія, двѣнадцать. Приступая къ дѣлу, Іоасафъ отказывается начинать богословіе „отъ перваго начала всѣхъ вещей Трїединнаго Бога“, потому что это трудно; да и не все ли равно, рассуждаетъ онъ потомъ, вѣдь Богъ (начало) есть въ тоже время и конецъ всего, — почему же Имъ не кончить? Онъ намѣренъ прямо обратиться къ раскрытію догмата о воплощеніи Бога Слова и таинствъ, Имъ установленныхъ. Начинаетъ Кроковскій все-таки съ того, что объясняетъ своимъ слушателямъ смыслъ названія „theologia“, указываетъ предметъ науки, ея значеніе и раздѣленіе (богословіе дѣлится на умозрительное и дѣятельное) и заключаетъ все это неожиданнымъ посвященіемъ лекцій Богу. „Вѣруемъ, Треблагій, говоритъ онъ, что четыре таинственныхъ животныхъ, образовавшихъ собою четырехколѣнную колесницу, какъ показываетъ вамъ священная страница въ книгѣ (Іез. X, 9 — 15), приносятъ тебѣ торжественныя хваленія; вошь и мы теперь посвящаемъ четырехколѣнную колесницу, т. е. четырехлѣтнія наши занятія богословіемъ, при Твоемъ содѣйствіи, для храненія, умноженія и возвышенія Твоей божественной славы“. — Руководясь въ составленіи плана своихъ уроковъ какимъ-то непонятнымъ капризомъ, Кроковскій запуталъ его. Трудность разсмотрѣнія догмата о св. Троицѣ была не устранена имъ, а только отложена, между тѣмъ какъ употреблявшаяся до него система преподаванія богословія, послѣдовательная и гладкая съ формальной стороны, была нарушена, стѣсненіемъ чего явилась необходимость строить фальшивые переходы отъ одного трактата къ другому, изворачиваться на словахъ, хитрить съ слушателями. Послѣ разсужденій о воплощеніи, Кроковскій говоритъ „въ предшествующемъ трактатѣ мы разсуждали о Словѣ воплощенномъ, какъ о сынѣ человеческомъ по описанію Іоанна Богослова (Апокал. 1, 13), описан-

номъ поясомъ златымъ и имѣющемъ главу и власы бѣлыя, какъ волна и какъ снѣгъ, и глаза, какъ пламень огненный, т. е. разсматривали Его святость, свободу и другія совершенства. Теперь обратимъ взоры свои на сего же Сына человеческого, какъ на ходящаго среди седми свѣтильничковъ златыхъ и держащаго седми звѣздъ въ десницѣ своей, т. е. какъ на учредителя седми таинствъ въ церкви.—За положительнымъ раскрытіемъ православнаго догмата, у Кривоускаго, обыкновенно, слѣдуетъ отрицательно-полемиическое; споръ ведется и съ католиками и съ протестантами; ему придавалось особенное значеніе, такъ какъ православіе на западѣ было въ сильномъ гоненіи. Нравственно-богословскіе вопросы слѣдовали наряду съ догматическими; ршеніе тѣхъ и другихъ осложнялось мелочными тонкостями, обличавшими въ кievскихъ профессорахъ больше празднаго любопытства, чѣмъ строгой научности (*).—Изъ богословскихъ уроковъ, читанныхъ въ московской академіи, известны лекціи того же Ѳ. Лопатинскаго съ названіемъ: „Scientia sacra, disputationibus hteologicis ss. ecclesiae orientalis, scripturae, concilii et patribus consentaneis, speculative et contraverse illustrata in collegio Petro-Alexiewicziano Mosquensi an. 1706—10“. Полнотою эти лекціи превосходятъ уроки кievскихъ наставниковъ (*). „Мы приступаемъ къ великому дѣлу, — такъ начинаетъ Теофилактъ свои чтенія. Если сотая часть капли высшаго вѣденія приводитъ нашъ разумъ въ крушеніе, то что ему дѣлать, когда предъ нимъ будетъ безмѣрный океанъ всякаго совершенства? Если малѣйшій атомъ кажется огромною массою, подавляющею умъ человѣка, что сказать, когда онъ представитъ Того, Который держитъ всю вселенную? Не нашего ума это дѣло; это дѣло самаго неизреченнаго Бога, Который одинъ есть достойный

(*) Исторія кievской академіи, М. Булгакова, стр. 69 и дал.

(*) Тамъ же, стр. 136 и дал.

слушатель своего святаго Слова; не время, а вѣчность нужна для возможнаго человѣку познанія о Богѣ. Размышленіе о Немъ только умножаетъ, а не облегчаетъ трудность. Это испыталъ древній поэтъ Симонидъ, у котораго когда тиранъ Геронъ спросилъ, кто Богъ и каковъ Онъ? то онъ просилъ у него два дня на размышленіе и потомъ все откладывалъ отвѣтъ и требовалъ прибавки срока. Удивленный тиранъ спросилъ, наконецъ, его о причинѣ, почему онъ долго не отвѣчаетъ на вопросъ. Симонидъ отвѣчалъ: чѣмъ болѣе я размыслию, тѣмъ труднѣе для меня кажется ршеніе вопроса. Итакъ, не полагаясь на свои силы, но испросивъ помощи отъ Господа, начнемъ о Немъ слово“. Потомъ авторъ высказываетъ желаніе вчать преподаваніе богословія ученіемъ о трединомъ Богѣ, потому что Онъ есть начало всего и, подобно Кривоускому, строить произвольный планъ. „Во первыхъ, мы будемъ говорить, предупреждаетъ онъ, о Богѣ, какъ Богѣ, т. е. о Его бытіи, сущности и свойствахъ; во вторыхъ, о Богѣ познающемъ, или о знаніи Божественномъ, въ третьихъ, о Богѣ хотящемъ, или о хотѣніи Божіемъ; въ четвертыхъ о провидѣніи Божіемъ, о предопредѣленіи и отверженіи и, ex occasione, о прочихъ свойствахъ, какъ напр. о неизмѣняемости; въ пятыхъ, о Богѣ въ троицѣ. Здѣсь же будемъ разсуждать о Богѣ, какъ существѣ простомъ. А о невидимости Божіей скажемъ въ слѣдующемъ году“. Предложивъ такой странный планъ науки, Теофилактъ замѣчаетъ: „Этотъ порядокъ намъ нравится и мы будемъ держать ся его“, поставляя, такъ образомъ, систематизацію знанія въ зависимость отъ личнаго своего взгляда, а не отъ логическихъ требованій. Смысленіе разнохарактерныхъ вопросовъ у Лопатинскаго—дѣло обыкновенное; таинства отнесены у него къ нравственному ученію въ трактатѣ о вѣрѣ говорится о вѣрѣ, какъ добродѣтели и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о предметахъ вѣры: о Богѣ, откровеніи, преданіи; въ трактатѣ о нравѣ и чистотности, наряду съ вопросомъ о гражданскомъ и церков-

номъ правѣ, поставленъ вопросъ о правахъ ангеловъ, о правѣ ангеловъ и людей — плодъ схоластическаго любопытства, слѣдствіемъ котораго также являются въ урокахъ Лопатинскаго вопросы, мало вижущіеся съ серьезнымъ дѣломъ преподаванія богословія, напр. о волшебствѣ и его видахъ. Правда, этотъ вопросъ съ практической точки зрѣнія былъ важенъ въ петровскую эпоху, но мѣсто ему было не въ догматическомъ богословіи. Придерживаясь категорическихъ указаній Аристотеля въ размѣщеніи отдѣловъ науки, Лопатинскій и его товарищи по кафедрѣ игнорировали природную, внутреннюю зависимость этихъ трактатовъ другъ отъ друга, основанную на ихъ содержаніи. Въ силу того правила, что „образъ ученія о противоположныхъ предметахъ сходенъ“, и что противоположные предметы становятся болѣе ясными, когда „поставляются одинъ подлѣ другаго“, схоластики, незадумываясь, предлагали въ одномъ трактатѣ ученіе о добродѣтели, о порокахъ, оправданіи, благодати и заслугѣ⁽¹⁾. Привнеся въ богословскую науку начала диалектическаго ума и не сдерживая любопытства послѣдняго тамъ, гдѣ откровеніе не могло его удовлетворить, излагая систему по категоріямъ Аристотеля, недостаточно сообразуясь съ тѣмъ, какіе предметы для изслѣдованія давала сама библія, схоластика отводила почетное мѣсто въ богословіи тому, что съ точки зрѣнія откровенія не важно, и, на оборотъ, мало останавливалась на богословскихъ вопросахъ, не подходившихъ подъ готовые рубрики. Въ видахъ примиренія философіи съ богословіемъ, знанія съ вѣрою, схоластика считала себя въ правѣ переполнять страницы богословскихъ системъ нерѣдко мелочными изысканіями естественно-научнаго свойства, при чемъ на достовѣрность этихъ изысканій обращала недостаточно вниманія и допускала въ нихъ много леген-

(1) Ист. Моск. акад. 140.

дарнаго. Въ разѣ опредѣленныя систематическія формы вкладывался громадный и разнородный научный матеріалъ, подвергаясь урѣзванію, сокращенію тамъ, гдѣ онъ не подходилъ подъ готовую логическую мѣрку. Благоговѣніе передъ формой всегда вредило содержанію, между предметами котораго порывалась естественная связь и устанавливалась фальшивая. За отсутствіемъ свободы въ изслѣдованіи, схоластики, при томъ, рѣдко пользовались свѣжимъ матеріаломъ для построенія новыхъ системъ; они больше писали комментаріи на комментаріи, передѣлывали и перетолковывали старое, упражнялись въ выводахъ однихъ понятій изъ другихъ, въ составленіи силлогизмовъ изъ вербальнаго запаса, въ изобрѣтеніи ловкихъ диалектическихъ оборотовъ. Крупные и мелкіе отдѣлы науки у московскихъ профессоровъ богословія располагались болѣею частью по слѣд. плану. Ставился очередной для рѣшенія вопросъ; за нимъ слѣдовало отвѣтъ въ формѣ нѣсколькихъ положеній, обозначенныхъ цифрами — положеніе первое, положеніе второе и т. д.; далѣе слѣдовали „доказательства“ изъ св. писанія и „подтверженія“ изъ отеческихъ твореній, сопровождавшіеся иногда мнѣніемъ богослововъ и богословскихъ силлогизмомъ. Рядомъ съ отвѣтомъ на вопросъ идутъ возраженія и ихъ опроверженія, заимствованныя изъ исторіи церковной полемики, или придуманныя вновь. Положительный и отрицательно-полемиическій отдѣлы одинаково переполнялись подробностями, выходили растянутыми и значительно запутанными, такъ что студентамъ не удавалось ихъ выслушивать сполна, не смотря на четырехлѣтній курсъ.

Слабыя стороны схоластическихъ богословскихъ системъ легко подмѣтилъ Теофанъ Прокоповичъ и взялся устранить ихъ въ своихъ богословскихъ трактатахъ, читанныхъ въ кievской коллегіи. Прежде всего въ этихъ трактатахъ онъ отдѣлилъ богословіе догматическое отъ нравственнаго, специализировавъ то и другое и точнѣе опредѣливъ ихъ задачи. Причѣмъ

Прокоповичи вызвали множество подражаний. Съ его трактатами сперва академическіе, а потомъ и семинарскіе преподаватели богословія обходились такъ же, какъ прежде обходились съ схоластическими системами, т. е. ихъ исправляли, сокращали, дополняли, такъ что въ результатѣ система, извѣстная подъ именемъ Теофана, оказывается плодомъ работы цѣлой школы, трудившейся по почину Теофана и по его методу. Такъ какъ самъ Прокоповичъ не окончилъ своей системы, то его послѣдователямъ предстояло, придерживаясь его указаній, сдѣланныхъ въ обширномъ введеніи, восполнить недостающее. Изъ восьми трактатовъ, написанныхъ Теофаномъ, говоритъ Червяковскій, въ несомнѣнно-подлинномъ видѣ до насъ дошло только одинъ (*) Вотъ ихъ перечень: 1) о священномъ писаніи (это введеніе въ богословіе), 2) о Богѣ единомъ, 3) о Богѣ троякомъ, 4) объ исхожденіи Св. Духа (особенно много измѣненный), 5) о твореніи и промысленіи, 6) о состояніи невиннаго человѣка, 7) о состояніи человѣка поврежденнаго, 8) о благодатномъ оправданіи грѣшника чрезъ Христа. Во введеніи, состоящемъ изъ 13-ти главъ, послѣ вступительной рѣчи, раскрывающей важность богословія и указывающей условія, безъ которыхъ немислимо изученіе его (смиренномудріе, свобода отъ предвзятыхъ идей, расположеніе вбрызть св. писанію и благодать Божія), Теофанъ даетъ научное опредѣленіе богословія, указываетъ его главные предметы и цѣль (гл. 1); дѣлитъ богословіе на догматическое и нравственное (2 гл.); представляетъ порядокъ разсмотрѣнія вопросовъ, которыми должна заняться наука. Главныхъ частей въ догматикѣ двѣ: од-

на изъ нихъ учить о Богѣ въ себѣ (de Deo ad intra), другая—о Богѣ въ Его дѣйствіяхъ, проявленіяхъ (ad extra). Подраздѣленія 1-й части: а) о Богѣ въ Его существѣ, о бытіи, общихъ (въсѣмъ тремъ лицамъ) свойствахъ, б) о Богѣ въ лицахъ, въ ихъ отношеніяхъ и признакахъ. Такъ какъ внѣшняя дѣятельность Божества слѣдуетъ изъ предопредѣленія (decretum), совѣта Божія о дѣйствіи и изъ самаго дѣйствія, то дѣленія 2-й части слѣдующія: а) предопредѣленіе и совѣтъ Божій о дѣйствіи, б) дѣятельность, проявляющаяся въ твореніи и промысленіи. Теоріеи частіе разсматривается по отношенію къ міру видимому и невидимому, промысленіе бываетъ общее (о природѣ разумной и неразумной) и особенное—о паденіи человѣка. Трактатъ объ особенномъ промысленіи долженъ разсуждать о паденіи перваго человѣка и чрезъ него всего чело- вѣчества и объ Испуителѣ, т. е. а, о таинствѣ во- ложенія, б, о служеніи Посредника (І. Христа) и у) о Его двойномъ состояніи. Плоды искупленія усваиваются не всѣми, а только тѣми, которые не противятся благодатному призванію, предопредѣленны ко спасенію на основаніи божественнаго предвѣденія; поэтому богословіе должно говорить и о призваніи и о предопредѣленіи, а потомъ о противоположномъ имъ отверженіи. Такъ какъ, дѣлѣ, искупленіе полезно только подъ условіемъ усвоенія его, то богословіе говоритъ и объ этомъ усвоеніи, т. е. о причинѣ его—благодати.—о способѣ или орудіи: вѣрѣ и божественныхъ таинствахъ.—и о плодахъ усвоеннаго искупленія: оправданіи, усво- вленіи, освященіи и прославленіи. Въ концѣ слѣдуетъ рѣчь о предметѣ предопредѣленія, призванія и искупленія, т. е. о церкви Христовой, которая разсматривается въ четырехъ состояніяхъ: до закона, послѣ закона, въ благодати и славѣ.—Предметъ нравственнаго богословія—добрыя дѣла, обозначающія въ писаніи именемъ любви. Любовь—двойная: къ Богу и ближ- нему; поэтому нравственное богословіе разсуждаетъ: 1) о религіи, какъ выраженіи любви къ Богу, 2) о спра-

(*) *De gratuita peccatoris per Christum justificatione*. Христ. Чт. 1876 г. I. стр. 35. Полное собраніе трактатовъ Прокоповича съ исправленіями и дополненіями извѣстно въ печати подъ заглавіемъ: «*Christianae Orthodoxae Theologiae in academia Kiowiensi Theophane Procopowicz ejusdem academiae rectore, postea archiepiscopa Novogrodensi adornatae et propositae volumen primum, se cundum et tertium.*»

на изъ нихъ учить о Богѣ въ себѣ (de Deo ad intra), другая—о Богѣ въ Его дѣйствіяхъ, проявленіяхъ (ad extra). Подраздѣленія 1-й части: а) о Богѣ въ Его существѣ, о бытіи, общихъ (въсѣмъ тремъ лицамъ) свойствахъ, б) о Богѣ въ лицахъ, въ ихъ отношеніяхъ и признакахъ. Такъ какъ внѣшняя дѣятельность Божества слѣдуетъ изъ предопредѣленія (decretum), совѣта Божія о дѣйствіи и изъ самаго дѣйствія, то дѣленія 2-й части слѣдующія: а) предопредѣленіе и совѣтъ Божій о дѣйствіи, б) дѣятельность, проявляющаяся въ твореніи и промысленіи. Теоріеи частіе разсматривается по отношенію къ міру видимому и невидимому, промысленіе бываетъ общее (о природѣ разумной и неразумной) и особенное—о паденіи человѣка. Трактатъ объ особенномъ промысленіи долженъ разсуждать о паденіи перваго человѣка и чрезъ него всего чело- вѣчества и объ Испуителѣ, т. е. а, о таинствѣ во- ложенія, б, о служеніи Посредника (І. Христа) и у) о Его двойномъ состояніи. Плоды искупленія усваиваются не всѣми, а только тѣми, которые не противятся благодатному призванію, предопредѣленны ко спасенію на основаніи божественнаго предвѣденія; поэтому богословіе должно говорить и о призваніи и о предопредѣленіи, а потомъ о противоположномъ имъ отверженіи. Такъ какъ, дѣлѣ, искупленіе полезно только подъ условіемъ усвоенія его, то богословіе говоритъ и объ этомъ усвоеніи, т. е. о причинѣ его—благодати.—о способѣ или орудіи: вѣрѣ и божественныхъ таинствахъ.—и о плодахъ усвоеннаго искупленія: оправданіи, усво- вленіи, освященіи и прославленіи. Въ концѣ слѣдуетъ рѣчь о предметѣ предопредѣленія, призванія и искупленія, т. е. о церкви Христовой, которая разсматривается въ четырехъ состояніяхъ: до закона, послѣ закона, въ благодати и славѣ.—Предметъ нравственнаго богословія—добрыя дѣла, обозначающія въ писаніи именемъ любви. Любовь—двойная: къ Богу и ближ- нему; поэтому нравственное богословіе разсуждаетъ: 1) о религіи, какъ выраженіи любви къ Богу, 2) о спра-

ведливости, которая состоит въ любви къ ближнему. Въ порядкѣ изложенія предполагалось сообразоваться съ десятисловіемъ. Къ ученію о каждой заповѣди проэктивировалось присоединить ученіе о противоположныхъ ей порокахъ, объ обѣтованіяхъ Божиихъ, хранителяхъ закона и о наказаніяхъ преступникамъ его (3 гл.) Далѣе слѣдуютъ: разсужденіе объ основномъ началѣ богословія, каковымъ главнымъ образомъ, съ научной, формальной точки зрѣнія, признается одно св. писаніе (4 гл.); вопросъ объ авторитетѣ св. писанія (5 и 6 гл.); о необходимости его (7), о ясности (8), о совершенствѣ и полнотѣ (9), о правильномъ толкованіи его (10), о каноническихъ книгахъ (11), о переводѣ св. писанія на отечественный языкъ (12), о значеніи для богословія соборовъ, преданій и отеческихъ писаній (13) (*). За введеніемъ слѣдуетъ первая часть богословія — догматическая. Она представляетъ собою строго-логическое развитіе намѣченныхъ во введеніи пунктовъ по правильно построенному плану (*). Тоже нужно ска-

(*) Большая часть этой главы написана не Оеофаномъ. Хр. Чт. 1876 г. т. 1, 36.

(*) Трактатъ о Богѣ въ Его существѣ распадается на двѣ книги: одна говоритъ о сущности, бытіи и свойствахъ Божіихъ общахъ, другая — о свойствахъ Упостасей и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Первая книга содержитъ 19 главъ. Въ нихъ предлагается: опредѣленіе и описаніе Бога на основаніи св. писанія; рѣшеніе вопросовъ — можетъ ли сотворенный разумъ познать и объять Божество (противъ древнихъ аномеевъ), можно ли заключать понатіе и Богѣ въ догматическое опредѣленіе (противъ схоластиковъ, частію — противъ Франциска Шварца, который изъ своего опредѣленія «Deus est ens a se» думалъ вывести всѣ совершенства и свойства сущности Божія и доказывалъ, что это опредѣленіе достаточно для познанія божественной сущности. Lib. 1. De essentia et existentia Dei, cap. II и III); раскрывается смыслъ ветхозавѣтныхъ именъ Божіихъ (2 гл.); доказываются бытіе Божіе (противъ атеистовъ — гл. 3), единство Божіе (противъ думичиковъ — гл. 4 и 5), простота божественной сущности (противъ антропоморфистовъ, представлявшихъ Упостасы св. Троицы въ особенныхъ образахъ и приписывавшихъ Божеству нѣкоторыя ощущаемыя свойства, въ родѣ фаворскаго свѣта — 6 и 7 гл.); говорится о свойствахъ Божіихъ вообще (8 гл.) и, въ частности, о совершенствѣ (9), о

затѣ и о второй части, которая осталась неоконченною; содержаніе ея въ общихъ чертахъ намѣчено въ трактатѣ „De statu hominis integri“. Матеріалъ у Оеофана систематизированъ строго, вслѣдствіи чего цѣль ширѣ

безконечности и вѣчности (10), безпредѣльности (11), неизмѣненности (12), премудрости (13), всеогуместѣ (14), воли (15), благодѣ (16), жизни и безсмертія Божества (противъ акефаловъ — 17), о неблаженствѣ и отрицательныхъ свойствахъ Божіихъ (18 и 19). Вторая книга, кромѣ вступленія, также состоитъ изъ 19-ти главъ и трактуется «о священнѣйшемъ таинствѣ святѣйшей и нераздѣльной Троицы». Затѣмъ, на основаніи св. писанія излагаются единство, троичность и различіе Упостасей Божества (1 и 2 гл.), опровергаются позраженія и заблужденія относительно троичности. Лицъ (преимущественно-соціаліамъ, ядѣвшихъ въ І. Христѣ только человека, а въ Духѣ святомъ силу Божію — гл. 3, 4, и 5), подробно раскрывается Божество І. Христа изъ мѣста ветлаго завіта, которая говоритъ о Богѣ параллельно и въ нов. завітѣ прилагается къ Христу, — изъ мѣста нов. завіта, гдѣ І. Христосъ называется силой Божіею собственнымъ, а не усноволеннымъ (6 — 9 гл.), — изъ божественныхъ именъ, приписываемыхъ І. Христу (10), — изъ свойствъ, которыми Онъ обладалъ, какъ Богъ (11), — изъ дѣяній Его, возможныхъ только для Бога (12), — изъ того почтенія, обоженія, какое требуется І. Христу по ученію св. писанія и которое причисляется одному Богу (13), — изъ свидѣтельствъ священныхъ книгъ и отеческихъ твореній (14), опровергаются новыя позраженія соціаліамъ противъ божества І. Христа, на основаніи св. писанія и силлогистическихъ выводовъ (16 и 17), доказываются божество св. Духа (тѣмъ же способомъ, какъ и Сила Божія) и разоблачается яжеученіе по этому предмету древнихъ и новыхъ еретиковъ (аріанъ, манехоніанъ, епимоніанъ, признававшихъ св. Духа лицомъ, сотвореннымъ отъ Сына, соціаліанъ, разувѣвшихъ въ св. Духомъ силу Божію — 15 и 18 гл.); наконецъ говорится о важности православнаго ученія о св. Троицѣ (19). Кромѣ указанныхъ главъ о св. Духѣ, Оеофанъ составилъ особый обширный трактатъ «De professione Spiritus Sancti a solo Patre» дополненный Домаскинымъ — Семеновымъ (Рудавинымъ) и историко-полемическое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Historia, in qua de orig. et prof. in controversia graecos inter et latinos de professione spiritus sancti», представляющее къ первому трактату, какъ бы введеніе. Трактатъ «О происхожденіи св. Духа отъ Отца» раздѣленъ на 20 главъ. Прежде всего здѣсь дается филологическое и историческое объясненіе богословскихъ терминныхъ «исхожденіе» и «испаніе» и устанавливается предметъ спора (вопросъ не въ томъ, разсуждаетъ Оеофанъ, послѣдуютъ ли временно Духъ св. отъ Сына, а въ томъ — происходить ли Онъ отъ Сына въ вѣчности — 1 гл.); потомъ объясняется основательно каково

за шагом достигалась успешно, не смотря на уклонения полемического характера. Свое введение Теофанъ справедливо назвалъ свѣтильникомъ, необходимымъ въ богословіи болѣе, чѣмъ въ какой либо другой наукѣ.

евангельское жѣто (Іоан. 15, 26), единственно — ясное указание св. писанія на прохожденіе св. Духа отъ Отца, неправильное понятое западными богословами (2 гл.); доказывается православное ученіе свѣдѣтельствами вѣроисповѣднѣхъ символовъ, соборовъ, ссылками на древнія произведенія отцовъ восточной и западной церкви, а потомъ и логическимъ путемъ (3—5 гл.); опровергается неправильное толкованіе западными комментаторами тѣхъ жѣто св. писанія, которыя бросаютъ тотъ или другой свѣтъ на недоумѣнный вопросъ (6—12 гл.). Рядомъ съ опроверженіями у Теофана идетъ изложеніе православнаго ученія, основаннаго на авторитетѣ древней церкви. Въ виду того, что многія жѣто въ символахъ и твореніяхъ отцовъ, касающіеся разсматриваемаго догмата, искажены примѣнительно къ взгляду западной церкви, Теофанъ останавливается на правилахъ, которыми необходимо руководиться при употребленіи этихъ жѣто (13 гл.) и старается возстановить истинный смыслъ послѣднихъ (14 и 15), оправдываетъ православныхъ богослововъ отъ извѣдной на нихъ клеветы, будто они, а не западные богословы, приращивали къ своему ученію свѣдѣтельство символовъ и отцовъ (16 и 17), осуждаетъ дерзость католическихъ богослововъ, допускающихъ вставки въ символъ, утвержденный вселенскими соборами (19 и 19). Въ заключеніи, приличномъ и для трактата о св. Троицѣ, говорится о взаимномъ отношеніи Уюстасей (20 гл., написанная Дамаскиномъ—Рудневимъ). Здѣсь и оканчивается по плану Прокоповича первая часть догматическаго богословія, предметомъ которой служить «Deus ad intra». — Ученіе «De Deo ad extra» начинается трактатомъ «De creatioe et providentia», состоящемъ изъ 14 главъ. Въ предисловіи къ нему различаются два вида творенія—физическаго, относящагося къ видной природѣ и мистическаго, таинственнаго, благодатнаго; а также и два вида промысла—общій, относящагося ко всему сотворенному, и особенный—къ человѣку. О видахъ творенія и промысла Теофанъ предполагалъ разсуждать во второй части своей системы, но не окончилъ ея; большая половина ея составлена уже его преемниками, преимущественно Самуиломъ Миславскимъ, ректоромъ и впоследствии митр. Киевскимъ (†1796). Въ трактатѣ «De creatioe et providentia» Прокоповичъ съ схоластическою аккуратностію разбираетъ и строго разграничиваетъ причины творенія—дѣйствующую и конечную, матеріальную и формальную (causa efficiens, causa finalis, materialis et formalis); предметъ творенія различаетъ на видимый и невидимый; первый дѣлитъ на тѣла простые (элементарныя) и сложные, сложныя тѣла—неодушевленные и одушевленные; обстоятельство творенія

Опредѣливъ въ немъ специальную задачу догматическаго богословія и отдѣливъ послѣднее отъ нравственнаго, онъ устранилъ путаницу въ преподаваніи того и другаго; затѣмъ показалъ слушателямъ матеріалъ своей работы, указавъ способъ ея исполненія и условія, при

нѣ—на «modus», «tempus», «locus» и т. д. а все это въ связи съ полемикою противъ еретиковъ и ссылками на сочиненія по естествознанію. Излишняя схоластичность отпала у этой части системы жноту жнотности и интереса. Трактатъ «De statu hominis integri» начинается краткимъ обзоромъ всего, что отдѣлено providentiamъ для человѣка, сотвореннаго невиннымъ, падшаго и возстановленнаго; за этимъ обзоромъ слѣдуетъ пунктуальное изложеніе всѣхъ вопросовъ, о которыхъ предстояло разсуждать въ другихъ, дальнѣйшихъ догматическихъ трактатахъ. Неважное состояніе человѣка разсматривается 1, по отношенію къ нему самому, къ его душѣ и тѣлу, 2, по отношенію къ внѣшней обстановкѣ его жизни въ раю. Въ трактатѣ «De statu hominis corrupti» предметы изслѣдованія разграничены сообразно послѣдствіямъ грѣхопаденія, которое разсматривается со стороны его влияния 1) вообще на судьбу людей, 2) на судьбу только прародителей а 3) — только ихъ потомковъ. Самому Прокоповичу принадлежатъ первая четыре главы этого трактата (а всѣхъ ихъ 14); на нихъ и остановилась его работа, но имъ вѣтемъ подробный конспектъ на окончаніе его системы, помѣщенный въ трактатѣ «De statu hominis integri». Вотъ онъ I. Человѣкъ, созданный Богомъ, до своего паденія былъ весьма счастливъ, превозносилъ внутреннихъ достоинствъ и внѣшнихъ благъ II. После паденія онъ осужденъ на смерть, лишился благъ внѣшней природы, несогнѣтностью ума и воли и впалъ въ болѣзнь и пороки. III. Богъ, отъ вѣчности предвидѣвшій это паденіе, опредѣлялъ, по одной своей благодати, спасти розъ человеческій. IV. Способъ избавленія людей отъ послѣдствій грѣха также былъ предопредѣленъ, онъ состоялъ въ посланіи Сына Божія на землю въ качествѣ посредника и прижарителя, которому предстояло понести всю тяжесть наказанія за преступленіе человѣка а тѣмъ удовлетворить Божественному правосудію. Тѣхъ, которые приблизить къ милосердію Сына Божія, Богъ предопредѣлялъ ко спасенію и вѣчной славѣ, а противниковъ Искушителя осудилъ на вѣчное мученіе. V. Предопредѣленное осуществилось въ свое время въ жизни Христа Спасителя VI. Плоды искупленія очевидны на синахъ церкви Христовой, которе, по вѣрѣ въ Изабителя получили силы къ дѣланію добра а надежду на вѣчное спасеніе VII. Для усвоенія людьми даровъ благъ дати, Богу угодно было установить особенныя условія (partim ut causas instrumentales, partim ut conditiones) — евангельскую проповѣдь а VIII) таинства IX. Вѣрующіе соединяются въ особое общество—церковь, которая переживаетъ различныя состоянія а потому должна быть разсматриваема до закона, подъ закономъ, въ цер-

какихъ онъ беретъ за нее; предупредилъ недоразумѣнія (насколько это было въ его власти), какія могли возникнуть при оцѣнкѣ его труда, выразивъ напередъ свои симпатіи къ извѣстнымъ источникамъ богословія (1). Предлагая для богословія синтетическій методъ изслѣдованія, Теофанъ, по его же словамъ, сообщилъ ему „связный и сообразный съ природою предмета порядокъ изложенія“ и устранилъ неудобный локальный методъ, еще употреблявшійся въ 17 в. у восточныхъ и западныхъ богослововъ. Прокоповичъ заимствовалъ свой методъ изъ новыхъ системъ, искусно примѣнивъ

ствѣ благодати и въ царствѣ славы. X. Для нашей же пользы Богъ открылъ намъ до некоторой степени и будущее, нашу послѣднюю судьбу. Намъ ожидаютъ: смерть по тѣлу на землѣ, кончина міра, всеобщій судъ, вѣчная блаженная жизнь, если мы благочестивы, и вѣчная мука въ противномъ случаѣ.—Нотъ краткое содержаніе системы Ѳ. Прокоповича (по лейпцигскому изданію 1782 г.), системы замѣчательной по тому перелому, какой она произвела въ исторіи русскаго богословія, по авторитету, какимъ она пользовалась у нашихъ профессоровъ. Георгій Коняскій (ректоръ и учитель богословія въ кievской академіи) и Аванасій Волоховскій (въ московской) первые стали читать лекціи по Теофановой системѣ (съ 1751 года) исправляя ее нѣсколько; Арсеній Могиланскій, митрополитъ Киевскій, и Давидъ Нащанскій, ректоръ кievской академіи приняли систему Теофана, какъ исключительное руководство въ преподаваніи богословія (съ 1759 г.), вслѣдствіе чего трактаты Теофана, то въ отдѣльности, то вмѣстѣ и въ сокращенномъ видѣ издавались печатно (съ 1770 г.) и появились, въ качествѣ руководства въ неясной семинаріи (съ 1778 г.); въ 1782 году Самуилъ Миславскій издалъ въ Лейпцигѣ оконченную имъ самимъ систему Прокоповича. Ириней Фальковский (ректоръ кievской академіи съ 1803 г.) сократилъ догматическое богословіе Теофана и издалъ подъ заглавіемъ: «*Christianae orthodoxae dogmaticae—polemicae theologiae compendium*»—изданіе, повторившееся въ 1827 г.; Іакинфъ Каринскій, Симеонъ Лебедянский, Макарій Волчанскій, Теофилъ Горскій и Платонъ Левшаль писали свои системы подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Теофана. Одни изъ подражателей Теофана писали догматическое богословіе отдѣльными трактатами (Іакинфъ Каринскій и С. Лебедянский), другіе излагали его въ цѣлой системѣ. Ир. Фальковский и Ѳ. Горскій. Хр. чт. 1876 г. Догмат. Богослов. Макарія т. 1, 73—4.—

(1) Основн. разборъ «Введенія» — въ Хр. чт. 1876, 77 и 78 гг. Ст. Черняковскаго.

его къ православному вѣроученію и поставивъ, такъ образомъ, русское богословіе, какъ науку, на одинъ уровень съ западнымъ,—въ этомъ и заключается его капитальная заслуга. Первоисточникъ, начало богословія Теофанъ указываетъ въ св. писаніи, при чемъ доказываетъ авторитетъ послѣдняго, его необходимость, ясность, полноту: не это была новость для русскихъ богослововъ, а настойчивое напоминаніе имъ, что здѣсь, а не въ другихъ авторитетахъ нужно искать главныхъ основъ вѣроученія, что не слѣдуетъ прибѣгать къ второстепеннымъ и третьестепеннымъ источникамъ, нередко искаженнымъ, когда иѣтъ въ нихъ настоящей нужды. Опредѣленія соборовъ, по Теофану, не могутъ служить началомъ богословія наравнѣ съ св. Писаніемъ, такъ какъ сами отцы, участвовавшіе въ соборахъ, искали основаній для своихъ рѣшеній въ богодухновенныхъ книгахъ; они могутъ быть названы второстепенными авторитетами богословской мысли и важны главнымъ образомъ, какъ руководители въ пониманіи св. писанія. Къ отеческимъ произведеніямъ Теофанъ обращался не за подкрѣпленіемъ своихъ мыслей, а за проверкою ихъ, чтобы (по его выраженію) тѣмъ „заградить уста противниковъ, показавъ имъ согласіе всей церкви съ (его) ученіемъ“. Вводя новый методъ раскрытія богословскихъ истинъ и придавая большое значеніе въ своей работѣ логикѣ, какъ средству выводить изъ общаго начала частныя истины и возводить ихъ къ нему, Прокоповичъ не ставилъ критеріемъ ортодоксіи правильность логическихъ умозаключеній; начало и конецъ его сужденій встрѣчались въ св. писаніи, какъ своему первоисточникѣ; отъ исторической почвы онъ не открывался тамъ, гдѣ она была необходима и вѣдежна, силлогизмы не предпочиталъ научнымъ даннымъ; прибѣгалъ къ первымъ болѣею частью въ тѣхъ случаяхъ, когда не видѣлъ возможности обойтись въ доказательствѣхъ при одномъ св. писаніи и преданіи, напр. въ вопросахъ: одна ли библія должна служить первоисточникомъ богословія, какъ толковать св. пи-

саніе и т. п. За положительнымъ раскрытіемъ того или другаго догмата, у него слѣдуетъ отрицательно-полемическое; этотъ приемъ былъ общепотребительный, и въ системѣ Теофана занимаетъ видное мѣсто. Какъ строгій систематикъ, Прокоповичъ передъ каждымъ новымъ трактатомъ устанавливаетъ, путемъ отрицанія, ограниченія и раздѣленія, тему его, послѣ чего предметъ становится до рельефности яснымъ и не требующимъ оговорокъ въ дальнѣйшемъ своемъ раскрытіи. Тоже нужно сказать и о доказательствахъ Теофана: и они отличаются опредѣленностью, отчетливостью и, кромѣ того, въ большинствѣ случаевъ органическою связностью. Логическая форма ихъ разнообразна: то они строятся въ видѣ простаго силлогизма (доказательство единичности смысла св. писанія), то расширяются въ сложныя умозаключенія (св. Писаніе имѣетъ божественный авторитетъ), при чемъ научныя данныя или занимаютъ мѣста различныхъ посылокъ (большихъ и малыхъ), или служатъ посредствующими звѣнками полисиллогизма, — то въ видѣ аналогій, — умозаключенія по способу *ab absurdo* и *ad absurdum*, часто въ видѣ *sillogismus theologicus* и т. д. Прямымъ доказательствамъ, опирающимся на св. писаніе, отеческихъ произведеній и исторій, Теофанъ всегда отдаетъ предпочтеніе, вслѣдствіе чего его дедукція является вѣскою убѣдительною и живою. Діалектическое оружіе больше всего онъ употребляетъ въ полемическомъ отдѣлѣ; тамъ, гдѣ онъ не слѣдовалъ въ подробностяхъ своимъ источникамъ (западнымъ системамъ), живость и горячность его характера положили свою глубокую печать даже на эту, обыкновенно сухую, схоластическую часть. Мелочности въ спорѣ онъ по возможности избѣгаетъ. „Схоластика (по его мнѣнію) занимала учениковъ пустыми спорами, поселая въ нихъ ложную увѣренность въ пріобрѣтенной мудрости. Нужно преподавать науку (богословіе) основательно и достойно важности предмета, а не дѣлать изъ нея комедію“ (писалъ онъ профессорамъ кievской академіи). Эти слова коротко вы-

ражаютъ сущность Теофанова обращенія къ студентамъ (въ его „введеніи“) и хорошо характеризуютъ убѣжденія, съ какими онъ начиналъ и продолжалъ свой трудъ, цѣлю котораго было освободить богословіе отъ чуждыхъ ему, наносныхъ элементовъ и сообщить ему лучшую научную постановку. Что система Теофана достигла цѣли, это видно изъ ея популярности въ продолженіи почти столѣтія, хотя направленіе ея было несогласно съ католическими системами, считавшимися образцовыми. Много нужно было ума и ученой осторожности, чтобы отъ одной крайности не уклониться въ другую, чтобы, ратуя противъ схоластики и католицизма, не сказать чего-нибудь въ пользу протестантизма, особенно требовалось это отъ Прокоповича, человека горячаго и нетерпливаго. Не смотря на умѣнное облекать православное ученіе въ выработанныя инославными богословами формы, нѣкоторыя симпатіи къ протестантскимъ богословамъ, сквозятъ между строками, хотя и не настолько, чтобы позволительно было усумниться въ его православіи. Августинизмъ — замѣтная черта Теофановой догматики. Трактатъ „*De statu hominis corrupti*“ написанъ подъ его сильнымъ влияніемъ. Западно-богословскіе источники, собранные Теофаномъ, конечно, не наугадъ, между которыми католическія системы (напр. Веллармина) служили только отрицательными пособіями, мишенью полемики, а лютеранскіе составляли вліятельное большинство — увлекали Теофана иногда какъ бы неволью и подсказывали ему подозрительно — неточныя выраженія въ родѣ: „паденіе человека состоитъ въ томъ, что онъ *потерялъ* образъ Божій“. Введеніе написано Теофаномъ главнымъ образомъ подъ двойнымъ руководствомъ католика Веллармина и кальвиниста Аманда Поликаго, которые хотя парализовали другъ друга и поэтому позволяли православному богослову „держаться выше обоихъ враждебныхъ вѣроисповѣданій запада“ (какъ выражается Черняковский), но не въ одинаковой степени: въ то время какъ противъ Веллармина Теофанъ

ведеть оживленную полемику (проходящую чрезъ всю систему и занимающую въ ней громадное мѣсто), Польскимъ онъ пользуется въ положительномъ смыслѣ (*). Правда, и противъ него у Теофана есть возраженія, но они ничтожны сравнительно и далеко не такъ сильны по тону, какъ полемика противъ Беллармина. Подражаніе протестантскимъ богословамъ сказывается на первыхъ же листахъ системы Теофана; Червяковскій указываетъ слѣды его даже въ томъ, что во главу угла обширнаго „введенія“ Прокоповичъ положилъ ученіе о св. писаніи, хотя этотъ приѣмъ въ 18 в. былъ усвоенъ и католическими системами (Сочин. Беллармина „De controversiis christianae fidei, adversus hujus temporis haereticos“ начинается трактатомъ „De verbo Dei“). Нельзя не замѣтить того, что Теофанъ какъ бы отождествляетъ св. писаніе съ откровеніемъ вообще и отрицаетъ откровеніе (чистое, безъ примѣси человѣческихъ мнѣній) въ церкви, въ исторіи, въ природѣ; но это отрицаніе, впрочемъ, имѣеть мѣсто для Теофана только въ богословіи, какъ наукѣ, требующей достовѣрнаго, безспорно-божественнаго, яснаго и убѣдительнаго для всѣхъ (а не только для православныхъ сыновъ церкви) начала, каковымъ онъ и признаетъ одно св. писаніе и притомъ такъ осторожно, что видѣть не увиживаетъ, не оскорбляетъ и авторитета преданія. „Не отвергая (говоритъ Червяковскій) ни откровенія помимо писанія (въ главѣ о началѣ богословія), ни живаго церковнаго преемства богопреданнаго ученія (въ главѣ о необходимости писанія), ни церковнаго учительства (гл. о ясности писанія), ни церковныхъ вѣроизложеній, каноническихъ опредѣленій и обрядовъ (гл. о полнотѣ писанія и о соборахъ),—онъ только утверждаетъ, что по отношенію ко всѣмъ этимъ источникамъ познанія, божественной

(*) Червяковскій какъ будто старается доказать безпристрастіе Теофана къ тому и другому,—напрасно: даже въ выдержкахъ, имъ самими приведенныхъ на этотъ конецъ, очевидна противоположная мысль. Хр. Чт. 1875, Янв.—Февр., 24—25

истины, св. писанія, какъ слово Самого Бога, съ формальной стороны, въ отношеніи къ наукѣ богословія, есть источникъ самый достовѣрный и существенный, сообщающій другимъ видамъ познанія достовѣрность и твердость, и притомъ оно не представляетъ ни пустыхъ пробѣловъ, ни неразрѣшимыхъ неясностей, только бы умѣли имъ пользоваться“ (*). Умѣнье пользоваться писаніемъ Прокоповичъ полагалъ въ томъ, чтобы не мудрствуя лукаво, не навязывать ясному слову Божию лишняго, чего въ немъ не дано прямо, — непонятнаго и спорнаго. Особенно замѣтно отразилось вліяніе на Теофана протестантскихъ источниковъ въ пунктахъ разногласія между православіемъ и лютеранствомъ. Здѣсь Теофанъ является иногда слишкомъ уступчивымъ; если, при томъ, ему нужно было полемизировать противъ католицизма, то онъ даже неумѣренно пользовался протестантскими доводами. Такъ, напр., его трактатъ объ оправданіи. Оправданіе вѣрою во І. Христа составляетъ основную мысль всѣхъ разсужденій Теофана, имѣющихъ связь съ искупленіемъ и спасеніемъ человѣка; она служитъ подкладкой всей длинной полемики его съ пелагианствомъ Беллармина въ вопросѣ о грѣхѣ и свободѣ («De controversiis christ. fidei, adversus huius temporis haereticos», tom. IV, p. 401: „De justificatione impij“ и p. 587—„De bonis operibus“); пожеланіе, доказывалъ Теофанъ, не есть неизбежный результатъ чувственности и слабость достойная прощенья, какъ думалъ Белларминъ, а грѣховное поврежденіе и потому вполне заслуживаетъ гнѣвъ Божій, какъ и всякій малѣйшій грѣхъ, вслѣдствіе чего, если святымъ приписываются грѣхи прощительные, то они называются такъ не по своей ничтожности и природѣ, а по заслугѣ Христа; въ дѣлѣ своего возрожденія человѣкъ не можетъ принимать участія, какъ мертвецъ, и Белларминъ-де не правъ, когда оставляетъ тутъ долю

(*) Христ. Чт. 1877 г., II, 5.

ведетъ оживленную полемику (проходящую чрезъ всю систему и занимающую въ ней громадное мѣсто), Полянскимъ онъ пользуется въ положительномъ смыслѣ⁽¹⁾. Правда, и противъ него у Теофана есть возраженія, но они ничтожны сравнительно и далеко не такъ сильны по тону, какъ полемика противъ Беллармина. Подражаніе протестантскимъ богословамъ сказывается на первыхъ же листахъ системы Теофана; Червяковскій указываетъ слѣды его даже въ томъ, что во главу угла обширнаго „введенія“ Прокоповичъ положилъ ученіе о св. писаніи, хотя этотъ приемъ въ 18 в. былъ усвоенъ и католическими системами (Сочин. Беллармина „De controversiis christianae fidei, adversus hujus temporis haereticos“ начинается трактатомъ „De verbo Dei“). Нельзя не замѣтить того, что Теофанъ какъ бы отождествляетъ св. писаніе съ откровеніемъ вообще и отрицаетъ откровеніе (чистое, безъ примѣся человеческихъ мѣній) въ церкви, въ исторіи, въ природѣ; но это отрицаніе, впрочемъ, имѣетъ мѣсто для Теофана только въ богословіи, какъ наукѣ, требующей достовернаго, бесспорно-божественнаго, яснаго и убѣдительнаго для всѣхъ (а не только для православныхъ сыновъ церкви) начала, каковымъ онъ и признаетъ одно св. писаніе и притомъ такъ осторожно, что нигдѣ не унижаетъ, не оскорбляетъ и авторитета преданія. „Не отвергая (говоритъ Червяковскій) ни откровенія помимо писанія (въ главѣ о началѣ богословія), ни живаго церковнаго преемства богопреданнаго ученія (въ главѣ о необходимости писанія), ни церковнаго учительства (гл. о ясности писанія), ни церковныхъ вѣроизложеній, каноническихъ опредѣленій и обрядовъ (гл. о полнотѣ писанія и о соборахъ).—онъ только утверждаетъ, что по отношенію ко всѣмъ этимъ источникамъ познанія божественной

⁽¹⁾ Червяковскій какъ будто старается доказать безпристрастіе Теофана къ тому и другому.—напрасно: даже въ подержкахъ, имъ самимъ приведенныхъ на этотъ конецъ, очевидна противоположная мысль. Хр. Чт. 1875. Янв.—Февр., 24—25

истины, св. писанія, какъ слово Самого Бога, съ формальной стороны, въ отношеніи къ наукѣ богословія, есть источникъ самый достоверный и существенный, сообщающій другимъ видамъ познанія достоверность и твердость, и притомъ оно не представляетъ ни пустыхъ пробѣловъ, ни неразрѣшимыхъ неясностей, только бы умѣли имъ пользоваться⁽¹⁾. Умѣнье пользоваться писаніемъ Прокоповичъ полагалъ въ томъ, чтобы, не мудрствуя лукаво, не навязывать ясному слову Божию лишняго, чего въ немъ не дано прямо,— непонятнаго и спорнаго. Особенно замѣтно отразилось вліяніе на Теофана протестантскихъ источниковъ въ пунктахъ разногласія между православіемъ и лютеранствомъ. Здѣсь Теофанъ является иногда слишкомъ уступчивымъ; если, при томъ, ему нужно было полемизировать противъ католицизма, то онъ даже неумѣренно пользовался протестантскими доводами. Таковъ, напр., его трактатъ объ оправданіи. Оправданіе вѣрою во І. Христа составляетъ основную мысль всѣхъ разсужденій Теофана, имѣющихъ связь съ искупленіемъ и спасеніемъ человѣка; она служитъ подкладкой всей длинной полемики его съ пелагианствомъ Беллармина въ вопросѣ о грѣхѣ и свободѣ («De controversiis christ. fidei, adversus huius temporis haereticos», tom. IV, p. 401: „De justificatione impij“ и p. 587—„De bonis operibus“); пожеланіе, доказывать Теофанъ, не есть неизбежный результатъ чувственности и слабость достойнаго прощенья, какъ думалъ Белларминъ, а грѣховное поврежденіе и потому вполне заслуживаетъ гнѣвъ Божій, какъ и всякій малѣйшій грѣхъ, вслѣдствіе чего, если святымъ приписываются грѣхи простибельные, то они называются такъ не по своей ничтожности и природѣ, а по заслугѣ Христа; въ дѣлѣ своего возрожденія человѣкъ не можетъ принимать участія, какъ мертвецъ, и Белларминъ-де не правъ, когда оставляетъ тутъ долю

⁽¹⁾ Христ. Чт. 1877 г., II, 5.

активности и человеческой воли. Въ вопросъ объ оправданіи Теофанъ употребляетъ протестантскіе термины и разграниченія. Оправданіе, по его мнѣнію, есть отпущеніе грѣховъ въ смыслѣ судебномъ; подлежащее оправданія—человѣкъ—грѣшникъ, начальная и дѣйствующая причина—милосердіе Божіе, подвижное заслугами Христа (человѣкъ тутъ пассивенъ), орудная причина—со стороны Бога таинства, со стороны человека—вѣры, плоды вѣры и оправданія—добрыя дѣла, виновникъ которыхъ—Духъ св. Исполненіе закона безъ благодати не спасаетъ; если св. писаніе и придаетъ важность въ дѣлѣ спасенія добрымъ дѣламъ, то не какъ причину оправданія, а какъ доказательство вѣры. Человѣкъ оправданный, облагодатствованный похожъ на нецѣнный, но заключеній въ себѣ сокровище сосудъ.

Выше мы имѣли случай замѣтить, что далеко неоконченная система Прокоповича занимаетъ очень объемистые фоліанты. Сжатости, краткости а иногда и строгой послѣдовательности ея повредилъ полемицескій отдѣлъ, увлекавшій Теофана въ сухія и пространныя разсужденія даже (вопреки его принципу) богословскаго характера. На пути къ цѣли онъ встрѣтилъ множество враговъ и, по обычаю всѣхъ современныхъ богослововъ, счелъ нужнымъ сразиться съ каждымъ изъ нихъ. Католики, социніане, раввини, ариане, македоніане, евноміане, лютеране и др. древніе и новыя еретики изображали собою его противниковъ. По возможности, все же, Теофанъ стремился къ краткости и отчетливости. Система его научна, умѣренно схоластична и, по методу раскрытія богословскихъ истинъ, была новою въ тогдашней литературѣ. Что хотѣлъ Прокоповичъ дать школѣ въ своей наукѣ богословія и чему хотѣлъ научить своихъ преемниковъ, видно изъ упомянутыхъ уже нами его наставленій преподавателямъ этой науки, помѣщенныхъ въ Регламентѣ. „Цель бы учитель (писать онъ) св. пи-

саніе и учителя бы правилъ, какъ прямую истую знать сиду и толкъ писаній. А къ помощи того дѣла чель бы прилежно святыхъ отецъ, которые прилежно писали о догматахъ, за нужду расиръ въ церкви случившихся, съ подвигомъ на противныя ереси. Ибо есть древніи учителя, собственно о догматахъ (тогъ о семъ а иной о другомъ) писавшии, напр. о троицеской тайнѣ Григорій Називзень въ пяти словахъ своихъ богословскихъ, и Августинъ въ книгахъ о Троицѣ и о Божествѣ Сына Божія. Кромѣ оныхъ Авансей В. въ пяти книгахъ на евноміанъ; о Упостаси Христовой, Кириллъ Александрійскій на Несторія; о двоицѣ естество во Христѣ доважно одно посланіе Леона папы римскаго до Флавіана цареградскаго патриарха. *Отъ грѣхъ мирородномъ и о благодати Божіей Августинъ во многихъ книгахъ на пелagianъ и прочая.* Къ тому же зкло по язвы дѣланія и разговоры вселенскихъ и помѣстныхъ синодоловъ. И отъ таковыхъ учителей, при св. писаніи, нецѣнное будетъ ученіе богословское. А хотя и можетъ богословскій учитель и отъ новѣйшихъ иноверныхъ учителей помощи искать, но долженъ не учиться отъ нихъ и полагаться на ихъ сказки, но только руководство ихъ принимать, какъхъ они отъ писанія и отъ древнихъ учителей доводовъ употребляютъ. Наипаче въ догматахъ, въ которыхъ съ нами иновѣрны согласны суть, а однако доважно ихъ не легко вѣрять, но посмотрѣть, есть ли таковое въ писаніи или въ книгахъ отеческихъ слово, и тую ли имѣеть силу, въ язовый они приемлютъ; иногдахъ бо дугуъ господи оныя и чего не бывало приводять (указывается примѣръ противъ католическихъ богослововъ). Долженъ убо учитель богословскій не по чужимъ сказкамъ, но по своему виденію увить, и иногда, избравъ собственное время, показатъ въ книгахъ и ученикамъ своимъ, чтобы и они извѣстны сами были, а не сумнили бы, правду ли говорить или

лжетъ учитель ихъ⁽¹⁾. Эти наставленія весьма замѣчательны: онѣ одновременно даютъ двойной совѣтъ преподавателю богословія, — чтобы онъ самъ относился критически къ источникамъ своей науки, и своихъ воспитанниковъ приучалъ къ тому же. Совѣтъ этотъ направленъ былъ противъ рабской подражательности кievскихъ профессоровъ богословія католическимъ системамъ. Въ немъ, какъ и въ трактатахъ Теофана, выдвигается новая задача для русскаго богослова, онъ обязывается послѣдняго болѣе серьезнымъ, чѣмъ компиляція съ Θ . Аквината, трудомъ. Прокоповичу не могла нравиться та близость православія къ католицизму, до какой оно дошло съ нимъ въ кievской коллегіи. Врагъ Рима, помнившій все бѣдствія Россіи, понесенныя отъ усердныхъ слугъ честолюбиваго папы, Теофанъ взялъ на себя трудъ показать разницу между латинскою и греческою церковью, уничтожить (какъ ему желалось бы) все ступени, построенныя католиками въ видахъ уни, выяснитъ опасность (для православія) дружбы съ вкрадчивой схоластикой, которая на западѣ оцѣнена была, какъ одинъ сложный софизмъ, удивительный съ формальной стороны и несостоятельный по содержанию. Готовое орудіе Теофанъ нашолъ въ протестантскомъ богословіи. Давая отставку Θ . Аквинату и его школѣ, Прокоповичъ указалъ русскимъ богословамъ новый путь изслѣдованія догматическихъ вопросовъ, болѣе научный и самостоятельный, выработанный въ системахъ протестантскихъ богослововъ. Въ этихъ системахъ Теофану особенно нравились: исключительное довѣріе къ св. писанію и критическое отношеніе къ остальнымъ авторитетамъ; но и на этомъ новомъ пути онъ предостерегаетъ своихъ учениковъ отъ крайностей подражанія; его рѣзкое замѣчаніе: „многажды бо глутъ господа новѣйшіе иновѣрные учителя“ одинаково относится какъ къ като-

(1) Реглам. Духов., «Домы учащихъ», рег. 7.

лическимъ, такъ и къ протестантскимъ богословамъ. — Великъ за Теофаномъ, его преемникамъ оставалось продолжать дѣло гармоническаго слиянія православнаго вѣроученія съ строго-научной формой, осторожно минуя ошибки лютеранства, разоблачая ихъ, гдѣ сабдуется и укрѣпляя свои тезисы „свидѣтельствомъ писаній“ не изъ вторыхъ рукъ, какъ это было до сихъ поръ, а изъ подлинныхъ произведеній преимущественно тѣхъ отцовъ церкви, которые „прилежно писали о догматахъ“. Богословіе стало въ строгомъ смыслѣ наукой въ Россіи только съ Теофана. Послѣдовательно вывелъ онъ ея положенія изъ одного общаго начала — ученія о Богѣ, неопустительно проверяя свои выводы словомъ Божіимъ, а пониманіе послѣдняго — святоотеческими толкованіями. Его система была плодомъ различныхъ богословскихъ направленій: она возвышалась надъ ними и подчинила ихъ себѣ, помирилась ихъ самыми выгоднымъ для православія образомъ; она является однимъ изъ крупнѣйшихъ и характернѣйшихъ памятниковъ духовной литературы петровской эпохи, а потому мы и позволили себѣ остановиться на ней сравнительно долго.

3) Апологетическія и полемическія сочиненія. Переходя къ обзорнью и характеристикѣ другихъ произведеній духовной литературы петровской эпохи, не назначенныхъ специально для школы, а составляющихъ собою вообще сумму памятниковъ церковно-религиозной жизни при Петрѣ, мы должны указать предварительно, что многія изъ этихъ произведеній, отпечатанныя когда-то не въ большомъ количествѣ, или никогда не печатавшіяся и хранящіяся въ рукописяхъ въ некоторыхъ библиотекъ, или, наконецъ, совсѣмъ затерявшіяся и извѣстныя только по заглавіямъ, помѣщеннымъ въ словаряхъ, — не имѣлись у насъ подъ руками и потому не могли быть рассмотрѣны здѣсь скольконибудь подробно. Многія изъ нихъ оказались библиографической рѣдкостью, благодаря своей незначитель-

ности (они не заслужили вниманіе въ свое время и остались незамѣченными послѣ); но не мало между ними и такихъ, которыя очень пригодились бы для характеристики современнаго состоянія русской церковной жизни. Какъ бы то ни было, намъ доведется одни изъ таковыхъ только поименовать и причислить, на основаніи оглавленій и небольшихъ чужихъ характеристикъ, къ соответствующему разряду, а другія разсматрѣть подъ руководствомъ журнальныхъ статей.

Своей догматической системой Прокоповичъ положилъ начало специально догматическому богословію. Другое сочиненіе Теофана—„О безбожій“—положило начало апологетикѣ⁽¹⁾. Апологіи по различнымъ вопросамъ, въ разное время и по разнымъ поводамъ, писались русскими богословами и раньше Теофана, но ни одна изъ нихъ не можетъ быть названа апологетикой въ смыслѣ известной определенной богословской науки съ собственнымъ содержаніемъ, отличнымъ отъ содержанія другихъ, однородныхъ съ ней, наукъ съ особо выработанными формой и методомъ, принярованными къ ея задачѣ. „Просвѣтитель“ Іосифа Волоцкаго и ему подобныя произведенія составляютъ монографіи апологетическаго свойства и къ наукамъ апологіи относятся, какъ части къ цѣлому. Сочиненіе Прокоповича „О безбожій“ было у насъ первою систематическою защитой главнѣйшихъ и некоторыхъ второстепенныхъ положеній христіанства, а потому съ него можно начинать исторію апологетики въ Россіи. Появленіе его, какъ видно изъ предисловія, стоитъ въ связи съ религіозною жизнью современнаго передоваго общества, столкнувшагося съ западными философскими системами и поднавшего ихъ влиянію. Въ русскомъ обществѣ, особенно между людьми, возвращавшимися изъ-за границы, въ это время начали распростра-

няться религіозный индифферентизмъ, скептицизмъ, либерализмъ въ худшемъ смыслѣ этого слова. Петру лично приходилось наказывать своихъ претендовъ за неблагоустроенное отношеніе къ требованіямъ и обрядамъ религіи. Прокоповичъ подъ атеизмомъ разумѣлъ вообще неблагоустроенное, антихристіанское и, частію, антиправославное ученіе, отрицающее тогъ или другой догматъ, противорѣчащее тому или другому христіанскому тезису, замѣчая при случаѣ, что такое-то ученіе атеистично не само по себѣ, а по тѣмъ крайнимъ выводамъ, какія неизбежно слѣдуютъ изъ него и несовмѣстны съ идеей бытія Божія. Съ этой точки зрѣнія классификаціи атеистическихъ доктринъ, представленная Теофаномъ во 2 й главѣ его произведенія, вполне понятна. Выводъ атеизма въ ней указанъ шесть: 1) атеизмъ скептической, отрицающей возможность познанія истины, 2) атеизмъ догматической, признающей вѣчное бытіе матеріи, 3) атеизмъ аристотелевскій, допускающій изначальное существованіе міра и челоука независимо отъ творческаго всемогущества создателя, 4) атеизмъ стоической, допускающей неразрывную связь Бога съ матеріей, 5) атеизмъ эпикурейскій, отвергающій актъ творенія ученіемъ объ атомахъ, и 6) пантеистическій атеизмъ Спинозы; т. е. къ числу атеистовъ у Теофана отнесены всѣ дохристіанскіе философы и солидарные съ ними новѣйшіе ученые. Судя по сокращенному перечню главнѣйшихъ положеній атеизма (гл. 3), видно, что безбожниками у Теофана называются всѣ свободные мыслители, такъ или иначе уклонившіеся отъ библейскаго міровоззрѣнія. Вотъ коренныя положенія атеизма: 1) отрицаніе промысла Божія, 2) безсмертія души, 3) бытія добрыхъ и злыхъ духовъ, 4) пророчества, 5) чудеса, 6) христіанскаго благочестія и 7) св. писанія. Ни Аристотеля съ его философскимъ движущимъ началомъ, ни Платона съ его возвышеннымъ ученіемъ о божествѣ, ни пантеистовъ, уничтожающихъ индивидуальное и конечное во славу безконечнаго, ни деистовъ — Теофанъ не исключаетъ

(1) Очеркъ исторіи апологетики, Рождественскаго Хр. Чт. 1873 г. III, 106 и слл.

изъ числа безбожныхъ философовъ. Объясняя происхожденіе и распространеніе атеизма, Прокоповичъ указываетъ причину того и другаго въ дурныхъ условіяхъ воспитанія и жизни: 1) „въ природномъ развращеніи“, 2) „въ неумѣренномъ превозношеніи“, 3) въ уродливомъ нравственномъ образованіи, 4) въ чтеніи вредныхъ книгъ, 5) въ пренебреженіи къ евангельскому закону, 6) въ быстромъ размноженіи ересей, 7) въ излишнемъ увлеченіи богословскими преніями. Какъ на отличный признакъ атеизма, по которому онъ легко узнается, Теофанъ указываетъ на гордость, на его высокое мнѣніе о себѣ и низкое о другихъ. Отмѣтивъ вредныя послѣдствія атеизма для частныхъ лицъ и общества, Прокоповичъ пытается доказать несостоятельность различныхъ его положеній, указывая 1) на фактъ всеобщности религіи въ человѣчествѣ, приводящій насъ къ сознанію, что идея о Богѣ прирождена человѣческой душѣ 2), на необходимость призвать движителя міра и 3) на необходимость видѣть въ виновникѣ творенія великаго художника, создавшаго все по плану, цѣлесообразно и прекрасно. Къ этимъ тремъ общепотребительнымъ доказательствамъ истины бытія Божія сводится вся аргументація Теофана, хотя самъ онъ дробитъ ихъ на семь (*); подраздѣляя телеологическое, напр., доказательство на физико телеологическое и историко-телеологическое и снабжая даже это подраздѣленіе новыми частнѣйшими рубриками. Слишкомъ широкое понятіе атеизма у Теофана выступаетъ особенно въ послѣднихъ трехъ главахъ его сочиненія (IX, X и XI), гдѣ онъ критически разсматриваетъ системы разныхъ философовъ, проводя свой взглядъ на нихъ, какъ на произведенія, неизбѣжно приводящія къ неправильному понятію о Божествѣ и разрушающія библейское ученіе о Богѣ личномъ, отдѣльномъ отъ міра, промыслителѣ и т. д. Аристотель (говоритъ здѣсь между прочимъ

(*) Христ. Чт. 1873 г. III, 114.

Теофанъ) „находя составленіе міра сего изъ случайнаго стеченія атомовъ зѣло неудобнымъ и смѣшнымъ, глубоко проникнуть былъ философскою аксіомою, что изъ ничего ничего не бываетъ. Безконечнаго же создателя либо не въдалъ, либо не хотѣлъ признать Его всемогущества, почему и впалъ въ атеистическое мнѣніе, яко міръ сей безначаленъ и вѣченъ, и родъ человѣчскій всегда былъ и будетъ. Что убо другое есть сіе, ежели не самое лютое Божества опроверженіе? Послѣ того какъ слово „атеизмъ“ специализировалось, на такой вопросъ можно отвѣчать отрицательно: изъ посылокъ, поставленныхъ Теофаномъ, вовсе не слѣдуетъ, что Аристотель былъ философомъ-атеистомъ; онъ не домыслился до творческаго дѣйствія Божества и не призналъ его въ своей системѣ, но бытіе Божества для него было несомнѣнно; не подозрѣвая своей неспособительности, Прокоповичъ самъ же заимствуется у Аристотеля космологическимъ доказательствомъ бытія Божія (не посредственно, конечно). О пантеизмѣ Спинозы Теофанъ разсуждаетъ: „основаніе атеизма Спинозы есть исповѣданіе единой субстанціи міра или природы“, — разсуждаетъ совершенно несогласно съ новыми изслѣдованіями спинозизма, по которымъ онъ причисляется къ пантеистическимъ или акосмическимъ системамъ, развивающимся изъ положенія—Богъ есть все. Въ послѣднихъ главахъ своего труда Теофанъ излагаетъ и положительный взглядъ на богопознаніе, пунктуально опровергая (въ семи апологетическихъ трактатахъ) современныя ему антирелигіозныя воззрѣнія (гл. X и XI). Доказательства при этомъ заимствуются изъ разума, исторіи и св. писанія. Не отличающа самостоятельностью и оригинальностью, многія изъ этихъ доказательствъ имѣютъ вѣковое достоинство по силѣ убѣдительности и систематическому развитію. Заслуга Теофана здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, не въ томъ, что онъ сказалъ новое слово науки, а въ томъ, что выбралъ, сформировалъ и сдѣлалъ достойнымъ русской духовной литературы заимствованное съ запа-

ди — в настоящий раз у английских и французских богословов, много потрудившихся в борьбе с рационализмом в разных его видах и выработанных прочнее доводы в защиту христианства. Производительная деятельность Личнато Бога, бессмертие души, истинность чудес, важность св. писания — изложены в проповедии нашего богослова очень обстоятельно. «Если, говорить г. Рождественский, и нельзя не заметить в некоторой односторонности в понимании автором (Оеофаном) философских учений, разсматриваемых в его сочинении, то уже одно стремление автора стать в апологетическом исследовании на уровне современных ему воззрений, господствовавших на западе и отчасти в нашем русском обществе, отнесется критически к этим воззрениям с точки зрения православной, основанной мысли предложить в форме систематического изложения ряд оснований в подтверждение основных истин христианского учения, который подрывались господствовавшими тогда ложными теориями и сопоставить эти теории с философскими воззрениями различных школ до христианской древности, — резко выделяет апологетический опыт О. Прокоповича в истории нашей скудной апологетики не только из предшествующих, но из большей части последующих, особенно периодных апологетических сочинений, от времени до времени являвшихся в нашей литературе с конца прошлого столетия, не всегда к сожалению в очищенном виде от примеси мистических, масонских и других воззрений, несогласных с духом православия»⁽¹⁾.

Сочинения, написанные О. Прокоповичем по различным богословским вопросам и направленные против невежества русских с одной стороны и против иностранных нападок на православие с другой, заслуживают так же как и крупные его про-

изведения, полного внимания истории духовной литературы. Къ такимъ сочинениямъ принадлежатъ, между прочимъ, трактаты «О негнѣимъ мощей кievскихъ угодниковъ Божіихъ» и «Объ игѣ неудобовоспитанности». Первый написанъ былъ по поводу печатно изданнаго литературнаго сомнѣнія въ чудесной негнѣимъ кievскихъ мощей⁽²⁾. Сомнѣніе основывалось на какихъ-то приращенныхъ данныхъ, если судить о нихъ по анологіи Оеофана, который нужно замѣтить, не имѣлъ обыкновенія обходить возраженія противниковъ. Въ зашомъ случаѣ все онѣ сводится у Оеофана къ тремъ категоріямъ: къ «резонамъ» физическимъ, историческимъ и богословскимъ. Физическіе резоны показывали, что или кievскія пещеры имѣютъ естественное свойство предохранять тѣла отъ гниенія, обуславливающегося температурой и воздухомъ, или трупы въ кievскихъ пещерахъ на балъзамированы искусственно. Оеофанъ утверждалъ напротивъ, что атмосфера кievскихъ пещеръ скорѣе можетъ содѣйствовать разложенію тѣла, чѣмъ ахъ сохраненію, что балъзамированіе не было въ обычаѣ христианъ, потому что не является себѣ основаніемъ въ ихъ религіи и слишкомъ дорого для нищихъ — подвижниковъ, скончавшихся въ пещерахъ. Дешовия, простые средства сохраненія труповъ достигаютъ своей цѣли не на долго, на нѣсколько дней, а не столѣтій. Простыми соображеніями опыта и, частью, медицинскимъ авторитетомъ Сенверта⁽³⁾, Оеофанъ разбилъ и возраженія, касавшіяся кievскихъ муроточивыхъ главъ. Между богословско-историческими возраженіями первыиъ стоитъ вопросъ: кому приписывать честь негнѣимы мощей (если они действительно негнѣимы) — заслугамъ І. Христа, или самихъ угодниковъ? Оеофанъ выдвинулъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ нѣсколько доводовъ, основанныхъ на историческихъ фактахъ.

⁽¹⁾ Сочиненіе, вышедшее Оеофана на свѣтъ, принадлежало І. Гербинову и было напечатано въ Кеннебергѣ въ 1675 г. (см. 48 стр. «О негнѣимъ кiev. мощей»).

⁽²⁾ О негнѣимъ мощей, стр. 61—62. (См. 12 стр. 124)

дѣль въ этомъ вопросѣ вопросъ о значеніи для нашего спасенія добрыхъ дѣль вообще и отвѣчалъ: хотя нѣкоторые божественные дары иногда ниспосылаются туне, безъ особенныхъ заслугъ человека, но добрыя дѣла „суть орудія, чрезъ которыя сила крови и смерти Спасителя нашего въ насъ дѣйствуетъ“; чудотворенія нужны промыслу для нашего же спасенія; онѣ не имѣются въ виду у подвижниковъ, какъ награда за подвиги, но даются имъ, какъ достойнѣйшимъ носителямъ благодати Божіей, во славу добродѣтели на землѣ. (°). Второй вопросъ: если Богъ прославилъ негдѣніемъ новозавѣтныхъ праведниковъ, то почему не удостоились той же чести праведники ветхозавѣтные и даже первые поклонники Христа Спасителя—волхвы? На это Теофанъ отвѣчаетъ, что коль скоро доказана сверхъ-естественная причина негдѣнія мощей и выяснено, что чрезвычайные дары благодати не составляютъ цѣли искупленія и добрыхъ дѣлъ, хотя и сообщаются преимущественно праведникамъ, то поставленный Гербиніемъ вопросъ является неумѣстнымъ и дерзкимъ, такъ какъ въ немъ слышится безразсудное любопытство, желаніе проникнуть въ судьбы Божіи, *яже суть бездна многа*.—Смерть и гдѣніе, продолжалъ Гербиній, составляютъ удѣлъ человечества по опредѣленію Божію; мыслимо ли, чтобы Богъ сталъ въ противорѣчіе съ собою, освобождая отъ гдѣнія святыхъ?—Возраженіе, отвѣчалъ Теофанъ, направлено уже противъ всѣхъ мощей, а не кіевскихъ только, и падаетъ, послѣ всего сказаннаго выше, са о собою. Богъ по благоусмотрѣнію можетъ измѣнять порядокъ природы и творить чудеса безъ посторонняго совѣта.— Историческіе „резоны“ у Гербинія совершенно слабы; иногда и самъ Гербиній сознавалъ это. Таково напр., возраженіе, будто на мѣстѣ нынѣшняго Кіева стояла Троя (sic), и тѣла въ кіевскихъ пещерахъ—ничто иное,

(°) Тамъ же, 67—73.

какъ набальзамированныя трупы троичевы; или: будто кіевскія мощи принадлежатъ времени до раздѣленія церкви (°). Теофанъ совѣтуетъ Гербинію навести точнѣе справки въ „хронологіи“.

„Книжица, въ ней же повѣсть о распрѣ Павла и Варнавы съ іудействующими и труаность слова Петра апостола о неудобноносимомъ игѣ законномъ пространно предлагается“ заслуживаетъ вниманіе преимущественно своей послѣдней половиною, основная мысль которой та, что падшій человекъ не можетъ совершенно исполнить евангельскаго нравственнаго закона и потому получаетъ оправданіе только чрезъ вѣру въ искупительную заслугу І. Христа. Установивъ сначала подлежащій разсмотрѣнію вопросъ и устранивъ неправоподобныя объясненія библейскихъ выраженій о неудобноносимости законнаго ига, Теофанъ высказываетъ принятый имъ взглядъ на этотъ предметъ. Неудобноносимость закона, по Теофану, состоитъ въ томъ, что никто не въ силахъ исполнить нравственный законъ всецѣло, безъ погрѣшностей, безъ претыканій. Слѣдуютъ доказательства изъ св. писанія, изъ учителей церковныхъ, изъ соображеній относительно цѣли пришествія на землю Сына Божія, относительно разницы двухъ завѣтовъ относительно оправданія ветхозавѣтныхъ праведниковъ чрезъ вѣру въ тридцатого Мессію. Всего въ сочиненіи 19 главъ. Оно можетъ служить новымъ доказательствомъ въ пользу глубокаго богословскаго образованія автора, хотя по своей близости къ протестантской доктринѣ, вызвало возраженія со стороны опасливыхъ русскихъ архіереевъ и послужило въ свое время поводомъ къ немаловажнымъ смутамъ въ іерархii.

(°) Эта мысль высказывалась не однимъ Гербиніемъ, ее же приво- дилъ въ соч. о признакахъ церкви Теофанъ Рутка, заимствуя содержа- ніе главъ, образомъ у Беляржина—изъ трактата «De votis ecclesiae».

Оеофидактъ Лопатинскій написалъ противъ Оеофана трактатъ подъ заглавіемъ „Что Господне благо“ и раздѣлилъ его также на 19 главъ. Здѣсь, послѣ обличенія словъ изъ рѣчи ап. Петра на іерусалимскомъ соборѣ (Дѣян. 15. 10), говорится о законѣ нравственномъ и заповѣдахъ Божіихъ (гл. 3), о христіанской свободѣ (4), о разствіи новаго и ветхаго заветовъ (5), о добрыхъ дѣлахъ (6), о мнимыхъ противорѣчіяхъ въ словѣ Божіемъ, касательно удобоисполнимости и тяжести заповѣдей (7), разрѣшаются нѣкоторые вопросы о ветхомъ законѣ (8), трактуются о произвольныхъ страстяхъ плоти и христіанскомъ совершенствѣ (9), о грѣхахъ прогнательныхъ (10), о вѣрѣ (11), объ оправданіи (11), о благодати оправдывающей и освящающей (13), о пелагианской и кальвинской ереси (14), о возможности храненія заповѣдей Божіихъ (15), о добродѣтели угодииковъ Божіихъ (16); въ послѣднихъ главахъ, преимуществу полемическихъ, авторъ излагаетъ ученіе противника, предполагая въ немъ протестанта по убѣжденіямъ, и опровергаетъ его. Эти главы особенно ясно, замѣчаетъ преосв. Филаретъ, намекаютъ на Оеофаново сочиненіе о неудобноисполнимомъ итѣ и прямо направлены противъ него (*).

Два означенныхъ сочиненія служатъ первымъ выраженіемъ розни между двумя партіями писателей—богослововъ петровской эпохи, изъ которыхъ каждая подозрѣвала и обвиняла другую въ неправомыслія. Партія Оеофанова изобличалась въ протестантизмъ, противоположная ей, во главѣ которой стоялъ м. Стефанъ Яворскій, а послѣ него О. Лопатинскій, обвинялась въ примерженности къ католицизму. Обѣ стороны, чувствуя себя правыми и дѣйствуя въ интересахъ православной церкви, къ которымъ примѣшивалась и личная вражда, доходили, какъ увидимъ, до несправедливой рѣзкости на бумагѣ и до жестокости въ мщеніи на практикѣ.

(* Обзоръ духов. литературы, преосв. Филарета, ч. II, стр. 31.

4) Сочиненія противъ протестантскаго ученія. Хотя и говорятъ, что протестантизмъ не имѣетъ стремленія пріобрѣтать себѣ прозелитовъ (*), тѣмъ не менѣе русская церковь, какъ извѣстно, понесла много труда въ борьбѣ съ нимъ. Одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ этой борьбы совершился при Петрѣ В. когда обстоятельства сложились особенно благоприятно для лютеранской пропаганды въ нашемъ отечествѣ. Не слушая совѣтовъ ревнителей православія, видѣвшихъ дурную сторону въ сближеніи русскихъ съ иностранцами, Петръ, преслѣдуя практически-гражданскія цѣли, издалъ въ 1702 году манифестъ о свободѣ вѣроисповѣданій, подъ прикрытіемъ котораго издавна основанная въ Москвѣ нѣмецкая слобода процвѣла, расширилась и стала центромъ антиправославной пропаганды, быстро развивавшейся на почвѣ, подготовленной русскими волюнтерами протестантскаго пошиба, вооружавшимися противъ авторитета православнаго духовенства, противъ обрядовъ и таинствъ церкви. Русское юношество, идущее учиться за границу, часто беззавѣтно отдавалось иноземцамъ, заимствуя изъ нея больше дурнаго, чѣмъ хорошаго, утрачивало любовь къ родинѣ и уваженіе къ православію, увлекался обрядовою свободою протестантизма, „отступалъ чести за курочку въ пость“; на нѣмецкой слободѣ вышель извѣстный Дм. Тверитиновъ, который, благодаря своей профессіи (онъ былъ медикъ), позволявшей ему посѣщать многіе дома, при ловкости и краснорѣчьи скоро пріобрѣлъ себѣ ревностныхъ послѣдователей и помощниковъ въ дѣлѣ лютеранской пропаганды: Косаго, Максимова, Мартынова, Минина, Ожму Иванова и др.; ихъ трудами ересь распространилась далеко на сѣверъ, за предѣлы Москвы, а въ самой Москвѣ нашла себѣ приверженцевъ между придворными чинами и духовенствомъ. Но были у Тверитинова и враги, слѣдившіе за его дѣйствіями. —

Первымъ оказался шуринъ его, монахъ Пафнуцій, который когда-то самъ увлекался ученіемъ злѣя, но потомъ „исправился и на него за церковь возсталъ“. Сперва Пафнуцій защищалъ православіе въ устныхъ бесѣдахъ съ Тверитиновымъ; пользы отъ того вышло немного: еретикъ былъ упоренъ и не безъ успѣха оспаривалъ своего оппонента. Тогда Пафнуцій рѣшился на составленіе письменной, болѣе или менѣе полной и обстоятельной защиты и написалъ сочиненіе: „Рожденецъ духовный. Вкратцѣ собраніе отъ божественныхъ писаній противолотеранска и калфинска и иныхъ еретиковъ, утвующихъ и непокоряющихся восточной, соборной и апостольской церкви“. По характеру своему это сочиненіе принадлежитъ къ типу сочиненій, написанныхъ начатными самоучками; въ изложеніи его нѣтъ системы. Оно имѣетъ диалогическую форму и носитъ на себѣ явные слѣды недавнихъ споровъ съ Тверитиновымъ. Въ началѣ сочиненія поставленъ главный вопросъ — о значеніи св. писанія и св. преданія и ихъ взаимномъ отношеніи. Пафнуцій рѣшаетъ его, какъ и другіе затронутые еретиками вопросы, на основаніи св. писанія и разума, соображая, что иныхъ авторитетовъ въ богословской области его противники не признаютъ. Сила доводовъ Пафнуція — въ хорошемъ подборѣ текстовъ, въ умѣнны подмѣтять слабыя стороны противника и поставить его въ затруднительное положеніе при помощи оружія, которое тотъ самъ избралъ для полемики. Число возраженій, нашедшихъ себѣ отвѣтъ у Пафнуція, не исчерпываетъ всѣхъ разногласій православія съ протестантизмомъ. Авторъ „Рожденецъ“ имѣлъ намѣреніе опровергать не систему протестанства, а только заблужденія Тверитинова и его послѣдователей. Кромѣ основнаго вопроса о св. писаніи, какъ единственномъ источникѣ богословія, „Рожденецъ“ разсуждаетъ по вопросамъ: есть ли основаніе въ св. писаніи на то, чтобы молиться о заступленіи ангеламъ и умершимъ святымъ? Слѣдуетъ ли воздавать имъ почтеніе, какое воздастъ православ-

ная церковь? Заслуживаютъ ли довѣрія мощи и чудеса, совершающіяся при нихъ? Можно ли знать до дна суднаго, кто праведенъ и кто грѣшенъ? Позволительно ли строить храмы въ честь святыхъ? Иконопочитаніе не есть ли идолопоклонство? Не противорѣчитъ ли св. писанію монашество? Каковъ смыслъ имѣть молитва, поклоны на молитвахъ и вообще церковная обрядность? Нужна ли проповѣдь, какъ разъясненіе догматовъ вѣры и обязанностей христіанина, не стѣсняетъ ли она свободы вѣры? На чемъ основывается обычай налагать эпитиміи? Имѣетъ ли молитва за умершихъ значеніе? Совершается ли пресуществленіе даровъ въ евхаристіи? Нужна ли вода при крещеніи? Каковъ смыслъ таинства священства? Какъ понимать слова св. писанія, что живущій по вѣрѣ, какова бы ни была послѣдняя, приятенъ Богу? Есть ли у ангеловъ іерархія? Крестъ, какъ орудіе казни Богочеловѣка, заслуживаетъ почтенія, или пренебреженія? Необходимо ли прямое указаніе библии во всѣхъ случаяхъ нашей вѣры и обрядности, или иногда достаточно примѣненія къ ней? — О. Пафнуцій раздѣлилъ свое произведеніе на 46 частей, по числу разрѣшенныхъ въ немъ возраженій. Въ существѣ дѣла, всѣ они сводятся къ выше поставленнымъ вопросамъ, и дробность въ изложеніи Пафнуція отчасти зависѣла отъ его второяемости, отчасти отъ неумѣнья обобщить нѣскольکو близкихъ по содержанію возраженій въ одно и отвѣчать на него систематически — послѣдовательно. Повторимъ здѣсь, что авторъ „Рожденецъ“ находился подъ вліяніемъ живой бесѣды съ Тверитиновымъ, въ которой споряція стороны, по тому или другому поводу, всегда могутъ возвращаться къ прежде сказанному. Возраженія относительно ангеловъ и святыхъ отшедшихъ Пафнуцій поставилъ въ началѣ сочиненія (подъ цифрою 5), но не обсудивъ ихъ вполне въ одной мѣстѣ, дополняетъ свой отвѣтъ подъ 37-ю рубрикою и

далѣе⁽¹⁾. Крупные и мелкие вопросы Пафнугій мало различаетъ, сперва онъ ставитъ догматическимъ, потомъ обрядовымъ, потомъ опять догматическимъ тезисомъ православія, хотя не рѣдко у него замѣчается стремленіе подчинить важнѣйшему менѣе важному и указать тѣмъ самымъ на связь, на взаимное отношеніе того и другаго⁽²⁾. Сила доводовъ Пафнугія, сказали мы, заключается въ его знаніи библіи и въ умѣнны логическимъ путемъ разбить хитросоветенія противника. Примеры хорошо подобранныхъ цитатъ у него встрѣчаются на каждомъ шагу.—Какъ на образецъ лѣскакъ доказательствъ отъ разума, можно указать на аргументацію Пафнугія въ пользу таинства евхаристіи. Протестанты говорятъ ему, что пресуществленіе даровъ недѣстивно въѣннимъ чувствомъ и потому сомнительно. Онъ отвѣчаетъ: лучше довѣрять глаголу Божию, никогда не изнемогающему, нежели чувствамъ, часто обольщающимъ насъ. Ангель, спутникъ Товія, на взглядъ послѣдняго былъ человекъ. «И Христосъ по воскресеніи не былъ узрѣнъ апостолами, пока сазуъ не открылся—и слѣдъ. Протестанты говорятъ: огонь—не вода, хбѣтъ—не тѣло и кровь—не вино» Пафнугій отвѣчаетъ: огонь въ печи вавилонской орошалъ отроковъ, вода, возлитая на жертву (пр. Іліи), попала на нее—и т. д.⁽³⁾ Вся задача Пафнугія—въ опроверженіи возраженій; надъ ней онъ трудится съ начала до конца сочиненія, излагая православное ученіе въ самыхъ краткихъ словахъ, насколько это было необходимо для сопоставленія его съ протестантскими мыслями. Иначе сказать, положительная сторона сочиненія Пафнугія скрывается въ отрицательной, отражающейся въ ней, какъ контрастъ. Съ положительной стороны трудъ этотъ

(1) Пр. 06. 1863 г. XII, 201 и 213.

(2) Вопросъ о монашествѣ, Тамъ же стр. 209—10.

(3) Тамъ же, 213.

не претендовалъ ни на какое значеніе; онъ былъ важенъ только въ полемическомъ отношеніи, пригоденъ для своей спеціальной цѣли. Мудрость православія въ разсужденіи подлежащихъ разсмотрѣнію вопросовъ, не раскрыта для читателей; она подразумевается сама собою. Полноты безотносительной, поэтому, въ „Рожницѣ“ нѣтъ.—„Слогъ Рожница“, говоритъ г. Терногскій, не можетъ похвалиться правильностью и чистотою; видно, что авторъ считалъ своею обязанностію писать книжнымъ, славянскимъ языкомъ, но видно также, что ему трудно было втискивать живую рѣчь въ непривычныя формы⁽¹⁾.

Самымъ сильнымъ противникомъ Творитинова и его сообщииковъ былъ м. Стефанъ Яворскій. Какъ только дошелъ до него слухъ о ереси, онъ, не смотря на видимое несочувствіе государя, рѣшительно началъ преслѣдовать ее даже полицейскими мѣрами. Гражданскимъ судомъ онъ довелъ одного изъ приверженцевъ протестантизма до казни, а остальныхъ предалъ церковному отлученію, пока не раскаются. Предостерегая отъ ереси народъ, Стефанъ обличалъ ее въ устной проповѣди. Затѣмъ, противъ нея онъ написалъ капитальное сочиненіе подъ заглавіемъ: „Камень вѣры православно-каатолическія восточныя церкви святыхъ, синомъ на утвержденіе и духовное назиданіе претыкающимся же о камень претыканія и соблазна на волстаніе и исправленіе“.—„Камень вѣры“ не представляетъ собою самостоятельного труда. Названіе заимствовано у лезуита Теофила Рутки, назвавшего сочиненіе „Lapis“⁽²⁾ а въ содержаніи очень много взято изъ сочиненія католическаго богослова Беллармина. На научныхъ ерествѣ, на времeci у Стефана не было на то, чтобы написать исключительно самому такое обширное и основательное сочиненіе, какимъ представляется

(1) Тамъ же, стр. 200.

(2) Труды П. Д. Ак. 1864 г. I. Біограф. Стефана Яворскаго, стр. 62.

„Камень вѣры“, и онъ обратился къ готовой противопротестантской системѣ Беллармина, очень научной, обильной доводами изъ св. писанія, соборныхъ постановленій, отеческихъ произведеній, исторіи церкви и др. источниковъ. Манера опровергать противниковъ и доказывать свои положенія взята Стефаномъ у Беллармина же. Сдѣлаемъ нѣкоторые сопоставленія. На первомъ мѣстѣ въ „Камнѣ вѣры“ стоятъ трактаты о святыхъ иконахъ. Въ сочиненіи Беллармина соответствуетъ ему трактатъ „De reliquiis et imaginibus sancto-rum“. М. Стефанъ, прежде чѣмъ начинать изложеніе доказательствъ православнаго ученія, ставитъ рубрику: „Извѣщеніе глаголемыхъ и нѣкая къ свѣденію подлежащая“, подъ которой объясняетъ значеніе словъ „икона“ или „образъ“, а въ началѣ полемической части трактата различаетъ понятія иконопочитанія и идолослуженія. У Беллармина рѣчь о томъ же ведется подъ заглавіемъ „De nomine imaginis et idolis“ (1). У Стефана аргументація направлена къ тому чтобы доказать законность иконопочитанія и опровергнуть его противниковъ. Белларминъ въ первыхъ строкахъ названной главы говоритъ: „теперь намъ, сообразно съ планомъ нашей полемики, слѣдуетъ говорить о почитаніи иконъ, т. е. 1) разсуждать о понятіяхъ „образъ“ и „идолъ“ и „изображеніе“ (икона), 2) о противникахъ иконопочитанія, 3) позволительно ли имѣть иконы, 4) позволительно ли ихъ почитать, 5) какъ почитать.“... Белларминъ выясняетъ понятія иконопочитанія и идолослуженія историческимъ путемъ, показывая, у какихъ древнихъ и новыхъ писателей и въ какомъ смыслѣ употреблялись обозначающія ихъ слова. М. Стефанъ держится въ этомъ случаѣ только на почвѣ св. писанія и при помощи его старается разграничить тѣже понятія, но цитуетъ библію по Беллармину. Иногда онъ

(1) Камень вѣры, I, 4—4; 109—111; Bellarm. l. s. De reliquiis sancti, cap. V, p. 432 и т.

переставляетъ доказательства источника, нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ опускаетъ, какъ неправославныя; иногда (когда у него есть русскіе авторитеты) приближаетъ свои. Намѣченный въ подробностяхъ планъ полемики позволяетъ Стефану помѣщать рядомъ такіа доказательства, которыя у Беллармина разбросаны (2). Сокращенія въ выраженіи однихъ мыслей и распространенія въ другихъ, своеобразное построеніе синлогизмовъ придаютъ „Камню вѣры“ характеръ самостоятельности (3). Чтобы видѣть зависимость „Камня вѣры“ отъ Беллармина относительно библейскихъ цитатъ, приведемъ выдержки. У Беллармина: „Jacob vidit Deum, innixum summitati scalae et proinde forma corporea. Genes. 28, v. 13. Moyses vidit posteriora Dei, id est tegra et humeros. Exod. 33, v. 23. Isaias cap. 6, v. 1 et Micheas 3 Reg. ult. v. 19. viderentur Dominum, sedentem in solio ad formam hominis Regis, et Amos cap. 9, v. 1. vidit Dominum stantem super altare... Spiritus sanctus apparuit in forma columbae, Matth. 3, 16. Denique angeli apparerentur frequentissime in forma humana. Genes. 18, v. 2, 19, v. 1 et in liber. Tobiae. Visi sunt etiam cum aliis, ut Isaias 6, v. 2, Daniel. 9, v. 21 et in candida, Matth. ultimo

(2) Намѣненіе это, главнымъ образомъ, заключается въ томъ, что Белларминъ, напр., подъ рубриками, помѣщенными въ главѣ „De nomine imaginis et idolis“ послѣдовательно, въ связи съ полемикой, болѣею частью въ вопросо-отвѣтной формѣ, приводитъ цитаты изъ св. писанія, соборовъ, св. отцовъ, исторіи и т. д., не дѣлая для нихъ особыхъ рубрикъ, а только выставляя цифр. и предъ каждымъ формулирующимъ доказательствомъ; авторъ же „Камня вѣры“, вѣрующъ Белларминаго планъ, помѣщающаго въ заглавіяхъ, но удержаннаго въ расположеній мыслей, ставитъ особыя рубрики, въ родѣ: „твердость камене вѣры отъ св. писанія“ (гл. 1) „отъ соборныхъ вселенскихъ“ (гл. 2) и т. д. Цифры Беллармина у него записаны иными выраженіями — „заключеніе глаголемыхъ вероис.“, „заключеніе глаголемыхъ второис.“, „утверженіе“, „подтверженіе“ и т. д.

(3) Ср. Кам. вѣры, стр. 2—3, 8, 9, 27, 109, 110, 111 и 112. и Белларм. l. sec., стр. 437 атабіе 17, стр. 435 ата II; стр. 437, ата. 14; стр. 438 ата 23, 437, 24, 438, 16, 434, 7, 441, 12.

v. 3, Inse ultimo, v. 4, et Joan. 20, v. 12⁶... Въ „Камнѣ вѣры“ читаемъ: „Господь явился Иакову на лѣтвищѣ утверждающа. (Быт. 28) И пакы: къ Моисею рече: задняя моя узриши, лице же мое не явитися (Исх. 33) И пакы: Духъ св. виденъ бысть въ видѣ голубицы (Мѡ. 3). Тое же разумѣй и о ангелахъ, иже аще и безплотни суть, обаче во образѣ тѣлеснѣмъ являхуся. Якоже Аврааму, Товии, Исаи, Данииду, мироносицамъ при гробѣ Господнемъ и прочимъ по воскресеніи Христовомъ (Быт. 28, Исх. 33, Исаи 6, 3 Цар. 25, Мѡ. 3)⁶. Сегодокъ на св. писаніе въ „Камнѣ вѣры“—множество, за нѣкоторыми исключеніями, они подобраны хорошо.—Кромѣ цитатъ изъ св. писанія, м. Стефанъ заимствовалъ у Беллармина цитаты изъ сборныхъ постановлений, изъ св. отцовъ, историческія свидѣнія. Тутъ разница между ними замѣтна. Видно, что у м. Стефана были подъ руками нѣкоторые изъ источниковъ, указанныхъ Белларминомъ, что позволило ему проверять послѣдняго и дѣлать свои прибавки. Нередко онъ указываетъ на свято отеческія творенія, которыми самъ пользовался⁶). Въ выборѣ цитатъ каноническаго характера авторъ „Камня вѣры“ соблюдетъ надлежащую осторожность. Обходя католическіе соборы и многія произведенія западныхъ учителей, онъ останавливается на авторитетахъ церкви восточной (разумѣется и на тѣхъ, которые признаны ею за таковыя, хотя бы были и западнаго происхожденія), часто дѣлая при этомъ такого рода указанія: „Вѣдѣти же подобаетъ, яко свидѣтельства послѣдствующихъ зѣвъ отецъ святыхъ взята суть отъ Дамаскина святаго, отъ трехъ его бесѣдъ, якоже богомудръ написать есть о почитаніи иконъ святыхъ діалектомъ греческимъ“⁶). Тоже дѣлаетъ онъ относительно русскихъ сочиненій. Доказывая, напр., „твердость камне вѣры“ отъ исторій церковныхъ и отъ чудесъ, при иконахъ святыхъ бываемыхъ“, онъ беретъ изъ исторіи фактъ,

(⁶) Камень вѣры. I, 38, 50, 116, 119, 121, 239, стр. и др.

(⁶) I, гл. IV; также III, 20; III, 22 и др.

что І. Христомъ посланъ Авгарю свое изображение и прибавляетъ: „читай о семъ въ прологѣ, августа въ 6 донѣ, и видишь начало иконъ у Самаго І. Христа“. Также онъ цитуетъ Коричную и богослужебныя книги.—Доказательства отъ разума въ „Камнѣ вѣры“ взяты изъ Беллармина же. Въ трактатѣ о св. иконахъ м. Стефанъ указываетъ признаки истинной церкви, подводитъ подъ нихъ церковь восточную, дѣлаетъ выводъ о необходимости повиноваться ей, какъ непогрѣшимой хранительницѣ и толковательницѣ божественнаго откровенія, обличаетъ въ неповиновеніи ей протестантовъ.—По трактату Беллармина „De ecclesiae natura et proprietatibus“ и „De notis verae ecclesiae“, по обыкновенію опускаая непригодныя для православнаго богослова аргументы и придерживаясь постоянно св. писанія, такъ что цѣлыя отдѣлы раскрывающіе „твердость камне вѣры“ отъ доводнаго показанія“, представляютъ собою умозаключеніе по формѣ syllogismi theologici.—Не смотря на такую сильную зависимость „Камня вѣры“ отъ сочиненія Беллармина, онъ можетъ быть вполне названъ камнемъ православной вѣры: католическія идеи, которыми, кажется, легко было проникнуть въ произведеніе м. Стефана, не проникли въ него.—При первой возможности оставить католическій источникъ, Стефанъ оставлялъ его въ пользу православнаго и уже безъ стѣнненія, безъ пропусковъ и перекладываній, списывалъ цѣлыя страницы изъ І. Дамаскина, изъ І. Златоуста, изъ „Православна исповѣданія“ и т. п. Въ этихъ авторитетахъ онъ видѣлъ надежнѣйшую опору своему богоустановленію и вѣрнѣе средство расположить въ свою пользу читателей. Беллармина онъ нигдѣ не цитовалъ, избѣгая нареканій.

Вопросы, рассмотрѣнные въ „Камнѣ вѣры“—тѣже, которые рѣшалъ и о. Пафнутій въ „Рожицѣ“, съ прибавкою двухъ, очень важныхъ: о значеніи литургіи, какъ умудривительной жертвы, и объ оправданіи человека вѣрою и добрыми дѣлами,—и за исключе-

восьмь вопросов о монашествѣ, о чинахъ церковныхъ и о почитаніи святыхъ. Одного общаго, всеобъемлющаго и всепроникающаго начала, которое устанавливало бы связь между всеми отдѣлами сочиненія, въ „Камнѣ вѣры“ нѣтъ. „Камень вѣры“—не система, а полемическій отвѣтъ на вопросы, поставленные временемъ, хотя, сравнительно съ Рожницею“, онъ представляется болѣе полнымъ и систематичнымъ опроверженіемъ протестантской доктрины. Хотя м. Стефанъ не постарался разбить части своего сочиненія соотвѣтственно ихъ важности, но каждый отдѣльный трактатъ у него, не связанный съ предыдущимъ и послѣдующимъ, является цѣльнымъ, законченнымъ изслѣдованіемъ по однообразному, разъ избранному плану. Доказательства отъ св. писанія, отъ соборовъ вселенскихъ, отъ благочестиваго ученія отцевъ св., отъ исторій церковныхъ, отъ чудесъ, отъ доводнаго показанія, на св. писаніяхъ утвержденного, слѣдуютъ въ положительной и отрицательной частяхъ каждаго трактата сплошными рядами и неуклонно бьютъ въ одну цѣль, подкрѣпляютъ и дополняютъ другъ друга, измѣняютъ позицію противника, изъ наступательнаго положенія ставятъ въ оборонительное и отступательное. Послѣ каждой частной победы, авторъ „Камня вѣры“ останавливается, какъ бы осматривается, чтобы потомъ снова начать съ опредѣленнаго пункта. Показавъ въ трактатѣ о св. иконахъ „твердость камене вѣры“ отъ писанія, м. Стефанъ пишетъ „заключеніе глаголемыхъ первое“, потомъ—„второе“ и д., сколько ему ихъ нужно, затѣмъ снова ставить цѣль и идти къ ней путемъ научной силлогизации. „Не можетъ быти то грѣхомъ, что Господь Богъ творити повелѣваетъ... но понеже творити образъ Богъ повелѣваетъ... убо творити образъ нѣсть грѣхъ“,—это схема его вывода изъ доказательствъ отъ св. писанія. „Мощно, благолюбо, имѣти иконы, но почитати я и тѣмъ кланятися не подобаетъ. Тако ли благолетъ противници? Отвѣтъ слѣдуетъ далѣе.—Съ цѣлю найти надлежащій смыслъ священнаго текста,

авторъ „Камня вѣры“, придерживаясь своего принципа „св. писаніе само себе толкуеть“, обыкновенно прибѣгаетъ къ контексту, ученія его толкованіемъ св. отцовъ и дѣлаетъ выводъ въ формѣ силлогизма (*). Для выясненія своей мысли, въ видахъ устраненія неправильнаго пониманія, или намѣреннаго извращенія со стороны противниковъ, а также для того, чтобы сообщить ей осязательныя формы непререкаемой истины, онъ приводитъ сравненія (**). Разнородныя цитаты у м. Стефана въ совокупности составляютъ послышки одного подисиллогизма, первое зѣно котораго вводитъ отетотить отъ заключенія на нѣсколько листовъ, хотя находится съ нимъ въ тѣсной связи. Чтобы читатель не терялся, не путался въ длинной цѣпи аргументовъ, ему часто предлагается резюме сказаннаго (**). Не довольствуясь прямыми письменными свидѣтельствами древности въ пользу православнаго ученія, м. Стефанъ прибѣгаетъ къ косвеннымъ даннымъ, сообщая ихъ чрезъ введеніе въ логическую цѣпь грѣское значеніе (**). Такъ какъ протестанты недовѣрчиво относятся къ богословскимъ авторитетамъ, кромѣ св. писанія, то въ „Камнѣ вѣры“ свидѣтельства преданія связываются съ библейскими текстами (**). Въ отдѣлахъ отрицательнаго характера обыченъ такой приемъ: прежде всего указывается камень преткванія и соблазна, о которой загнулись противники, каковымъ является болѣею частью выдержка изъ св. писанія, изъ соборныхъ дѣланій и т. д., потомъ опредѣляется способъ правильнаго пониманія приведеннаго мѣста, высказывается православный взглядъ на него и начинается защита послѣдняго въ связи съ опроверженіемъ протестантскаго

учения, при чем Стефанъ старается поставить учение противниковъ въ разладъ съ писаніемъ и преданіемъ, ищетъ въ немъ внутреннихъ противорѣчій и недомолвокъ, зависящихъ отъ непоследовательности, доводитъ его до крайностей по способу *ab absurdo* и *ad absurdum*. При случаѣ указывается явное разногласіе въ сужденіяхъ объ одномъ и томъ же предметѣ у лютеранъ и кальвинистовъ, родевенниковъ по происхожденію. Въ концѣ изслѣдованія того или другого вопроса у автора „Камня вѣры“ какъ бы невольно вырывается побѣдный возгласъ, и прилагается нѣсколько строкъ, а послѣ крупныхъ трактатовъ нѣсколько страницъ, назидательнаго свойства или для православныхъ читателей, или для противниковъ.

Принципы пониманія и толкованія св. писанія у м. Стефана высказаны ясно. „Преданія къ вѣрѣ, говорить онъ, тако суть потребна, яко единемъ преданіемъ можетъ быти вѣра, а безъ преданій св. писаніе нѣсть къ вѣрѣ довольно“. Это первый принципъ, указывая который, авторъ, очевидно, хотѣлъ поднять въ глазахъ читателя источникъ богословской мысли, отвергаемый протестантами. Увлеченный собственнымъ усердіемъ, онъ даетъ преданію слишкомъ большое значеніе, такъ что думается, не станеть ли м. Стефанъ злоупотреблять этимъ богословскимъ источникомъ въ полемикѣ съ людьми, не признающими его. Оказывается—нѣтъ. Стефанъ не упускалъ изъ вида ученія своихъ противниковъ и на доводы изъ преданія не особенно рассчитывалъ, а если и поминалъ ихъ, то въ качествѣ дополненія, очень, впрочемъ, обширнаго, въ виду православныхъ читателей (черта, отличающая „Камень вѣры“ отъ „Рождца“). „Писаніе священное само себе толкуеть“. Это второй принципъ Стефана—экзегетическій, котораго онъ крѣпко держится вездѣ, гдѣ можно и должно, и о которомъ очень часто говоритъ въ своихъ трактатахъ. „Не тако нечестивія, не тако, обыкновенно восклицаетъ онъ, когда видитъ, что текстъ приводится противниками отрывочно и толкуется про-

извольно—но приведите намъ писаніе полное. Видати бо о семъ предлежитъ, яко нѣсть истиннѣйшаго толкованія писаній священныхъ, якоже само писаніе священное, многаша бо предваряющая словеса последствующими толкуеть, или, вопреки, последующая толкуеть предваряющими“ (*). Контекстомъ и параллелизмомъ авторъ „Камня вѣры“ пользуется въ широкихъ разбрахъ и большею частію добросовѣстно, безъ натяжекъ. Страницы и листы, посвященные библейскими цитатами, встрѣчаются въ „Камнѣ вѣры“ постоянно; одни изъ нихъ содержатъ одинаковыя, близкія по смыслу мѣста писанія, другія — мною — противорѣчивыя; и тѣ и другія отлично приварочены къ словамъ автора (**). Обычай схоластикова, искать въ словѣ Богъ имя множество смысловъ, въ „Камнѣ вѣры“ не замѣчается. „Въ священныхъ писаніяхъ“ говоритъ Стефанъ, два суть къ разумнѣю подлежащая: писанія и разумъ (духъ), якоже въ человекѣ тѣло и душа. И о сихъ, по толкованію вѣрихъ учителей, апостолъ глаголетъ: писанія убиваетъ, а духъ животворитъ. Аки бы рекше: аще держишися праваго писанія разума, иже есть аки духъ оживляють, будетъ ти по спасенію, аще не пренебрежши истиннаго и праваго писанія разума, и въ шнѣму точію писанію внимали, прельстииши“. Не смотря на то, что, какъ увидимъ ниже, м. Стефанъ въ своихъ проповѣдяхъ употреблялъ схоластическіе приемы толкованія, въ „Камнѣ вѣры“ онъ воздерживается отъ этого и протестантамъ рекомендуетъ, въ избѣженіе безконечныхъ разногласій, при объясненіи св. текста руководиться мнѣніемъ церкви. „Аще вы, противницы, говорить онъ, на единомъ точію священномъ писаніи утверждаетеся, правила же и уставы вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, такожде и отецъ святыхъ преданія отмѣтаете, то како въ распрахъ,

(*) „Видати бо о семъ предлежитъ, яко нѣсть истиннѣйшаго толкованія писаній священныхъ, якоже само писаніе священное, многаша бо предваряющая словеса последующими толкуеть, или, вопреки, последующая толкуеть предваряющими“ (*).
 (**) „Видати бо о семъ предлежитъ, яко нѣсть истиннѣйшаго толкованія писаній священныхъ, якоже само писаніе священное, многаша бо предваряющая словеса последующими толкуеть, или, вопреки, последующая толкуеть предваряющими“ (*).
 (*), III, 36 и дал.

о вѣрѣ бываемыхъ можете имѣть конецъ и опредѣленіе? Кто страны противныя между вами разсудить и едину истинную, другую же лживу быти распознаеть и рвеніямъ конецъ сотворить?... Добро есть священнаго писанія держатися: но аще будетъ сумнительно, обоудно, неясно и, по вашему свободному мудрованію, на двѣ противныя страны толкуемо, кто разсудить ея? кто дастъ ему правое и опредѣлительное толкованіе" (1)? Когда Стефану возразили, что св. писаніе ясно, не обоудно, онъ выписалъ множество „въ свѣщ. писаніяхъ встрѣчающихся мнимыхъ противорѣчій, яже немалымъ трудомъ читателя обременяютъ" (2), и привелъ убѣдительнѣйшій примѣръ разнообразныхъ утонченныхъ толкованій словъ Спасителя: *сіе есть тѣло Моє* (3).

Въ заключеніе повторимъ, что авторъ „Камня вѣры“, какъ православный богословъ, внушаетъ къ себѣ полное довѣріе, что онъ очень строгъ и разборчивъ въ прискавіи авторитетовъ. Всѣ обвиненія, сыпаншіеся на Стефана — въ томъ, что онъ больше католикъ, чѣмъ православный, больше слуга папы, чѣмъ русской церкви, могли принадлежать или его личнымъ врагамъ, или замаскированнымъ врагамъ православія, или, наконецъ, совсѣмъ непроницаемымъ, невѣжественнымъ ревнителямъ отечественной вѣры. Скажемъ нѣсколько словъ и о недостаткахъ „Камня вѣры“. На немъ лежитъ глубокой слѣдъ довольно сильной раздражительности — общая черта полемическихъ сочиненій петровской эпохи, не только русскихъ, но и иностранныхъ (4). У него встрѣчаются, напримѣръ, така-

(1) „Камень вѣры“ III, 30.

(2) III, 36—40.

(3) III, 96—97. Вариацийъ въ толкованіи этого текста онъ насчитываетъ до 26-ти.

(4) Схоластическая сторона „Камня вѣры“, а также отношеніе м. Стефана къ протестантской доктринѣ, выраженнае въ этомъ сочиненіи, довольно подробно рассмотрѣны въ статьѣ г. Терновскаго. Пр. 06, 1863 г. XII, 270 и дал.

го рода заключенія по аналогіи: „Первому собору никейскому повинуетея, противныя, убо и второму должни есте. Аще же сей отхѣщете, отвержете и первый и тако злочестія Аріена держитесь" (5). Или: „слово крестное погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ имъ сила Божія (1 кор. I, 18). Отъ сихъ словесъ апостольскихъ свидѣль доводи: имъ же слово крестное бываетъ юродство, тѣи суть сынове погибели. Слово бо крестное погибающимъ убо юродство есть. Но вамъ, противныя, слово крестное есть юродство. Егда бо мы кланяемся кресту Господню и научаемъ кланятися, вы сему смѣтаете и насъ вхѣщете быти юродивыхъ. Понеже убо вамъ слово крестное есть юродство, убо вы есте сынове погибели" (6). Странными и неумѣтными кажутся, наряду съ серьезными доводами, и тѣ схоластическія препирательства, въ которыя довольно охотно вступаетъ Стефанъ въ своихъ искусственныхъ діалогахъ (полемическіе отдѣлы у него имѣютъ болѣею частію діалогическую форму) (7). Въ прискавіи ветхо заветныхъ прообразовъ, различнаго рода сравненій и подобій также замѣчается схоластическая замашка. Въ главѣ „Твердость Камне вѣры отъ проображенія креста Христова въ ветхонъ заветъ“ прообразовъ оказывается болѣе 30-ти. Между прочимъ, здѣсь читаемъ: „креста проображеніе блху два полѣнца, яже жена вдовица въ Сирептѣ Сидонской собираше, еже спещи малъ оупѣнокъ" (8). Побѣдные возгласы, которыми заключаются почти всѣ крупныя и мелкія части „Камня вѣры“, часто выражены неумѣренно. Иногда они занимаютъ пѣныя листы и страницы. Патетическія изліянія облечены у Стефана въ

(5) Камнь вѣры I, 34.

(6) Тамъ же I, 235—6.

(7) I, 20—21.

(8) I, 223.

самую витиеватую форму, писаны самым торжественным стилемъ, съ схоластическими украшениями.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ, которые очень ловко высчитали противники м. Стефана, чтобы уронить въ глазахъ читателей и сочиненіе и автора, „Камень вѣры“ произвелъ въ свое время замѣчательное дѣйствіе въ Россіи и за границей, вызвалъ цѣлую полемическую бурю, потому что направленъ былъ не противъ горсти московскихъ еретиковъ, запуганныхъ судомъ, а противъ протестантской доктрины, лежащей въ основѣ ученія Тверитинова. Polemica эта важна въ томъ отношеніи, что вызвала на открытость два враждебныхъ западныхъ церковныхъ лагеря и выяснила ихъ корыстные взгляды на русскую церковь, которая, по выраженію г. Извѣкова, представлялась имъ лакомымъ кускомъ, и въ спорѣ изъ за которой они стали соперниками. Обыкновеннымъ приемомъ, употреблявшимся у католиковъ и протестантовъ въ видахъ привлеченія Россіи, было излагать свое и православное ученіе въ примирительномъ духѣ, доказывать, что эти ученія *facillime legitimeque uniantur* и, какъ бы а priori, чернить въ глазахъ русскаго духовенства и народа своихъ противниковъ, союзниковъ вліянія на Россію. Таковы, напр., были два протестантскихъ сочиненія, іенскаго профессора Буддея и профессора петербургской академіи Коля⁽¹⁾, написанныя еще до появленія „Камня вѣры“ какъ только пронесся слухъ о замыслахъ сорбонскихъ богослововъ касательно соединенія церквей. Сочиненіе м. Стефана, мѣтко направленное противъ всевозможныхъ попытокъ на этотъ же счетъ со стороны лютеранства, разоблачавшее „волковъ въ овчихъ кожахъ“, естественно, испугало послѣднихъ и поставило ихъ въ оборонительное положеніе. Нужно было, во чтобы то ни стало, отразить своевременно тяжелый ударъ и преж-

(1) Православ. обозр. 1876 г., II, 141.

де всего доказать, что онъ принадлежитъ не безпристрастному перу православнаго богослова (православная доктрина — де такъ близка къ лютеранству!) а раздражительному врагу лютеранства — католику, доказать, что м. Стефанъ Яворскій вовсе не охранитель русской церкви, а усердный защитникъ тѣхъ убѣжденій, которыя вынесъ онъ изъ коллегій братьевъ иезуитовъ. Такого рода трудъ, въ сущности поверхностный и голубоватый, овромѣтливо соскользнувшій съ богословско-полемической почвы на политически-партизанную, появился прежде всего въ Лейпцигскихъ Ученыхъ Актахъ (за май 1729 года), въ видѣ предварительнаго критическаго отзыва о сочиненіи м. Стефана. Вниманіе автора въ этомъ отзывѣ останавливается главнымъ образомъ на предисловіи „Камня вѣры“ гдѣ Стефанъ съ особенною рѣзкостью указываетъ на двуличность враговъ православія, напоминаетъ объ ихъ небреженіи къ догматамъ, принятымъ православною церковію, говорить, что хотя протестанты съ своею отрицаніемъ главою цѣлю имѣютъ римскую церковь, но стрѣлы ихъ достигаютъ и до насъ“, убѣждаетъ православныхъ избегатьъ общенія съ еретиками, опредѣляетъ признаки послѣднихъ и такъ далѣе. Насколько чувствительны были обличенія „Камня вѣры“, видно изъ раздражительнаго тона лейпцигской рецензій, изъ ругани, какою осмѣяетъ она м. Стефана, забывая протестантское спокойствіе и безпристрастіе. Не довольствуясь одною личностью сочинителя „Камня вѣры“, рецензентъ обвиняетъ въ несостоятельности и его нападкѣ, Теофилакта Лопатинскаго. Центръ тяжести разсматриваемаго отзыва — въ обвиненіи м. Стефана въ томъ, что онъ совершенно окатоличился, дѣйствуетъ въ интересахъ папы и ищетъ подъ вліяніемъ римскихъ богослововъ. Въ концѣ рецензій находится предупрежденіе, чтобы читатели не повѣрили на слово автору „Камня вѣры“, и увѣдомленіе, что въ непродолжительномъ времени на сочиненіе будетъ написана основательная критика. Она, действительно,

не замедлила явиться, подписанная именемъ Буддея и подъ заглавіемъ „Epistola apologetica pro ecclesia luterana contra calumnias et obtreactiones Steph. Iaworskii, В—е М. М., ad amicum Mosquae de gentem, scripta a I. Fr. Buddeo theologiae D. Ienae. 1729 an.“ Смысль и цѣль этого сочиненія тѣ же, что и у вышеупомянутаго отзыва, только оно пообширило, поосновательнѣе и похладнокровнѣе его, хотя опять-таки далеко несильно для того, чтобы разбить „Камень вѣры“ потому что не идетъ дальше разсмотрѣнія и опроверженія „предисловія къ читателю“ и „предувѣщенія православнымъ христіаномъ“ которыя Стефанъ помѣстилъ на первыхъ листахъ своей книги, и представляетъ такъ обр. по отношенію къ сочиненію м. Стефана логическимъ уклоненіемъ (*επεροσείτησις*): то, что требовало въ „Камнѣ вѣры“ опроверженій и возраженій со стороны Буддея, обойдено въ его критикѣ. Правда, слѣдуя историческому методу въ разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ Буддей научнѣе отнесся къ „Камню вѣры“, чѣмъ лейпцигская рецензія, но м. Стефанъ, какъ знатокъ дѣла, за которое взялся, изучилъ позицію непріятеля раньше, чѣмъ тотъ ее заявля, и безопасилъ себя отъ нападеній. Въ подтвержденіе своихъ положеній Буддей ссылается на различныя мѣста св. писанія, не обращая вниманія на слова „Камня вѣры“, что „писанія божественная однимъ могутъ служить камнемъ созиданія и утвержденія, а другимъ камнемъ преткнанія и соблазна и погибели“,—въ зависимости отъ того, какъ и на какомъ основаніи ихъ понимаютъ. „Разсмотри, говоритъ м. Стефанъ и узриши истину. Словеса сія Христова: не входящее въ уста сквернитъ человека, но исходящее изъ устъ, тому (Лютеру) ближе камень преткнанія и соблазна, на немъ же преткнувша, отмѣняетъ отъ церкви святыя посты. Словеса Божія сія: не сотвориши себѣ кумира, ниже всякаго подобія, тому бяху камень преткнанія, того ради отмѣняетъ отъ церкви святыя иконы. Словеса сія Христова: гореваша яко зиждете гробы пророкъ, тому быша камень

преткнанія, того ради отмѣняетъ отъ мощей святыхъ честь. Словеса сія Христова: *разористе зиноуды Божию за преданіе ваше*, тому быша камень преткнанія, того ради отмѣняетъ преданіе“ и т. д. (*). Эти многія строки довольно мѣтко характеризуютъ протестантскую доктрину вообще и, въ частности, апологию Буддея. Не смотря на то, что приведенные тексты и другіе, имъ подобныя, на извѣстныхъ основаніяхъ православная церковь понимаетъ въ извѣстномъ смыслѣ, противномъ лютеровскому отрицанію иконъ, мощей и т. д., протестантскіе богословы не перестаютъ ссылаться на нихъ, навязывая православнымъ и католикамъ какое-то грубое пониманіе ихъ. Если бы Буддей не игнорировалъ содержаніе первыхъ листовъ „Камня вѣры“, гдѣ отчетливо разграничены понятія иконопочитанія и идолопоклонства, онъ не далъ бы мѣста въ своей апології слѣд. строкамъ: „Лютеръ не отвергалъ того почтенія (*δουλείαν*), которое принадлежитъ І. Христу, святымъ и ликамъ (ангельскимъ), но утверждалъ, что поклоненіе (*λατρεία*), понимаемое въ смыслѣ обоготворенія и соединенное съ жертвами, принадлежитъ только Богу. Въ этомъ смыслѣ разсуждаетъ обиконахъ само Православное Исповѣданіе, разсмотрѣнное и утвержденное восточными патриархами. Самъ Богъ запретилъ боготворить всякія изображенія, скульптурныя и живописныя (Исх. 20, 4). Изъ выраженій этого текста слѣдуетъ заключить, что иконопоклоненіе, понимаемое въ смыслѣ чествованія вещей, противно Богу. Иконы, которымъ воздается какое либо религиозное почтеніе (*cultus*), справедливо называются идолами, о которыхъ говоритъ вторая заповѣдь десятисловія. Поэтому мы, протестанты, чествуемъ І. Христа, Богородицу и св. угодниковъ, но не воздаемъ, въ избѣжаніе идолослуженія, поклоненія ихъ иконамъ“. Далѣе слѣдуютъ указанія на практику первенствующую

(*) Предислов. къ чет. стр. 18—19

шей церкви, ссылки на историков, которые никак не равносильны противоположным доводам „Камня вѣры“. Спрашивается: зачѣмъ и противъ кого ратовалъ Буддей? Ни православные, ни католики не боготворятъ иконъ, да исключеніемъ не вѣждь, въ родѣ вашихъ раскольниковъ, да и то не всѣхъ. „Камень вѣры“ имѣлъ право сказать Буддею, что если протестанты не чествуютъ иконъ въ избѣжаніе злоупотребленій, то они, оставаясь последовательными, должны отказаться отъ употребленія огня, воды, отъ всего, что полезно человѣку и чѣмъ онъ, въ тоже время, можетъ злоупотреблять.—Такова же аргументація Буддей и въ вопросѣ о постахъ. Вообще, Буддей оказывается правъ только въ тѣхъ пунктахъ своей анологіи, которыхъ „Камень вѣры“ не оспаривалъ, потому что они не противорѣчили его собственному взгляду на дѣло. „Многія мѣста нов. завѣта свидѣтельствуютъ, что постъ есть произвольный подвигъ человѣка“, говорятъ, напр., Буддей и Лигуель: Гал. 5, 23; Рим. 13, 14; Тит. 2, 12. М. Стефанъ, опредѣляя постъ, пишетъ: „Постъ въ обществѣ есть хотѣніа самопроизвольное удержаніе отъ желаемыхъ страсти, Глаголется же самопроизвольное удержаніе, ибо удержатися отъ желаемого по нуждѣ, сирѣчь или за скудость, или за немощь, или за тиселавіе, сирѣчь удержаніе не имать силы, посту падлеканія, и есть бо отъ благаго произволенія, но отъ нужды“. Обязательную заповѣдь о постѣ м. Стефанъ видитъ (опускаемъ его ссылки на в. завѣтъ) въ слѣд. текетахъ: Мѣ. 6, 16; 9, 14; Мар. 2, 18; Лук. 5, 35; Мѣ. 13, 21; Мар. 9, 29; Рим. 13, 13 и 14, Кор. 7, 5; 2 Кор. 6, 4; 11, 27; Сол. 5, 6; Петр. 5, 8 и др. Логическое соединеніе этихъ мѣстъ св. писанія при помощи контекста и параллелизма, даетъ слѣдующее правдо: *Существовать намъ диаволъ, яко левъ рылаа жодинъ, искій кого поглотиши* (Петр. 5, 8); *бисовскій родъ ничимъ же можетъ изымти токмо молитвою и постомъ* (Мѣ. 17, 21; Мѣр. 9, 29); *тѣмъже, возлюбленіи, приязаше чрезъ поминанія влшего, тре-*

звѣщаа (Петр. 1, 13); *умертвите уди ваща на землѣ* (Колос. 3, 5). (да) *видите узкими прати на животои оубоай* Лук. 13, 24; Мѣ. 7, 13); *егда же поститесь, не будите якоже лицемери стѣнюще...* (Мѣ. 6, 16). Противъ мысли, что ни апостола, ни первенствующіе христіане не имѣли опредѣленныхъ правилъ для поста, м. Стефанъ говоритъ еще: „Христеъ Спасъ нашъ, постился четыредесать дней и четыредесать постои (Мѣ. 4, 2); *Иоаннъ изиме ризу свою отъ главои верблуджѣ и полагъ усмень на чреслахъ своихъ, стѣдъ же его бы пружіи и медъ дивой* (Мѣ. 3, 4). Служащамъ же имъ (апостоламъ) *Господени и постишамси рече Духъ св: отделилите ми Вартаву и Савла на дѣло, ни неже призвалъ ихъ. Тогда постишесь и помолитесь и облжете руки на нл, отпустиши ихъ* (Дѣян. 13, 2). *Рукоположите же имъ пресвитери на вся церкви и умолятся съ постомъ, предаши ихъ Господени* (14, 23). Т. е. для м. Стефана важно было доказать не то, были ли опредѣленныя правила для постовъ въ первенствующей церкви, а то—считался ли тогда постъ такимъ же важнымъ подвигомъ, какимъ его признаетъ православная церковь, были ли тогда прамѣры поста и заслуживаютъ ли они подражанія со стороны христіанъ. Приведенные Буддей цитаты не разрѣшаютъ сущности дѣла и менѣе всего противорѣчатъ православному ученію о постахъ. Наконецъ, Стефанъ напомнилъ протестантамъ, что церковь въ правѣ устанавливать законы о постахъ, и на основаніи словъ Спасителя (Мѣ. 18, 15 и дал.); аналогично вѣла езуциковъ (*). Съ одной стороны, для православныхъ читателей авторъ „Камня вѣры“ раскрывалъ истину, положительно и догматически, а съ другой—указывалъ въ протестантахъ двучинныхъ интригановъ, смотря по обстоятельствомъ принимающихъ на себя ту или другую физионо-

(*) Камень вѣры III, 230.

мию. Развивая мысль, что протестантизм стоит в ближайшей родственной связи с православием, Буддей говорил, что образованная Лютеромъ церковь признает и содержит во всей чистотѣ евангельское ученіе, принимаетъ свидѣтельства отъ въ первыхъ трехъ вѣковъ, руководствуется никео-цареградскимъ символомъ и опредѣленіями первыхъ вселенскихъ соборовъ. Какъ бы предвидя такую соблазнительную для простодушныхъ уловку, Стефанъ пишетъ: „На соборѣ святомъ первомъ вселенскомъ, иже въ Никей, отцы богоноснѣи вспоминаютъ постъ св. сорокадневный и въ правилѣ пятомъ сиде глаголютъ... дважды въ дѣтъ кождо облети собору быти: первое убо прежде сорокадневныхъ дней св. и вел. поста, второе же по времени овощвѣтъ... Здѣ прилежно разсуди, яко отцы ови вселенскаго собора вспоминаютъ токмо постъ великій, а не уставлютъ, яко прежде собора уставленъ бысть“⁽¹⁾. Непослѣдовательность протестантизма разоблачалась у Стефана настойчиво. Проводя строгое сравненіе „Камня вѣры“ съ критикой на него, можно найти множество странныхъ несообразностей. Невѣрность Буддей самому себѣ обуславливалась обстоятельствами написанія его апологетическаго письма, задачей котораго было заискивать передъ русскою церковію и, въ тоже время, полемизировать противъ чисто православнаго сочиненія, обсуждавшаго именно тѣ пункты, въ которыхъ погрѣшаетъ протестантизмъ. Буддей по неволѣ ограничился въ своемъ письмѣ разборомъ „предисловія“ и „предувѣдомленія“; если бы онъ коснулся „Камня вѣры“ въ его главныхъ частяхъ, путаницѣ и противорѣчіямъ не было бы конца. „Предисловіе“ и „предувѣдомленіе“ раскритиковать было не тяжело съ той точки зрѣнія, на какую сталъ Буддей: дѣйствительно, недружелюбныя чувства м. Стефана къ протестантамъ выражены у него слишкомъ

(1) Тамъ же, III, 240.

рѣзко. Но и здѣсь Буддей оказывается неправъ, потому что неправильно объясняетъ причину гнѣва русскаго архиепископа; а такъ какъ онъ сдѣлалъ это неизменно, то и съ нравственной стороны его репутація обрисовывается невыгодно въ глазахъ исторіи. Пастырской ревности м. Стефана нужно отдать справедливость, и въ ней прежде всего слѣдуетъ искать объясненій его неприязни къ протестантамъ, присоединивъ сюда и личное раздраженіе его противъ шайки Тверитинова, борьба съ которой навлекла на него гнѣвъ государя; наконецъ, несдержанность въ обращеніи съ литературными противниками становится еще понятнѣе при томъ соображеніи, что „Камень вѣры“ писанъ въ ту пору, когда нѣсколько въ богословско-полемиическихъ, но и въ историческихъ произведеніяхъ сильно выступала вѣроисповѣданная рознь. Самъ Буддей при всемъ своемъ похвальномъ желаніи отнестись къ дѣлу хладнокровнѣе, чтобы тѣмъ дать, такъ сказать урокъ м. Стефану, не опускаетъ случая колнуть, обвинить, а при возможности и очернить, если не прямо м. Стефана, то католичество, къ которому онъ будто бы сдѣло былъ приверженъ. — Рассмотрѣнное апологетическое письмо протестанты приписывали Буддею; о томъ, что Буддей работаетъ надъ составленіемъ критики „Камня вѣры“ было повѣщено въ Лейпцигскихъ Актахъ заранее, а потомъ, когда книга явилась, въ нихъ снова помѣщена была ея рекомендація. Не смотря на все это, такъ какъ Буддей умеръ 19 ноября 1729 г., т. е. чрезъ полгода послѣ перваго извѣстія о его трудѣ, а по заявленію Ѳ. Лопатинскаго — до изданія его; такъ какъ въ литературныхъ приемахъ апологетическаго письма и сочиненій Ѳ. Прокоповича нашли сходство⁽¹⁾; такъ какъ, далѣе, Ѳеофанъ былъ соперникомъ и личнымъ врагомъ автора „Камня вѣры“ и отъ него можно было ожидать противодѣйствія ему, — то приверженцы м. Сте-

(1) Пр. Обзоръ, 1876 г. II, 163; примѣч.

фана, русскіе епископы, съ Ѳ. Лопатинскимъ во главѣ, рѣшительно приписывали апологію протестантизма „новгородскому епископу“, говорили, что она печатана въ Ревель и сильно возмущались противъ Прокоповича. Католиковъ же особенно смущало содержаніе апологетическаго письма, искавшее примиренія русской церкви съ протестантскою въ ущербъ ихъ расчетамъ. Популярность произведенія Буддея, какую оно сразу приобрѣло между сторонниками лютеранской партіи, заставила ее оппонентовъ отписываться, и вотъ, въ 1731 г. является „Responsum antapologeticum ecclesiae catholicae contra calumniosas blasphemias I. F. Buddei nomine evulgatas in orthodoxos Latinos et Graecos, quo Petrae fidei, a St. Iaworskio ad evertendum Lutheri jactae, repetitur ictus. Datum ad omnes fideles et serenissiman, altissiman et potentissiman Dominam An. Ioannown. (Wienne 1732 an.)“. Отвѣтъ этотъ — дѣло рукъ доминиканца Рибейры, секретаря при испанскомъ посольствѣ въ Москвѣ. Какъ видимъ изъ посвященія, онъ рассчитывалъ на благоклонное вниманіе „всѣхъ вѣрныхъ“ и даже самой императрицы. Прежде всего „Responsum“ получилъ извѣстность между знакомыми Рибейры, а потомъ между другими приверженцами его автора. Его одобрили, но отпечатать на русскомъ языкѣ не могли: бдительный Ѳ. Прокоповичъ, со смертію Петра В. исключительно отдавшійся интригамъ, разжѣнявши, по выраженію г. Чистовича, свой талантъ на мелкую монету, сумѣлъ помѣшать его изданію и сократить католическую партію до того, что она только украдкой писала свои апологіи противъ враговъ и то безъ успѣха: Ѳеофанъ, при помощи тайной канцелярии, не давалъ имъ ходу (*). Такая судьба, между прочимъ, постигла и „Апокризисъ, или отвѣтъ на написаніе отвѣтное Фр. Буддея къ нѣкому другу, въ Москвѣ живущему, о лютеранской ереси, на книгу

(*) Подробности въ статьѣ Извѣкова, Пр. Обзоръ. 1876 г. 156 а дал.

Камень вѣры“ (Ѳ. Лопатинскаго), который такъ и затерялся въ бурномъ ли круговоротѣ послѣ-петровской эпохи, или еще позже. А на сочиненіе м. Стефана безирепабельно все свалилось порціаніа изъ протестантскаго лагеря. Почти одновременно съ отвѣтомъ Рибейры изъ Тюбингентъ напечатано было сокращеніе „Камня вѣры“: „St. Iaworskii genius, ex ejus opere posthumo theosophico „Petrae fidei“ dicto in epistola familiariter revelatus“ — анонимный трудъ Ибловскаго, брата президента берлинской академіи наукъ, который былъ хорошо знакомъ съ Ѳ. Прокоповичемъ. Мало-сдержанное раздраженіе, нередко грубая брань на покойнаго митрополита, обвиненія его въ латинствахъ, наконецъ, утѣренія, что отъ протестантизма до православія рукой подать — вотъ характерныя черты полемики противъ „Камня вѣры“. Между тѣмъ „Камень вѣры“ оставался камнемъ преткновія для протестантовъ; только нѣкоторыя части его, неимѣющія научнаго достоинства, пострадали отъ нападеній враговъ. Послѣ „предисловія“ и „предувѣдомленія“ обращено было вниманіе на послѣднюю главу сочиненія м. Стефана — о названіи еретиковъ, гдѣ гнѣвъ автора обрушился на „противниковъ“ своихъ (*). Эту главу изъ „Камня вѣры“ перевелъ на латинскій языкъ академикъ Бюффингеръ и послалъ ее лютеранскому богослову Л. Мосгейму, а Мосгеймъ написалъ на нее опроверженіе подъ заглавіемъ „De roenis haereticorum, cum St. Iaworcio disputatio“. Голѣ отъступающимъ финаломъ раздражительной полемики служатъ: „Молотокъ на Камень вѣры“ (анонимное сочиненіе) и „Возраженіе на Молотокъ“ Арсенія Машева ица (**). Въ этихъ произведеніяхъ затронута уже и

(*) М. Стефанъ сознавалъ свою рѣзкость въ сужденіяхъ о протестантахъ, и Петръ В. заставлялъ ему о ней. Въ пискѣ къ Антонию Странскому Стефанъ просилъ вычеркнуть излишніе рѣзкости въ „Камнѣ вѣры“. Тр. Св. Д. Акад. 1866 г. Актъ. Въ издѣлшху изданіи послѣдняя глава „Камня вѣры“ не печатана.

(**) Повѣщеніе этого сочиненія г. Петковъ относитъ къ 50-мъ гг. 18 ст. (См. „Историческія извѣстія о Московскомъ синодѣ“ т. II, стр. 13).

жизнь м. Стефана чуть не съ пеленокъ, при чемъ, съ одной стороны (въ первомъ сочиненіи) оказывалось, что Стефанъ, зараженный папезскими идеями, проводилъ ихъ постоянно въ Россіи—и въ академическихъ лекціяхъ, и въ проповѣдяхъ, и въ административной дѣятельности, и въ литературѣ, что онъ плохо управлялъ вѣрною ему папскою, былъ свескорыстенъ и т. д., а съ другой (во второмъ сочиненіи)—онъ рисовался, какъ безукоризненный во всѣхъ отношеніяхъ архипастырь; первое изъ названныхъ сочиненій такъ обр., представляется пасквиломъ на м. Стефана, а второе—панегирикомъ ему. „Камень вѣры“ оставленъ, собственно говоря, въ сторонѣ. По крайней мѣрѣ, отъ нихъ ему не было ни ущерба, ни прибыли.

Движеніе новѣйшей исторіи, говорятъ, образуется взаимодействіемъ двухъ началъ,—начала авторитета и начала свободы. Въ религіозной области на западѣ представителемъ перваго начала является католицизмъ, представителемъ втораго — протестантизмъ. Развитие русской исторіи подъ вліяніемъ принципа свободы началось съ Петра В., когда открытъ былъ государемъ доступъ иностранцамъ въ Россію, а для русскихъ стало обязательнымъ бывать за границей для образованія. Петръ не долго выбиралъ между католицизмомъ и протестантизмомъ, когда задумалъ устроить жизнь Россіи по образцу европейскихъ государствъ. Католицизмъ не имѣлъ кредита въ глазахъ царя преобразователя; даже киевскіе ученые, сохранившіе симпатію къ схоластическому образованію, не пользовались у него особенною милостію, потому что не сочувствовали его стремленіямъ въ преобразованіи церковнаго управленія и не задумывались обличать крайности въ его реформахъ вообще. Властолюбивыя попытки папы по отношенію къ русской церкви, такимъ обр., въ началѣ 18 ст. кажутся неблаговременными болѣе, чѣмъ когда либо. Поэтому ихъ немного и было, въ литературѣ разсматриваемаго періода не богата антикатолическими произведеніями. Пользуясь

личнымъ пріеѣздомъ Петра В. въ Парижъ (въ 1717 г.), сорбоннскіе богословы предложили ему вопросъ о соединеніи римской и русской церкви, причемъ рассчитывали, конечно, на содѣйствіе всемогущаго монарха. Внушительный отвѣтъ государя, что онъ солдать и въ богословіе не мѣшается, несомнѣнно смутилъ ихъ. Они испросили у Петра позволеніе начать переговоры съ русскими епископами и написали къ нему посланіе. Отъ имени послѣднихъ составленъ былъ отвѣтъ въ двухъ редакціяхъ. Одна изъ нихъ принадлежала Ф. Прокоповичу, другая Стефану Яворскому. Отслана была по назначенію первая, потому что она болѣе отвѣчала настрѣнію Петра относительно русскаго патриаршатаго престола, въ то время еще не выяснившемуся. Сущность отвѣта м. Стефана заключается въ слѣдующихъ его словахъ: „Аще бы мы и хотѣли сему злу (раздѣленію церкви) коимъ либо образомъ заблуждѣнію возбранять вамъ канонъ апостольскій, который епископу безъ своего старѣйшины ничтоже, а наипаче въ столь великомъ дѣлѣ церковномъ, творити попускаетъ, престоль же святѣйшаго патриаршества русскаго прызденъ и вдовѣствующій быти мнѣмъ, яко извѣство есть иностраннымъ, и сего ради епископомъ безъ своего патриарха хотѣти что либо замѣнати то же было бы, акибы членамъ безъ своея главы, хотѣти двинутися... Сей есть предѣлъ крайній, который въ настоящемъ дѣлѣ не попускаетъ намъ болши что либо глаголати или творити“ (*). Петръ не думалъ замѣнать патриаршій престоль. Прокоповичъ, какъ и всегда, угадалъ его мысль, или она была ему открыта. Онъ мотивировалъ отказъ русской церкви касательно ея соединенія съ римскою иначе. „Россійская церковь, писалъ онъ не одна православную церковь составляетъ; православія держатся и иные варяги многіе“. Необходимо ихъ согласіе, иначе съ ними придетъ

(*). Тр. Киев. дух. Акца. 1864 г. II, 169.

ся соориться, а это немаловажно. Это послание и было отправлено в Сорбонну 15 июля 1718 г. (*). Собственно антикатолических произведений петровской эпохи известно два: «Отречение и опровержение римско-католических догматов» (†) — Паллади Роговского (игумена москов. Заиконоспасского монастыря), написанное при отречении Палладия от католицизма, который обязательно являлся в то время тем, кто хотел получить образование в иезуитских коллегиях. Свое сочинение Роговский подал патриарху Адриану, чтобы он разрешил ему поступить на службу русской церкви и государству. Другое сочинение — «Восписание на книгу пажескую» — принадлежало Стефану Прибылову и написано было по случаю появления книжки (какого-то учебника) под заглавием: «Вопросы, разрешенные ответами св. отец», где оправдывались католические догматы хитро подобранными местами из святоотеческих творений. Стефанъ, на основании того же источника, с прибавлением свидетельств из св. писания, опроверг католического богослова и обвинил его в подлогах (‡).

5) Сочинения против раскола. Самую трудную и рѣшительную борьбу русская церковь должна была вынести с расколом, который ко времени Петра В. сформировался и окреп на столько, что стал уже угрожать авторитету церковному и государственному, приняв, по выражению Щанова, реди южно-национально-демократической характер и завоевав себе право гражданского существования. Преобразование Петра, менее всего согласовавшийся с симпатиями старообрядцев и непонятный для народа, давал обильную пищу проповеди расколотучи-

(*) Там же, стр. 170.

(†) Отпечат. в 18 ч. Древней рос. Иконописки.

(‡) Словарь и. Евгения, II, 262. «Восписание» не издано в печати, хранится в Петерб. академии.

лей, настойчиво доказывавших, что церковь, православная на Руси стала мерзостью запустынная, что древнее благочестие скрылось в скитах старообрядцев, что на престолах русских вопарились антихристы — антихристы, это Москва — Вавилон и т. д. Противораскольническая литература рассматриваемого в. емени сохранила в себе все, что было характерного в отношениях тогдашних представителей церкви, а частью и государства, к раскольникам. В зависимости от того, какое образование имели эти представители, какое общественное положение занимали они, какими полномочиями были облечены, насколько были знакомы с раскольниками, как смотрели на них — выявлялись их приемы в литературной борьбе с старообразцами. М. Стефанъ, въ качествѣ дѣятеля противъ раскола, не похожъ на Питирима нижегородскаго. Ф. Прокоповичъ не похожъ на нихъ обоихъ. По характеру противораскольническихъ обвиненій къ Стефану Яворскому близокъ Теофилактъ Лопатинскій; Питиримъ имѣлъ подражателя въ своемъ ученіи, церковнахъ Неофитъ; близокъ къ нему и крестьянинъ Пососкозь.

Памятникомъ противораскольнической дѣятельности м. Стефана осталось между прочимъ его сочиненіе: «Знаменія прішествія антихристова и кончины вѣка», носящее на себѣ отчетливые слѣды систематическаго образованія автора и малаго знакомства его съ тѣми людьми, для которыхъ онъ писалъ. Сочиненіе имѣетъ приличное предисловіе, установленію тому и правильно расположенныя части въ изложеніи главнаго предмета; оно свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ его зналъ латинскій и греческій языки, былъ начитанъ въ богословской области, и — о томъ, что изъ раскольнической литературы онъ, кромѣ тетрадокъ Талицкаго (*), ничего не читалъ, хотя въ ней вопросъ объ антихристѣ былъ однимъ изъ видныхъ

(*) Знаменія прішествія антихриста, ч. 22, 1800.

съ давнихъ поръ. „Знаменія пришествія антихри-
стова и кончина вѣка“ Стефанъ написалъ вскорѣ
по вступленіи въ званіе блюстителя патриаршаго
престола (первое изданіе сочиненія относится къ
1703 г.), въ то время, когда у него было множество
дѣла и безъ раскольниковъ; онъ знакомился съ епар-
хией, съ патриаршими дѣлами, судить еретиковъ, пи-
салъ проповѣди, хлопоталъ о школахъ. При всемъ томъ,
онъ не могъ и не хотѣлъ молчать, когда ему донесли,
что въ Москвѣ появился цѣлая шайка дерзкихъ бун-
товщиковъ, устно и письменно возмущавшая народъ
мыслію, что Петръ В. — антихристъ, а его помощни-
ки — слуги діавола, увлекающаго православныхъ на
путь погибели. Истребивъ шайку при помощи граж-
данской власти, Стефанъ хотѣлъ истребить и посяби-
ные ея плевецы, хотѣлъ путемъ убѣжденія успокоить
взволнованные умы и возвратитъ къ обычнымъ занятіямъ
тѣхъ, которые бѣжали изъ городовъ и селъ въ дѣся,
въ скиты и пустыни, чтобы тамъ умереть въ готовыхъ
гробахъ не давая въ руки слугамъ антихристовымъ.
Не ограничиваясь проповѣдью, Стефанъ рѣшился писать
сочиненіе, хотя довелось писать его спѣшно, безъ подго-
товки, лишь при помощи латинскаго сочиненія Мальвеп-
ди „Antichristus“. Понятно, что произведеніе вышло да-
леко не такое, какого требовали обстоятельства и цѣль
его написанія. Содержаніе его, кромѣ приступа, указы-
вающего на трудность подлежащаго рѣшенію вопроса,
составляетъ разсмотрѣніе признаковъ пришествія анти-
христова, указанныхъ въ св. писаніи. М. Стефанъ дѣлитъ
ихъ на три категоріи, на предваряющіе, совокупные и
послѣдствующіе. Излагая православное ученіе объ ан-
тихристѣ и его пришествіи, сочиненіе опровергаетъ
всѣхъ за тѣхъ неправильныя мнѣнія раскольниковъ
по данному вопросу, заключа въ себѣ, такъ обр., двѣ
стороны — положительную-догматическую и отрицатель-
но-полемиическую. Последняя у Стефана очень слаба
и мало содержательна. Обыкновенный пріемъ его та-
ковъ: онъ ставитъ вопросъ и, не разбирая обстоятель-

но всѣхъ недоразумѣній, связанныхъ съ нимъ, прямо
говоритъ: „отвѣщаю“, и кратко, въ докторальной то-
нѣ пишетъ свой отвѣтъ, покрѣпляетъ его относитель-
но немногими цитатами изъ св. писанія и отеческихъ
твореній. Скрупулезныхъ въ сущности, но серьезныхъ
въ глазахъ раскольниковъ, возраженій и доводовъ Сте-
фанъ или не зналъ, или игнорировалъ ихъ нацѣрен-
но. Лучшими мѣстами его сочиненія можно назвать
тѣ, въ которыхъ авторъ былъ внимательнѣе, снисхо-
дительно къ невѣжеству своихъ противниковъ. Въ
началѣ книги напр. о седмицахъ даниловыхъ (*), или
„о первомъ знаменіи, пришествіи антихристово пред-
варяющемъ, еже есть разореніе и кончина монарше-
ства римскаго“ (**), говорится довольно много; глава
8-я „о имени антихристовѣ и о начертаніи его“ от-
личается особенно подробными каббалистическими (по
выраженію Фокеродта) изысканіями и въ свое время
навлекла даже ирекванія на м. Стефана: его обвиня-
ли въ мелочности, въ любви къ пустому словопренію (*),
хотя это обвиненіе въ настоящемъ случаѣ нельзя на-
звать заслуженнымъ, воображая, что Стефанъ полемизи-
ровалъ съ раскольниками петровской эпохи. Для
нихъ не неумѣстны были даже такіа разсужденія, ка-
кими занимается м. Стефанъ по вопросу о рожденіи
антихриста (*), приводя тутъ различныя, совсѣмъ не-
солидныя мнѣнія и выбирая изъ нихъ „истиннѣйшее“.

(*) Тамъ же, л. 9 изоб. и др.

(**) Тамъ же л. 27 и др.

(*) Известныя по своимъ запискамъ о Россіи при Петрѣ В. Фо-
керодтъ (секретарь прусскаго посольства при русскомъ дворѣ) далъ та-
кой отзывъ о сочиненіи Стефана, м. Стефанъ написалъ противъ Таланд-
скаго сочиненіе до того плохое, что оно могло бы служить посмѣшкой
для всей Европы. Одно изъ свидѣній гласитъ, что Стефанъ, почему
Петръ не антихристъ, выводило изъ того, что антихристово число 666
никакой набалой нельзя было составить изъ имени Петра. Чт. въ обще-
ствѣ ист. и древ. рос. 1873 г. II. «Материалы иностранцевъ», стр. 10.
Записка Фокеродта отпечатана въ «Рус. Архивѣ» за 1872 г.

(*) Листъ 14 и др.

Если истиннѣйшее мнѣніе и не всегда имѣло подлѣ собою твердую почву, все же оно было лучше и основательнѣе раскольническихъ. Вопросъ объ имени антихриста интересовалъ Стефана настолько, на сколько имъ занимались раскольники; его задачи состояла въ томъ, чтобы показать наконечнымъ разногласіемъ даже между просвѣщенными богословами въ пониманіи темнаго апокалипсическаго мѣста, упоминающаго о числѣ звѣривомъ, и привести читателей къ сознанію что досужее любованіе на этотъ счетъ не можетъ дать никакого дѣльнаго результата (*). Въ разсматриваемомъ сочиненіи постоянно имѣется въ виду развѣтвленная цѣль: разоблачить несостоятельное убѣжденіе раскольниковъ, будто антихристъ уже пришолъ и царствуетъ въ лицѣ Петра; всѣ доказательства автора сводятся къ той мысли, что признаки наступившаго пришествія антихристова, указанныхъ въ св. писаніи, нѣтъ, а если они и открываются лжеучителями, то совершенно неправильно, произвольно и злонамѣренно.—Высказанныя положенія свои, какъ мы замѣтили, Стефанъ обыкновенно основываетъ на св. писаніи и свято отеческихъ сочиненіяхъ. Въ св. писаніи онъ различаетъ два смысла—буквальный и таинственный (†). Склонность понимать библейскій текстъ преимущественно въ духовномъ смыслѣ не доходитъ у него до схоластическихъ крайностей. Сравнительная простота, естественность въ толкованіи слова Божія составляетъ одну изъ хорошихъ чертъ настоящаго произведенія. Таинственный смыслъ болѣею частью безъ натяжекъ привираивается въ немъ къ содержанию текста и удобно подразумѣвается въ послѣднемъ. Въ выдержкахъ изъ св. отцевъ онъ также не обнаруживаетъ схоластическаго стремленія произвольно подтасовывать цитаты, перетолковывать ихъ въ

(*) Листъ 66 изъ 6, и 67.

(†) Листъ 32 изъ 6, и дал.

свою пользу; выписывалъ ихъ часто сполна, онъ понимаетъ ихъ правильно (*). Историческихъ данныхъ у м. Стефана почти нѣтъ (†).—Какъ на важный недостатокъ сочиненія, кромѣ слабости его полемиической части, нужно указать еще на бранныя выраженія, перѣдко встрѣчающіяся въ немъ и относящіяся къ раскольникамъ, которые, конечно, могли только раздражаться ими (*). Во внѣшней обработкѣ, въ изложеніи, замѣчается схоластичность, но умеренная. Языкъ сочиненій свободенъ отъ иностранныхъ словъ и тяжелыхъ оборотовъ. Встрѣчающіяся по мѣстамъ образность рѣчи, нѣкоторая витиватость съ слога не вредятъ общедоступности сочиненія. Судя по тому, что трудъ Стефана неоднократно издавался печатно въ 18 ст. (*), можно заключать о его немаловажномъ значеніи для своего времени. Самъ авторъ усердно заботился о его распространеніи: рекомендовалъ его новгородскому м. Тону (**), а директору типографіи Поликарпову велѣлъ раздавать экземпляры его всѣмъ желющимъ безплатно (**). Но позволительно предполагать и то, что значеніе и популярность сочиненія Стефана мало простиралась на раскольническую среду: на первыхъ же порахъ раскольники отаѣвали Стефану сочиненіемъ, гдѣ проводилъ параллель между своимъ ученіемъ о Петрѣ—анти-

(*) У него встрѣчаются имена: Св. Анастасія, 1. Златоустоваго, 1. Дамаскина, Кирилла Іер., Григоріа Акакія, Амвросія, Григоріа, Кирилла Алек. Ниссидскаго и др.

(†) Имена Варлаама, Зенары, Вельскаго, Павлафора Малласкаго только перечислены (л. 22).

(*) Раскольники называютъ у Стефана колѣнами безсмысленными, рожденіемъ ехидновымъ, скорпіями вселѣтійскими (предисл. л. 5 изъ 6, и 9), скудоужными (38 л.), безжоглыми мужиками (66 изъ 6) и т. п.

(*) Словарь духов. писат. м. Евгенія, II, 255. У насъ издана въ 1819.

(†) Страницы 1861 г., II, 120. Въ Новгородѣ также издали тетради Галавцаго.

(**) Тр. К. Дух. Ак. 1864 г. I, 260.

христѣи признаками прішествія антихростова, изложенными у митрополита, нашли соответствіе и тѣмъ разумеется, нанесли чувствительный удар сочиненію Стефана, по крайней мѣрѣ въ глазахъ своихъ собратій (*).

Другимъ памятникомъ петровской противораскольнической литературы, памятникомъ, по характеру похожимъ на рассмотрѣнное сочиненіе м. Стефана, служитъ „Обличеніе неправды раскольнической“ Теофилакта Лопатинскаго. Это произведеніе также явилось изъ-подъ пера не специально приготовленнаго автора, также носитъ на себѣ печать обширнаго и систематическаго образованія послѣдняго, слѣды его основательнаго знанія греческаго языка, но, кромѣ того, оно свидѣтельствуетъ и о его знакомствѣ съ русскими сочиненіями, написанными раньше противъ раскола, хотя въ полемической части и оно не отличается тою опытностью, тою внимательностью къ возраженіямъ противниковъ, какія находимъ, напр. у Питирима нижегородскаго. — Когда раскольники на всѣ предложенія явиться въ Синодъ для открытыя ученыхъ составленій отвѣчали молчаливымъ отказомъ, Синодъ, по указу государя, для собесѣдованія съ ними на мѣстѣ ихъ жителства, отправилъ въ Поморье іеромонаха Неофита, а въ Стародубье іеромонаха Іосифа (Рѣшилова), снабдивъ ихъ подробной инструкціей (въ 17-ти пунктахъ), гдѣ давались наставленія, какъ обращаться съ раскольниками и куда сообщать о результатахъ миссіи (**). Но раскольники опять не хотѣли устно состязаться съ православными на ученой почвѣ. Прибывшій по назначенію Неофитъ послалъ къ выговцамъ 106 вопросовъ и ждалъ отъ нихъ отвѣта, сообразно своему требованію, черезъ мѣсяць. Отвѣты были, сверхъ ожиданія миссіонера, очень обширны и неудовлетворительны, хотя надъ ними трудились не мѣсяць, а семь мѣся-

(*) Хр. чт. 1863 г. III, 220 и дал.

(**) Тр. К. Д. Ак. 1860 г. III, 212—49.

цевъ. Въ нихъ собрано было все, чѣмъ богаты были раскольники со времени Никова и что давно уже было опровергнуто православными учителями. Въ устныхъ бесѣдахъ съ Неофитомъ раскольники упорно держались своего и постоянно ссылались на свои отвѣты. Неофитъ понялъ, что нужно писать почтенныхъ размѣровъ книгу для новаго опроверженія раскольническаго кодекса, о чемъ просили въ предисловіи и сами составители его. Поэтому онъ, записавъ кратко свои диспуцы, возвратился въ Синодъ. Трудъ письменнаго опроверженія поморскихъ отвѣтовъ выпалъ на долю преев. Теофилакта Лопатинскаго, который и составилъ названное выше сочиненіе. Исключительное вниманіе авторъ обратилъ въ немъ на 50-й отвѣтъ раскольниковъ, гдѣ подъ нѣсколькими рубриками исчислены были всѣ мнимыя новизны и ереси русской церкви, ради которыхъ раскольники оставили ее. Рассмотрѣнію этихъ пунктовъ и посвящена вся книга (изъ 10 главъ), а относительно прочихъ отвѣтовъ авторъ въ послѣдней главѣ замѣтилъ, что они „безъ всякаго обличенія сами себе показываютъ быти неправыми: иныя бо ложными доводами утверждаются, иныя суетными многословіемъ и приборными рѣчами покрываютъ силу вопросовъ (Неофита), иныя мимо вопросовъ колобродятъ... На это у Теофилакта находимъ и доказательства (*). Главная мысль, проникающая все сочиненіе Теофилакта, та, что „ни одна изъ статей (разногласія между православіемъ и расколомъ), ни велико, довольно суть къ раздору церковному; но суть бо сія догматы апостольскія и православныя вѣры, по вѣршвіе чины и обряды церковнаго моленія, не отъ Христа преданныя, не отъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ установленныя, но отъ пастырей потомъ благоглѣпія ради и вѣршаго единогласнаго вѣрныхъ знаменія, введенныя, иныя же и невѣдомо откуда вве-

(*) Обличеніе неправды раск., гл. 10 заглав. 49 и д.

бошася и долговременнымъ обычаемъ утвердившася^(*) (1) Эту мысль авторъ постоянно имѣеть въ виду и развиваетъ ее во всѣхъ частяхъ книги, доказывая, что если и есть въ исторіи основанія для какого либо обряда церковнаго, то они на сторонѣ православія, а не раскола.—Взявъ первый чинъ раскольническаго суетвѣрія, воеже бы въ знаменіи крестномъ слагати два персты среднія, а палець — съ двумя послѣдними², Теофилактъ шагъ за шагомъ опровергаетъ его 1) на основаніи св. писанія („еложеніе перетовъ раскольническое ни отъ Христа предано, ни отъ апостоловъ проповѣдано“), 2) на основаніи соображенія, что иконописаніе, которому даютъ большое значеніе раскольники, не можетъ стоять на ряду съ авторитетомъ св. писанія, 3) на основаніи разногласія по данному предмету въ средѣ самыхъ раскольниковъ, 4) на основаніи сочиненій свв. отцовъ и учителей церкви, 5) — соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, 6) на основаніи перетоложенія у мощей святыхъ. Въ такомъ родѣ написаны всѣ главы „Обличенія неправды раскольнической“, главы обширныя и обстоятельныя, свидѣтельствующія объ усердномъ трудѣ автора. Св. писаніе, творенія свв. отцовъ, дѣянія соборовъ, церковно-историческія свидѣнія не составляютъ еще всего научнаго матеріала, бывшаго въ распоряженіи пр. Теофилакта. Онъ обратилъ серьезное вниманіе на археологическія и литургическія данныя, особенно драгоценныя въ спорѣ съ расколомъ касательно изображенія креста Господня, перетоложенія для крестнаго знаменія, иконописи и т. п., и этихъ данныхъ у него оказывается большой запасъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ книги приложены различныя рисунки съ доказательствами ихъ историческаго достоинства. Наконецъ, Теофилактъ знаетъ библиографію древнихъ церковно-богослужебныхъ и другихъ книгъ.—Выдержекъ изъ разныхъ церковныхъ писателей у него встрѣчается множество; они

(*) Предисл. гл. II, стр. 61 и т. д. (2) См. стр. 111.

отличаются обширностію^(*), и во многихъ изъ нихъ, гдѣ нужно, авторъ относится критически⁽²⁾. Не опущены у него и произведенія русской литературы въ родѣ „Жезла Правленія“, „Прашица“ и т. п. Червяко обращается онъ къ славянскимъ богослужебнымъ и катихизическимъ книгамъ⁽³⁾. Наконецъ, что особенно важно въ полемикѣ, Теофилактъ опирается и на такіе авторитеты, которые имѣютъ вѣсъ и у его противниковъ, напр. на Кириллову книгу, Постановленія собора 1551 г., будто бы утвердившаго истинную догму раскола, онъ опровергаетъ на основаніи другихъ соборовъ и главнымъ образомъ — собора 1667 г.—Вообще, со стороны содержанія сочиненіе Теофилакта полно и обстоятельно въ разсужденія тѣхъ вопросовъ, которые онъ въ немъ рѣшалъ, но недостаточно было для своей цѣли, такъ какъ изъ 108-ти отвѣтовъ, данныхъ раскольникамъ Неофиту, оно останавливалось на одномъ, хотя существенномъ и важномъ. Всѣ другіе отвѣты Теофилактъ называетъ не заслуживающими вниманія и серьезнаго опроверженія. Это для раскольниковъ, надо полагать, было собою неубѣдительно. Правда, у Теофилакта приведены примѣры ихъ несостоятельности, но, основываясь на нихъ, онъ напрасно предполагалъ, что читатели во всея остальной повѣрять ему на слово и вполне согласятся съ нимъ. Правда, даѣе, что Теофилактъ нѣсколько отсылаетъ читателей за разрѣшеніемъ недоразумѣній къ прежде написаннымъ сочиненіямъ противъ раскола, но и въ

(*) Теофилактъ цитуетъ: Аполлота В., Макария В., Анастасіа, Кирилла Іерус., Амвросія, Тертуліана, Григорія Наз., Мелетія Анд., Феодора Карскаго, Петра Дамаскаго, Павла Коринтскаго, Валерія, Иеронима, Августина, Иеронима, Инокентія, папу римскаго, Иринея, Игнатія, Соломона, Павла Коринтскаго, Василия Саматрасскаго и др.

(2) См., напр., разборъ житія Евфросина Пампальскаго, гл. 60—107 и дал.

(3) У него есть выдержка изъ Минеи „Октоиха“, Пролога, Фаврентоваго Тривмаса, Корачей и т. д.

этомъ представлялось большое неудобство: книги въ то время, какъ жаловался Посошковъ, были рѣдкостью; не бѣда, слѣд. если бы поленился и допустилъ повторенія въ защиту православія, не взирая на мелочность раскольническихъ придирокъ. — Другая важная опрометчивость Теофилакта—пренебрежительный тонъ его въ обращеніи не только съ самими раскольниками, но и съ тѣми авторитетами, на которыхъ они основывали свою полемику. Раскольниковъ онъ осмѣиваетъ руганью не меньше м. Стефана (*). Въ изложеніи сочиненія Теофилакта нужно отнести къ числу недостатковъ излишне-дробную дѣлимость. Въмѣсто того, чтобы, напр., въ четвертомъ „разсужденіи“ о перестроженіи для крестнаго знаменія, просто опровергать постановленія столаваго собора, онъ дѣлитъ это разсужденіе на 10 частей (потому что находить 10 „винов“, доказывающихъ невѣжество отцовъ собора) и отмѣчаетъ рубрики: „вина первая“, „вина вторая“ и т. д., хотя нѣкоторыя изъ нихъ легко было соединить. Не мало дестрагъ страницы и обычныя у него рубрики: „вопросъ“, „отвѣтъ“, „отвѣтъ на отвѣтъ“ и т. п. Часто, наконецъ, у Теофилакта составляютъ особенныя дѣленія выдержки изъ разныхъ церковныхъ писателей (*). Планъ сочиненія поставленъ въ зависимость отъ порядка статей разногласія между православіемъ и расколомъ, перечисленныхъ въ 50-мъ отвѣтѣ на вопросы Неофита; системы въ немъ нѣтъ. Сочиненіе не представляетъ собою труда цѣлостнаго и законченнаго.

(*) Она у него—сынъ дѣлова, евоич, везлобнѣ люда и т. п. Сравнивая ихъ съ презабодѣвою женою, онъ употребляетъ ужъ совѣтъ несправедливыхъ выраженій (гл. 1, л. 8 изоб.). У него не рѣдкость, потому, такіа выраженія: „двуверстное наше сложеніе (говорить онъ, обращаясь къ раскольникамъ) отстоятъ ли отъ латинскаго перестроженія, или ни, о томъ здѣ разсужденія не творимъ, и отъ латинъ ли имъ пошла, или отъ няго какого горшаго черта, о томъ здѣ не ислабучемъ“ (л. 26). Или: „Сколько ты на ний своего евоича Заванія, не поможеша его бѣдныи сотворяти“ (л. 139) и т. п.

(*) Листъ 10—15.

Нольбшмагички противораскольнической литературы, уже другому типу, мы имѣемъ въ сочиненіи Питирима нижегородскаго, подъ заглавіемъ: „Правица протаву вопросовъ раскольническихъ“. Благодаря особеннымъ обстоятельствамъ своей жизни (*), Питиримъ изучилъ расколъ по первоисточникамъ, узналъ его внутреннія пружины и неожиданно выступилъ смѣлымъ его обвинителемъ, подъ покровительствомъ Петра и съ благословенія м. Стефана, получить назначеніе быть миссіонеромъ въ керженскихъ и чернораменскихъ дѣсахъ нижегородской губерніи, гдѣ ютилось одно изъ главныхъ гнѣздъ раскола. Съ писаніемъ, свѣтооточескія проявленія, дѣянія соборовъ, церковная археология и письменность составили научную почву въ его полемической борьбѣ и помогли ему въ большинствѣ случаевъ выходить изъ нея побѣдителемъ. Неугомонная ревность монаха сломала упорство раскольниковъ,—онъ заставлялъ ихъ слушать себя и въ частныхъ бесѣдахъ, и при народныхъ собраніяхъ, отвѣчать на свои устные и письменные вопросы опредѣленно, безъ обычныхъ увертокъ. Долго Питиримъ ограничивался въ своей полемикѣ устными бесѣдами съ противниками, но потому, созная необходимость и возможность изложить подробное опроверженіе раскольническихъ заблужденій письменно, онъ въ февралѣ 1716 года подалъ къ раскольникамъ діаконова согласія 130 вопросовъ, требуя особаго и обстоятельнаго рѣшенія каждаго изъ нихъ. Онъ спрашивалъ: что заставило раскольниковъ отдѣлаться отъ церкви? Какъ понимаютъ они себя и православныхъ? Въ чемъ состоитъ ихъ ученіе, что оно значитъ, на чемъ основано? Раскольники общими отвѣтами, но чрезъ пять мѣся-

(*) Родился в рождественскій вечеръ его въ расколѣ, 1713. Съ протаву „Питиримъ“, архіепа „никоб.“ в „латинскій“ (Питиримъ Питиримъ) архіепа „латинскій“ въ свѣтъ отъ Теофилакта, раскольниковъ, общинаго, въ Хр. 1716, гл. 01, 1—14 и 247—242.

певъ прислали Питириму не отвѣты, а 240 вопросовъ съ требованіемъ ихъ рѣшенія. Питиримъ и написалъ „Працицу противу вопросовъ раскольническихъ“—одно изъ обширѣйшихъ сочиненій своего времени, сочиненіе безъ хорошей литературной отдѣлки, но въ-ское своимъ содержаніемъ. Въ авторѣ вопросовъ, по замѣчанію г. Опоцкаго, видится человекъ съ обширными свѣденіями догматическими, историческими, археологическими и каноническими, тщательно изучившій пункты несогласія раскола съ церковію, знакомый съ противораскольнической полемикой и со всѣмъ, что можно сказать въ защиту старообрядства. Кромѣ общихъ и вѣстныхъ положеній раскола, онъ предлагалъ новыя возраженія, опирающіяся болѣею частью на археологическихъ, церковно-историческихъ и библиографическихъ данныхъ. Изъ вопросовъ, одни касались общихъ богословскихъ тезисовъ, другіе—частныхъ разногласій между православіемъ и расколомъ. Первые поставлены преимущественно въ началѣ книги, находятъ въ связи съ послѣдними и служатъ для нихъ какъ бы основаніемъ. На общіе богословскіе вопросы (что есть вѣра? что есть преданіе вѣры? что есть догматы?—церковь?) Питиримъ отвѣчалъ кратко и ясно, согласно съ св. писаніемъ и опредѣленіями св. отцовъ. Съ особенныхъ вниманіемъ Питиримъ остановился на вопросѣ о церкви (о ея установленіи, характерѣ, правахъ и обязанностяхъ, о ея іерархіи, таинствахъ и т. д.), потому что въ этомъ вопросѣ онъ видѣлъ краеугольный камень для своихъ дальнѣйшихъ разсужденій. Послѣ общихъ вопросовъ, дѣло сводится собственно на причины раздѣленія русской церкви и полемика стоять болѣе на церковно-исторической почвѣ. Разсмотрѣны мнимыя новизны въ богослужебныхъ книгахъ, разсмотрѣны основанія невѣжественнаго возмущенія и совершеннаго отдѣленія раскольниковъ, разсмотрѣны попытки церкви образумить фанатиковъ, упомянуты антираскольническіе соборы и розобраны ихъ дѣйствія, разсмотрѣны письменныя авторитеты раскольническаго

ученія, приваты по вниманію вопросы объ аллеліа, о перестроженіи, объ изображеніяхъ на просфорахъ, объ антиминсахъ и т. д. Не забыть и вопросъ объ антихристѣ. Питиримъ не хотѣлъ миновать ни одного сомнѣнія и заботился о полнотѣ своихъ отвѣтовъ. Способъ его доказательствъ соответствуетъ полемическимъ приемамъ самихъ раскольниковъ. Отвѣты у Питирима ставятся прямо послѣ резюмированнаго вопроса и сразу подтверждаются очевидными данными, если только эти данныя имѣются у него въ достаточномъ количествѣ: ловкихъ фразъ и мудреныхъ софизмовъ, которые прикрывали бы внутреннюю несостоятельность, у него нѣтъ. Къ мелочнымъ придиркамъ раскольниковъ Питиримъ не относился съ пренебрежительнымъ молчаніемъ, хотя въ его тонѣ перѣдко звучитъ раздражительность противъ ихъ ничтожности и безтолковости (*).

Какъ всякое обширное по своей задачѣ сочиненіе „Працица“ не во всѣхъ своихъ отдѣлахъ одинаково подробна и основательна; погрѣшаетъ она, конечно, въ тѣхъ частяхъ, къ написанію которыхъ у автора не было надлежащихъ средствъ. Отдѣлъ о богослужебныхъ книгахъ, напр., не могъ быть обработанъ Питиримомъ основательно, потому что онъ не звалъ греческаго языка и заимствовалъ свои свѣденія при сличеніи стараго и новаго текста изъ чужихъ рукъ, не имѣя возможности огнестись къ нимъ критически. Тамъ, гдѣ Питиримъ имѣлъ дѣло съ русскими источниками, онъ является полнымъ хозяиномъ, дѣлаетъ относительно ихъ иногда обширныя библиографическія замѣчанія (о соборномъ лѣтаніи на еретика Мартина); а касательно переводныхъ пособій онъ ограничивался такими лишь замѣтками: „Оная книга Симеона Фессалоникскаго изъ нея же здѣ въ отвѣтахъ многія праведныя свидѣтель-

(*). Крайнихъ выраженій въ „Працицѣ“ находимъ не только, чѣмъ въ вышеупомянутыхъ сочиненіяхъ.

ства, переведена убо въ Москвѣ съ печатниа греческія книги, печатанной въ Молдовахѣхъ, въ Цѣсарѣ, патриархїи іерусалимской, по обители первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла; а свидѣтельствована въ достоѣрное утвержденіе древнею письменною греческою же кнѣгою, а та книга писана во градѣ Фессалоникѣхъ, по обители св. І. Крестителя, въ лѣто 742. А у греческихъ учителей, у іеромонаха Іоанникія и Софронія Лихудіевыхъ естъ⁽¹⁾. Не удивительно, если раскольники относились къ такимъ краткимъ свидѣніямъ съ сомнѣніемъ. Понятно также, почему Питиримъ преимущественно пользовался пособиями русскаго происхожденія, или такими въ переводныхъ, популярности и авторитетности которыхъ не могла быть заподозрѣна его противниками⁽²⁾.—Вѣншія отдѣлка „Прашица“, какъ замѣчено выше, не отличается особенными достоинствами, что повторимъ здѣсь, зависѣло отъ образованія ея автора и, нужно прибавить, имѣло свою хорошую сторону для читателей—простецовъ. Жаль только, что Питиримъ не избѣжалъ смѣшенія догматическихъ вопросовъ съ обрядовыми, рабски придерживаясь порядка предложенныхъ ему недоумѣній. Языкъ Прашица, простой и ясный вообще, темень тамъ, гдѣ у Питирима не доставало надлежащаго пониманія предмета. По мѣстамъ онъ не правиленъ. Видно, что объ изшествіи и чистотѣ его авторъ заботился мало.—Сравнивая, въ заключеніе, количество достоинствъ и недостатковъ Прашицы⁽³⁾, нужно сказать, что первая рѣшительно перевѣшиваетъ въ ней послѣдніе и со-

(1) Прашица, стр. 285.

(2) Питиримъ цитуетъ: Василия В., Іоаннъ Благочестиваго, Гр. Назимъ, Марка Ефеса, Андрея Кесарійскаго, Матвея Властаря, а больше: Утеѣ духовныя, Жезлы правленія, сочиненія Максима Грека, Книгу о вѣрѣ, Катихизисъ, Корчужу, Прологъ, Варлаамову книгу, Требникъ царствѣнный, Скрижалю, соборное дѣланіе на еретика Мартина, собраніе святыхъ и т. п.,—все, что только онъ могъ собрать при своемъ рвеніи и услажденіи труду.

первенно оправдываютъ ея популярность въ свое время. Это капитальное сочиненіе отличало долготѣною дѣятельностю трудолюбиваго миссіонера противъ раскола и увѣковѣило ее. Послѣднія раскольничьи силки, Питиримъ, какъ извѣстно, перѣдко раздавалъ адѣс и раскидалъ тетрадки противораскольническаго содержания. Они остались неотпечатанными и затерялись, какъ затерялось множество и другихъ мелкихъ произведеній петровской духовной литературы, которыя въ общей характеристикѣ ея могли бы имѣть важное значеніе. „Прашица“ является дорогимъ сборникомъ опроверженій раскола со стороны человека, посвятившаго на изученіе его всю жизнь и законнаго съ нимъ до подробностей. Какъ ни малы были средства его образованія, онъ воспользовался ими съ замѣчательнымъ умѣньемъ, характеризующимъ природный здравый смыслъ и житейскую опытность лучшихъ представителей духовенства петровской эпохи.

Были у Питирима въ борьбѣ съ расколомъ и сотрудники, которыхъ онъ искалъ усердно и которые много содѣйствовали ему⁽⁴⁾. Между ними особенно выдавались вышеупомянутый Неофитъ (миссіонеръ въ предѣлахъ оловенской губерніи), Андроникъ (миссіонеръ на Вѣтѣхъ), Іосифъ Рѣшиловъ (въ Стародубѣхъ), Филаретъ (состоявшій при св. Синодѣ увѣнчателемъ раскольниковъ), Письменные труды первыхъ двоихъ (Неофитъ написалъ 106 вопросовъ по расколу, а Андроникъ—сочиненіе о крестѣ)—незначительны; написалъ ли чтонибудь двое послѣднихъ, неавѣстно. Въ Новгородѣ находилъ время возражать противъ раскола извѣстныя своими заботами о духовныхъ школахъ и. Іовъ. Тетрадки и мысли Талицкаго, который былъ представителемъ мнѣній (касательно совершившихся реформъ) громадной массы протестантовъ⁽⁵⁾, быстро распростра-

(4) Ур. Чт. 1874 г. II, 302 и 303.

(5) Ст. Анналы 1882 г. Мартъ, 350.

нились въ Новгородѣ, въ Вологдѣ, въ Астрахани, въ Пензѣ. М. Ювъ противъ появившейся тетрадки „о рожденіи антихриста“ поспѣшилъ написать „уѣднательный отвѣтъ отъ писаній“ и въ спискахъ разослалъ его по епархіи. „Отвѣтъ“ надо полагать, былъ основательный: Петръ велѣлъ его отпечатать для всеобщаго употребленія. При удобныхъ случаяхъ, потомъ, м. Ювъ не уклонился и отъ устныхъ бесѣдъ съ раскольниками; такъ онъ вступалъ въ споръ съ вожаками раскола, извѣстными братьями Деиновыми.

Противъ раскола писалъ и Посошковъ. Какъ и Питарихъ, онъ въ молодости самъ былъ расколникомъ, хотя и не извлекъ изъ знакомства съ расколомъ тѣхъ выгодъ для полемики съ нимъ, какія извлекъ нижегородскій миссіонеръ. Сочиненіе его озаглавляется: „Зерцало, свѣтъ очевидное и извѣстное, на суетумудріа расколника, въ немъ же чрезъ св. Евангеліе и Апостольскую проповѣдь и чрезъ многая Божественная писанія, лево вся ихъ блудословная глупизна изъясняется“. Въ расположеніи главъ этого, довольно обширнаго, сочиненія систематичности нѣтъ, хотя у Посошкова не было предъ глазами беспорядочныхъ, раскольническихъ вопросовъ, или чего нибудь въ этомъ родѣ, что оправдывало бы бессистемность его произведенія, какъ, напр., было у Питариха. Извиняясь предъ читателями (*) за неволю своихъ обличеній противъ раскола, Посошковъ говоритъ, что онъ обличаетъ изъ раскольническаго ученія только то, что слышалъ отъ лжеучителей при своихъ съ ними сношеніяхъ, которыя съ временемъ прекратились и больше, кажется, не возобновлялись. Не отыскивая взаимной связи и соподчиненія между вопросами, которые ему доведось обсуждать съ раскольниками, Посошковъ въ „Зерцалѣ“ ставитъ рубрику за рубрикой: глава 1) о хульникахъ на Св. Духа, и на церковь, и на вся святы-

(*) Прилож. ко описанію Зерцала, стр. 206.

ни; гл. 2) о ругателяхъ; гл. 3) о осудителяхъ людей осуждающихъ, себе же оправдывающихъ; гл. 4) о грѣсѣхъ и т. дал. до 26-ти главъ. Расколниковъ Посошковъ осуждаетъ очень строго, прибѣгая къ нимъ самыя рѣзкія выраженія св. писанія касательно еретиковъ и воспрещая всякое общеніе съ ними. Характеристикѣ расколниковъ онъ посвящаетъ нѣсколько главъ, одну другой бравчище (*). Предостерегая православныхъ отъ раскола, Посошковъ научаетъ ихъ различать истинныхъ учителей церкви отъ толковъ въ овчійхъ кожахъ, отъ лжеучителей—расколниковъ, указывая признаки тѣхъ и другихъ. Сравнительно съ разсмотрѣнными выше противораскольническими произведеніями, трудъ Посошкова не представляетъ ничего новаго, существенно важнаго. Въ области богословія, по выраженію Брикнера, Посошковъ былъ диллетантъ. Пользуясь своимъ случайнымъ знакомствомъ съ расколомъ, подъятивъ его слабыя стороны, онъ, при помощи своей начатности, издумалъ, по мѣрѣ разумія, написать опроверженіе лжеученія, руководясь тою мыслию, что, какъ бы ни былъ слабъ его трудъ, онъ принесетъ долю пользы его соотечественникамъ при современной скудости полемическихъ сочиненій противъ раскола. Образцами для Посошкова могли служить сочиненія, ранѣе его написанныя, а пособиями—тѣ же произведенія, которыми пользовался Питарихъ. Знакомства съ церковною археологіею, впрочемъ, у Посошкова не замѣчается, библиографическихъ изысканій онъ не дѣлаетъ, богослужебныхъ книгъ не слыхаетъ. Многія главы у него написаны исключительно на основаніи св. писанія и двухъ-трехъ отцовъ церкви и разбавлены благочестивыми размышленіями и возгласами (*). Чаше другихъ у Посошкова встрѣчаются цитаты изъ І. Златоустаго и Кирилла Іерусалимскаго.

(*) Таковы главы 1, 2 и 14.

(*) Нац. 2, 3, 6, 8 и др.

Не много в „Зерцале“ глав убедительных для раскольников по своей основательности, по непрерывности доводов. Большинство из них состоит из положений и утратий, которыми каждый расколуинитель легко может обратить против православных. В главе „о хульниках на Св. Духа и на церковь и на вод спятини“ Посошков доказывает не то, что хульниками являются раскольники, а то, что хульники заслуживают небесной кары, в чем никто не сомневался. Во второй главе—„о ругателях“—тоже самое. Кроме того, в обеих главах находятся места, прямо соблазнительны для раскольников: в них трактуется о последних днях мира, когда, по писанию, должны явиться хульники и ругатели в своих похотях ходяши. Посошков в появлении раскольников видит признак последних времен, между тем как раскольники сами проповедывали о пришествии антихриста; во взглядах оказывалось, так, обр., нечто общее, очень опасное в петровскую эпоху. Глава 3 написана на тему: *не судите, да не судимы будете* и представляет совершенно лишние страницы в книге. Трактат о кресте (гл. 4) основательнее и длиннее других: в нем автор весьма благо разумно доказывает, что всякий крест, и четырехконечный и осмиконечный, одинаково заслуживает почтения, и что четырехконечный—исторически так же употребителен, как и осмиконечный. В 5-й гл. Посошков усиленно доказывает, что И. Христос не стоял на кресте, а висел, и что думающие иначе подлежат церковному проклятию, наравне с еретиками, отрицающими страдания Спасителя. 7-я гл. посвящена разуждению о том, что непокоряющиеся церкви и устроившие собрания помимо нея заслуживают подлито осуждения и наказания, а определения призываюветивной церкви в ней быть, так что все обвинения и угрозы автора скользят мимо раскольников. Вообще, о сочинении Посошкова нужно заметить, что оно в большинстве случаев ставит и доказывает те-

зисы, против которых раскольники не возражали. Он рассчитывал больше на сочувствие православных читателей; къ ним он обращает постоянныя воззвания—твердо стоять за церковь и ничтоже сумняса держаться ея. Убедительнейшими трактатами в „Зерцале“ являются те, которые мало имели нужды в исторических данных для обвинения раскольников; обличают такие их воступки, которых ни чьей не было оправдать съ догматической точки зрѣнія. Таковы: о важности таинства покаяния и причащения; мѣранию учителя; не быти; о крещеніи единомъ. Очень силенъ своею логичностью и умѣньемъ показать неправоту раскольниковъ трактатъ „о книжнѣ исправленийъ“. Въ немъ нѣтъ историческихъ изысканій, доказывающихъ необходимость, и законность исправления книгъ, но онъ съ неудовимою строгостью проводитъ мысль, что всякія не должны разсуждать о томъ, что подлежатъ разсмотрѣнію просвѣщенныхъ пастырей церкви, иначе неизбежна безтолковая путаница въ важномъ дѣлѣ; какъ это и вышло въ русской церкви: взявшись судить и рдуть о богослужебныхъ книгахъ, раскольники возвели обряды изъ стѣнъ догматовъ, остановились на мелочахъ и чрезъ нихъ не задумались отторгнуться отъ церкви, ея таинства, ея ученія. Коснулся Посошковъ и вопроса объ антихри и сказалъ, что онъ неразрѣшимъ. — Въ качествѣ сочиненія, дополнительнаго къ прежнимъ сочиненіямъ противъ раскола, „Зерцало“ могло имѣть значеніе; какъ самостоятельный и одиночный трудъ, оно осталось бы безъ всякаго плса, особенно въ главахъ раскольниковъ. Последнихъ не могъ нравиться и его рѣзкій, докторальный, недопускающій полемическаго равенства противниками тонъ. На популярность въ средѣ православныхъ читателей произведеніе Посошкова могло рассчитывать. Содержаніе его безхитростно знало и было въ православныхъ взглядахъ на заблужденіе раскольниковъ; убѣжденія держалась церковь, обращенная къ вѣрнымъ чадамъ ея, краснорѣчивы по теплотѣ и пок-

ренности. По изложению „Зерцало“ шло и доступно простым читателям.

По своей отзывчивости на всё, бодше или женте крупная ладоня церковной и гражданской жизни при Петре, по своему официальному положению въ св. Синодѣ, который былъ озабоченъ церковными нестроениями, Ф. Прокоповичъ, при всѣхъ своихъ безчисленныхъ занятіяхъ, принималъ участіе и въ рѣшеніи вопроса о расколѣ. Какъ за недостаткомъ времени, такъ и за недостаткомъ соответствующей подготовки, Прокоповичъ не владелъ на себя труда написать что нибудь капитальное противъ раскола, а ограничился замѣчаниями въ проповѣдяхъ и, главное, воззваніями, которыя служили выраженіемъ (по крайней мѣрѣ официально) мнѣній Синода о раскольникахъ. Въ 1722 году, по порученію Синода, Прокоповичъ издалъ „Пастьерское увѣщаніе къ обращенію раскольниковъ въ нѣдра православной церкви“, гдѣ съ сожалѣніемъ говорилось, что раскольники „не по слову Божию, но по легкомысленнымъ разговорамъ и по бабьимъ баснямъ всю вѣруютъ“. Синодъ приглашаетъ искателей истины безпристрастно обсудить, „коль несправедливый, душевнугубный вредъ есть человеку, неучену ещю, не требую отъ искусныхъ наставленія, самовольно избирать мнѣнія, и не вѣдая, суть ли истинная, за истинная себѣ утверждать“, и увѣщивалъ „да всякъ, кто бы ни былъ, ежели въ книгахъ прежде печатныхъ, такожъ и которыя впредь будутъ навечатаны, покажется кому нѣкое сумнительство, приходилъ бы съ объявленіемъ сего сумнительства въ Синодъ, безо всякаго подозрѣнія и опасенія. И такому (говорилось далѣе) въ ономъ Синодѣ то сомнительство изложено будетъ отъ св. писанія, и оный сомнитель по тому разсужденію сомнительства своего удовольствуется рѣшеніемъ“. Черезъ два съ небольшимъ мѣсяца послѣ перваго воззванія издано было новое, обращенное собственно къ расколочителямъ и приглашавшее ихъ въ Синодъ на состязанія въ опредѣленные сроки. Синодъ объявлялъ, что онъ „не намеренъ никакимъ образомъ

удерживать и озлоблять“ защитниковъ раскола, а хочетъ только „свободнаго съ ними о противности разглагольствія“. „Которые (говорилось въ синодальныхъ приглашеніяхъ) явятся къ обращенію къ св. церкви не преклонны и останутся при прежнемъ своемъ мнѣніи, тѣмъ дана будетъ неустрашимая свобода... Если же который на сіе толь правильное призываніе не придетъ (продолжалъ Синодъ), тотъ, яко совѣстенъ яви и дести своей и за стыдъ обличенія своего отъ разговора опрляющійся, покажетъ явно о себѣ, что онъ есть безбожникъ и прелестникъ, и не мняю себѣ истинною, но вѣдомою дестію, ради суетности и тунедства своего, уязвляеть сердца неалобныхъ“ (*). Ознако на этотъ миролюбивый призывъ, въ Синодѣ диспутантовъ не явилось. Довелось писать нова воззванія, уже въ другомъ родѣ. „Объявленіе съ увѣщаніемъ отъ Синода о проразателяхъ, неразумно на мученіе державшихъ“ написано было Теофаномъ Прокоповичемъ по случаю нѣсколькихъ проявленій упорнаго фанатизма раскольниковъ, которые охотнѣ подвергались, судебному наказанію и самоубиенію, чѣмъ соглашались переменить платье, остричь волосы, сбрить бороду. Оно, какъ показывается и заглавіе, отличалось болѣе суровымъ тономъ, чѣмъ предшествующія воззванія. Потомъ, опять по порученію Синода, Прокоповичъ написалъ разсужденіе о поливательномъ крещеніи подъ заглавіемъ: „Истинное оправданіе православныхъ христіанъ, крещеніемъ поливательнымъ во Христа крещаемыхъ“. Кромѣ предисловія, гдѣ находится обычная у Теофана рѣзкости противъ несправедливости, отважно толкующихъ о богословскихъ истинахъ, „ово лицемерно поддыхая, ово гордо поднося бровь и шапка свои надымля“, въ названномъ разсужденіи Теофанъ ищетъ доказательства въ пользу поливательнаго крещенія и находитъ ихъ прежде всего въ греческихъ названіяхъ

(* Рус. В. 1878 г. кн. 6, стр. 506 и дал.

крещенія, которые вообще означают омовеніе, поэтому — въ прообразахъ въ сущности и силѣ крещенія, въ обстоятельствахъ, представляющихъ погруженію, въ прихрахъ и мѣщеніа обрядовой стороны высочайшаго таинства евхаристіи, указываетъ на высочайшее мѣсто въ Дѣяніяхъ апост., гдѣ говорится о крещеніи кажечника, въ исторически извѣстнѣе о принатіи въ церковь мужениковъ и больныхъ, на близкое относительно дѣятельности подвигательнаго крещенія между древними наставниками церкви (*). Оеофану Прокоровичу принадлежатъ еще: „Уѣбваніе отъ св. Синода невѣждамъ“ (раскольникамъ) и трактатъ „О мученичествѣ“. Содержаніе послѣдняго направлено противъ заблужденія раскольничества, въ силу котораго они мученичество полагали въ сопротивленіи власти, въ упорной пропагандѣ, связанной съ беззаконными прелестями и расколомъ, а также въ добровольномъ отреченіи отъ жизни — въ самоубійствѣ. Наконецъ, противъ раскольничества Оеофанъ написалъ разсужденіе о присягѣ и клятвѣ. Самые дѣтальнѣе упомянутыя воззванія и уѣбванія и обстоятельства ихъ написанія показываютъ, что Прокоровичъ писалъ ихъ больше съ общаго, дѣятельно постоянно другимъ, онъ уступалъ главную дѣятельность противъ раскола людямъ, болѣе сведущимъ въ этой области, и болѣе свободнымъ. Онъ былъ законодателемъ въ церковной области, по волѣ государя и дѣйствовалъ по указаніямъ послѣдняго, а Петръ заботился о status quo церкви на столько, на сколько онъ соотвѣтствовала status quo государства. Отсюда, дѣятельность О. Прокоровича противъ раскола имѣла оригинальный характеръ, сравнительно съ дѣятельностію въ томъ же направленіи упомянутыхъ выше архипастырей, преслѣдовавшихъ въ ней върѣе всего интересы православна.

и въ дѣяніяхъ апост. гдѣ говорится о крещеніи кажечника въ исторически извѣстнѣе о принатіи въ церковь мужениковъ и больныхъ, на близкое относительно дѣятельности подвигательнаго крещенія между древними наставниками церкви (*).

(*) По замѣчанію г. Частовича, Оеофанъ подверженъ за это сое. уро. разламъ со стороны некоторыхъ церковныхъ писателей IV собора. Апад. Наука, стр. 130.

Въ уѣбваніяхъ и воззваніяхъ, писанныхъ рукою Оеофана отъ лица Синода, болѣе уступчивости въ пользу раскола, болѣе гуманности въ отношеніи къ заблудшимъ главамъ церкви, чѣмъ въ сочиненіяхъ застѣныхъ лицъ. Очевидно, церковное правительство шло объ руку съ правительствомъ гражданскимъ, которое признало право существованія въ государствѣ за гражданской массой людей, отторгшихся отъ церкви. Дѣйствуя такимъ образомъ, Синоды давали направленіе противораскольнической полемиической литературѣ, оглаживали рѣзкости въ обращеніи двухъ враждебныхъ сторонъ. Частію негидетвіе церковныхъ неурядицъ, частію негидетвіе народнаго недовольства распоряженіями свѣтской власти, въ петролекую эпоху легко было ожидать бунта обширѣйшихъ разъяренъ, чѣмъ былъ стрѣлцкій бунтъ. Поватны, поэтому, то угрожающія обличенія, то примирительныя уѣбванія Синода, обращенныя къ вожакамъ раскола, на сторону котораго тотого была перейти и остальная часть народа, пребывавшая пока въ сѣвненіи съ православіемъ. Авторитетъ церкви былъ единственнымъ, которому вѣрили еще темныя люди, недоумѣвавшій предъ распоряженіями императора, дружившаго съ нѣмцами и прозваннаго антихристомъ. Прокоровичъ вообще былъ примирителемъ народа съ правительствомъ невѣждъ, позволавшихъ себѣ заавалтъ свои неурѣные взгляды на современныя событія, обвинителемъ раскольничества за ихъ сопротивленіе новшествамъ, за ихъ несоответствіе просвѣщенному монарху, за ихъ склонность видѣть все въ дурномъ свѣтѣ, или, какъ выражался онъ въ своихъ проповѣдяхъ, за ихъ „мизантропію“ и „меланхолію“. Пессимистическій взглядъ на подвиги Петра, которыми самъ Оеофанъ восхищался и въ которыхъ онъ принималъ активное участіе, въ его глазахъ ничѣмъ не могъ быть оправданъ, ни даже исторіей. А исторія показала, что забытый со всеми духовными потребностями въ продолженіи дѣлать столѣтій, народъ

въ петровскую эпоху оскорбленный въ своемъ національномъ самолюбіи, готовъ былъ умереть за свои традиціи, за свою вѣру. Неудовлетворенныя нормальнымъ путемъ, духовныя потребности массы нашли себѣ другой выходъ, хотя и ложный. Неспособная понять и опинить дѣйствій государя надлежащимъ образомъ, народъ обьявлялъ ихъ по своему. Сперва онъ только удивлялся и жаловался, ожидая, что сближенію Петра съ иноземцами придетъ конецъ, что царь „оставля младыхъ лѣтъ дѣла, все исправитъ на лучшее“; потомъ порѣшилъ, что „дѣлныя его обошли“, дѣлѣ усомнился точно ли изъ-за границы возвратится подлинный русскій царь, и пришелъ къ заключенію, что „дѣлныя погубили настоящаго царя Петра у себя и прислали къ намъ другаго, своего имца же, чтобы обусурманить православныхъ“; наконецъ разыгравшаяся народная фантазія по всѣмъ признакамъ узнала въ Петрѣ антихриста. Появились и пошли по рукамъ подзаветныя письма и тетрадки, которыхъ не успѣвали сжигать. Послышалась и открытая проповѣдь о Петрѣ—антихристѣ, образователь цѣлѣя „согласія“ (Адамантово и Феофанское) съ ученіемъ о послѣднихъ временахъ міра; масса народа заводилась и понесла вѣсть объ антихристѣ на самыя отдаленныя окраины Россіи. Раскольники съ горячностью ухватились за эту вѣсть, потому что въ ней видѣли совершенно удовлетворительное объясненіе непонятныхъ дѣйствій императора (*).— Духовенство, такъ долго остававшееся въ невѣдѣніи относительно того, какія бѣдствія грозятъ церкви по причинѣ его нечестива и нерадѣнія, глазами лучшихъ своихъ представителей увидѣло теперь ясно, что брошенное давно въ подготовленную почву зерно раскола дало не слабыя ростки, а громадныхъ размѣровъ дерево. Противъ зла нужно было принять энергическія мѣры. Составился кружокъ немногихъ „сравни-

(*) Странникъ 1882 г., мартъ, 365—71; см. въ приложеніи

тельно, но даровитыхъ миссіонеровъ и писателей и нашедъ нужнымъ стать съ своею устною и письменною проповѣдью возможно ближе къ заблудшимъ чадамъ церкви. Не говоря о томъ, какъ полезна была въ раскольничьихъ скитахъ живая рѣчь Питирима, слѣдуетъ обратить вниманіе на востушенныя языки указанныхъ выше сочиненій, языкъ чисто разговорный, полный чувства; въ немъ постоянно слышится необыкновенный интересъ къ затронутымъ вопросамъ и неслабѣющее вниманіе къ тѣмъ, кто ихъ затронулъ. Иногда это вниманіе сопровождалось миролюбивымъ, а чаще враждебнымъ настроеніемъ полемиста, но заслуга послѣдняго въ томъ, что онъ не равнодушествовалъ. Раздражительный тонъ и несдержанная брань составляютъ крупный недостатокъ разсмотрѣнныхъ произведеній; особенно они неумѣстны въ устахъ пастырей всепрощающей церкви, пастырей, которые сами же довели своихъ чадъ до пламеннаго умышленнаго и религиозно-нравственнаго состоянія; но петровская эпоха была временемъ, когда безъ страсти, безъ изличнаго увлеченія ничего не дѣлалось, не говоралось, не писалось. Полемисты противъ раскола видѣли въ раскольникахъ враговъ церкви, враговъ фанатичныхъ и страшныхъ своею ненавистью къ ней; ревнуя о православіи, они приняли ихъ, какъ защитники церкви, за своихъ враговъ и не въ силахъ были хладнокровно говорить съ ними о предметѣ раздора. Въ тѣхъ же самыхъ произведеніяхъ выходимъ признаки того, что полемисты сознавали свою горячность и какъ будто раскаивались въ ней, подыскивая для себя извиненія въ ней. „Отъ печали и отъ туги сердца написахъ вамъ многими слезами (заключаетъ текстомъ св. писанія м. Стефанъ свое сочиненіе), не яко да оскорбитесь, но любовь да познаете, юже имахъ изобильно къ вамъ“. А въ началѣ книги онъ привелъ слова св. І. Златоустаго: „якоже тако раздражаетъ Бога, якоже церкви раздѣлитися: аще и безчисленна будемъ содѣлающе благая, отъ аще тѣло Его пресѣ-

кающихся не меньшую принимают казнь, пресѣкающе по-
воление церковное⁴. Читателям, послѣ предисловія, об-
ращается съ рѣчью къ раскольникамъ въ апостоли-
скомъ духѣ, — желаетъ имъ, во имя Отца и Сына и св.
Духа, „сеусердичіа здравія, спасенія и великаго благо-
получія, мира и тишины и соединенія ко св. церк-
ви“⁵. По мѣстамъ въ противораскольническихъ сочине-
ніяхъ встрѣчаемъ трогательныя утѣщенія „растерзате-
лемъ ризы Христова“⁶, убѣждающія ихъ составить еди-
но стадо съ православными, подъ покровительствомъ
и руководствомъ православной іерархіи. Вообще вид-
но, что не одво враждебное чувство къ противникамъ
церкви говорило въ обличителяхъ раскола, но что они,
сдержанно переживая строки своихъ сочиненій, пооче-
редно переходили, какъ это часто бывало въ полеми-
ческихъ проповѣдяхъ, то къ снисходительнымъ, миро-
любивымъ, то къ гнѣвнымъ нотамъ и выраженіямъ.
Литературная форма, принятая ими для бесѣды съ ра-
скольниками, по природѣ своей жива; она больше—
вопросо-отвѣтная. Въ ней постоянно чувствуется при-
сутствіе двухъ спорящихъ сторонъ, и обѣимъ мыслямъ
какъ будто олицетворяется. Это—особенно важная чер-
та противораскольническихъ сочиненій петровской эпо-
хи, черта, приближающая ихъ въ устному собесѣдова-
нію пастыря съ пасомыми, которое раньше такъ мало
слышалъ русскій народъ.

б) Проповѣдническая литература. Перейдемъ те-
перь къ проповѣди. Она, какъ литературный памят-
никъ, важна въ томъ отношеніи, что отражаетъ въ себѣ
всю религіозно-правственную жизнь народа со всеми
ея подробностями. Частіе говора, проповѣди разема-
риваемаго періода носятъ въ своемъ содержаніи глу-
бокіе слѣды современной жизни и могутъ служить ха-
рактернымъ ея памятникомъ.—На первомъ планѣ въ
оборуданіи проповѣдей петровскаго періода удобнѣ все-
го поставить проповѣди м. Стефана Яворскаго, такъ
какъ они, выражаясь словами г. Терновскаго, „стоятъ

на рубежѣ (по своему складу) между старыми преда-
ніями южно-русской гомилетики и новыми требова-
ніями петровской эпохи“⁽¹⁾. Изъ содержанія проповѣдей
м. Стефана находимъ, что авторъ ихъ боролся противъ
тѣхъ же ненормальностей въ русской религіозной жи-
зни, какія обличалъ онъ и въ другихъ своихъ, раз-
смотрѣнныхъ уже нами, литературныхъ произведе-
ніяхъ, — противъ раскола и протестантизма; сверхъ
того, м. Стефанъ касается здѣсь и нравственныхъ
недостатковъ общества, къ которому обращена² была
его рѣчь. — Противъ раскола, впрочемъ, м. Стефанъ
съ церковной каедрой ратовалъ нежною, кроткою
потому, что велъ съ нимъ другаго рода борьбу.
По первое его слово въ Москвѣ преимущественно
направилось именно противъ этого ветуга русской
церкви. Въ немъ онъ убѣждалъ пастыря покартиса
законной іерархіи и не слушать „лаужащаго страннѣхъ
учителей“. „Не сомнѣвайся, православный народъ, го-
ворилъ онъ, не сомнѣвайся, обрѣталъ въ печатныхъ
книгахъ и бѣки перьяны; вѣруйте якову архіерейскому
слову, ако не разиращенія суть сіи перьяны, а ве-
правленія. Вѣруйте, отцы мои честныи, братія и чада
любимая, ако прослцимъ вамъ хлѣба словоо Вокія
не подадимъ каменъ, ниже прослцимъ рыба не пода-
димъ змяю или смертоносную скорпию... се съ радо-
стію истинная душевная лица подаетъ нами, а подаетъ
ся аки рыба исочнуенная отъ всякихъ прегрѣшеній
списательничихъ и типографскихъ... Не предоняйтеся
въ наученіе страннѣхъ учителей, послушайте гласъ
пастыря своего. Не ищите врачей нескусенныхъ, убъ-
вающихъ паче, неже нецѣлюющихъ души, но отъ Во-
га данныхъ вамъ пастырей ищите пречестнаго духо-
внаго“⁽²⁾.

Выше мы имѣли поводъ замѣтить, что расколъ
при Петрѣ находился въ такомъ фазисѣ развитія, въ

(1) Рухъ для солдск. вѣст. 1870 г. № 36.

(2) Черныгов. Клар. Вѣст. 1861 г. № 21, прилож. стр. 329—30,
532—3.

какомъ трудно было побдѣть его одною проповѣдью безъ средствъ судебнo-административныхъ. Употребивъ послѣднiя, м. Стефанъ заставилъ умолкнуть шайку отважныхъ московскихъ бунтовщиковъ и въ проповѣди какъ бы забыть о нихъ, тѣмъ болѣе, что вниманiе его было отвлечено другими важными обстоятельствами службы, и онъ, по необходимости, сосредоточился на другой дѣятельности. По официальному доносенiю префекта академiи Теофилакта Лопатинскаго, м. Стефанъ энергично началъ слѣдственное дѣло о протестантской ереси, главнымъ распространителемъ которой явился упомянутой Д. Тверитиновъ. Не смотря на бездѣйствiе сената, Стефанъ церковными судомъ довелъ фанатиковъ до застѣнки и казнилъ одного изъ нихъ, а другихъ предалъ отлученiю, пока не раскаются.—хотя государь и не сочувствовалъ антрополику въ его антилютеранской дѣятельности. Обличая м. Стефанъ „лютерскую и кальвинскую ересь“ и съ церковной кафедры. Въ словѣ на 7 недѣлю по Пасхѣ, установивъ для себя тему: „святiи удоищицы Возжи, предстоише престолу Возжо, сущи молитвенницы о насъ: вѣдають жедеиѣ наша къ нимъ и сiя приносятъ къ Богу: помоществуютъ же намъ во всякихъ нуждахъ нашихъ и предстательствуютъ“, указываетъ прямое назначенiе слова—„да познають нечестивiи дожъ свою, юже въ народѣ о насъ (святыхъ) разсказуютъ“. Обращаясь къ слушателямъ, проповѣдникъ говоритъ объ иноземныхъ ересьхъ, волнующихъ церковь русскую и указываетъ на лютеранскихъ проповѣдниковъ, вышедшихъ изъ вѣдръ церкви православной. „Слышасте, православнии слышате ли, яко на церкви Возжо, на святыхъ Возжихъ, на иконы ихъ возстали свидѣтели неправедни, возсташа члочестивыи лжехристiане, возсташа челоуки хульници, прежде сынове церкви православно-каволической, въ семъ православномъ градѣ рожденни, въ благочестивъ воспитавни, чини же исполненни всякия лести и всякия злобы, сыны дiаволи, выпущенни отъ своея гордости и высокоумiя вреднымъ духомъ ибкинъ ересарховъ исполненни“. Они утверждаютъ, „аки бы мы всуе

творимъ, егда святыхъ Возжихъ почитаемъ, имъ кланяемъ, ихъ помощи приимаемъ, нарицающе ихъ жертвами, и глаголють сiя (Кальвина) словеса: кто глаголетъ тако доиши у нихъ быти уши и острия, дабы отъ неба наши глаголи слышали, тако очи ясны, дабы нужды наши видѣли: не можетъ, глаголють, показати, кони образомъ наши молитвы познавати святые. Не познають убо; а понеже не познають молитвъ нашихъ, то всуе ихъ и въ помощи призываютъ“. Далѣе проповѣдникъ, слѣдуя постоянному своему обычаю въ полемикѣ, сперва излагаетъ и обосновываетъ положительное православное ученiе, потомъ разбираетъ доводы противниковъ. И въ томъ и другомъ случаѣ аргументацiя его отличается хорошимъ подборомъ цитатъ умѣемъ поставить оппонентовъ въ затруднительное положенiе, а догматы приобщивши въ послѣдовательномъ его разсуждѣнiи оселити, какъ несомнѣнную истину. Тоже нужно сказать и о другомъ его словѣ—по поводу о преданiи (изъ 16 нед. по св. Духѣ), гдѣ онъ доказываетъ, съ оубицтвiемъ дискуссияшася полемиста, что св. писанiе содержитъ въ себѣ не все нужное для христiанина, что его безъ руководства всегда можно толковать произвольно, что безъ преданiя „дикосою мiрою сохранити возможно церковныя обичаи“, что I. Христосъ многое говорилъ ученикамъ (особенно по воскресенiи), что по свидѣтельству св. Луки, не записано въ книгахъ, что апостоли твердо хранили преданное I. Христомъ и заповѣдали церкви царю съ библiей хранить и преданiе,—и церковь свято чтла эту заповѣдь, какъ видно изъ писанiй мужей апостольскихъ, многихъ ея отцовъ и учителей.—Въ проповѣдяхъ м. Стефана преобладаетъ положительная сторона: онъ хотѣлъ ближе ознакомить своихъ слушателей съ мудростью православiя и заставить блѣднѣти предъ нею убогоствiя еретиковъ. Искренне увлеченный важными предметами спора, проповѣдникъ какъ бы забываетъ о ехолостическихъ орнаментахъ рѣчи, говоритъ сравнительно просто, одушевленно, резко. Въ словѣ о вѣрѣ оправ-

дывающей⁽¹⁾, путем неотразимой логики и богословского знания, м. Стефанъ приводит слушателя къ тому убѣжденію, — „что вѣра мертвая, безъ дѣлъ, не только не дарованіе, но погибель человѣку“, который при ней можетъ не превосходить діавола вѣрующаго и трепещущаго.

Воспитанникъ запада, гдѣ со времени реформации на ряду съ религіей поставлена наука, а на ряду съ церковью — государство, усердный поклонникъ идей общественной и гражданской добродѣтели, Петръ В. былъ неумолимымъ врагомъ суевѣрія и ханжества, выросшихъ на религиозной почвѣ. Но суровая сатира, беспощадная насмѣшка надъ русской народной вѣрой въ прадѣдовскіе обычаи нередко доходили у европейскаго государя до крайностей и оскорбляли приверженцевъ старины. Примвру царя и его приближенныхъ слѣдовали многіе члены высшаго общества, падкіе въ то время до всего чуждаго, потому что оно умно, и смѣявшіеся надъ своимъ, потому что оно глупо; охотно усвоивъ „лютерскіе и кальвинскіе обычаи“, они оставили посты, храмы, крестные ходы, молебны по домамъ, забыли молитву, отвергивались на улицахъ отъ св. иконъ, не вѣрили въ св. мощи, трунили надъ духовными особами и т. д.; чтобы сдѣлаться достойными членами „всепьянѣйшей компаніи“ и посѣтителями законенныхъ ассамблей, они повели жизнь на широкую ногу, часто не по средствамъ, не стѣняясь обирали народъ, привязались за взяточничество, потерявъ судейскую честность. Женщины, легкомысленно оставившія скучныя терема и пустившіяся въ свѣтъ, увеличивали расходы своихъ мужей и отцовъ; семейныя узы ослабли, нравственность падала. М. Стефанъ не могъ терпѣть поношенія вѣры православной и возсталъ на ея защиту съ грознымъ обличеніемъ, забывъ практическіе расчеты, не соображаясь съ желаніями царя.

(1) Въ нед. 24 по Св. Духѣ, — т. II, стр. 195—221.

Чѣмъ дальше, тѣмъ беспощаднѣе становился архипастырь въ своемъ карающемъ словѣ. Указавъ (въ словѣ на 15 нед. по св. Духѣ) на тотъ фактъ, что „мнози, егда узрять чуждыя земли, скоро отъ своей православныя вѣры каволическія подвижутся и предлагаютъ, и чуждыя, богомерзкія, еретическія, пространнымъ путемъ во адъ ведущія, вѣры похваляютъ... свою же осмѣиваютъ и уничтожаютъ“, (1) хорошо понимая, куда можетъ повести такое увлеченіе, митрополитъ рѣшился обличить самихъ виновниковъ, нововведеній и увлеченій. „Се имате мзу, закона Божіа разорители (говорилъ онъ, не щадя, очевидно, и самого государя), слышите громы, заповѣдей господнихъ преступницы, того ради не удивляйтесь, что многомигужная Россія наша доселѣ въ кровныхъ буряхъ водвуется, не удивляйтесь, что по толикихъ смненіяхъ доселѣ не имате превожделѣннаго мира: кто законъ Божій разоряетъ, отъ того миръ далече отстоитъ, гдѣ правда, тамъ и миръ. Море, свирѣное море, чловече законопреступный! почто домаши, сокрушаси и разораси берега? Берегъ есть законъ Божій, во еже неирелоби сотворити, не вождѣти жены ближняго, не оставяти жены своей; берегъ есть во еже хранити благочестіе, посты и наипаче четиредесативцу; берегъ есть почитати иконы“ (2). — За это слово м. Стефанъ подвергся опалѣ; ему запрещено было говорить проповѣди (1713—15 г.). Но доблестный архипастырь безтрепетно продолжалъ свою дѣятельность, хотя ему довелось перенести ее съ высшаго сословія на низшее: именно въ указанный промежутокъ времени онъ совершилъ свой строгій судъ надъ Тверитиновымъ и его сообщниками. — Чувство глубокой скорби подавляло святителя, когда онъ обращалъ свое вниманіе на нравственность общества. „Коликое множе-

(1) Проповѣдь м. Стефана II, 23.

(2) Исторія Россіи Соловьева, XVI, 353.

ство между нами растлѣніа", восклицаетъ онъ въ одной изъ своихъ проповѣдей.—гдѣ только обратиши лице, всадѣ заплаканными очами узриши правоту человѣческихъ растлѣніе. Глянешь на начальниковъ — растлѣніе, глянешь на подначальныхъ — растлѣніе, глянешь на посыльныхъ, которые, яко пияницы кровь піють изъ людей убогихъ, сѣдуютъ люди, вмѣсто хлѣба, о колкое узриши растлѣніе! Глянешь на супружество, и ту растлѣніе; непрестанные разводы, расуоскныя жидовскія книги; въ самую чину духовномъ и по монастырямъ не малое обрѣнеши въ правахъ иноческихъ растлѣніе" (*). Въ словѣ на день успѣнія Божіей Матери м. Стефанъ выражаетъ даже опасеніе за безопасность Россіи. „Что же я ту начну глаголати о тебѣ царствующій граде? Что начну глаголати о тебѣ, благочестія столпе несорбимый, Россіе мати наша? Сіяла ты въ презнемъ времени блочечіемъ свѣтла и аки столпъ непоколебимый въ вѣрѣ православной утверждена. Выи же что? Усомнѣваюся о твердости твоей, столпе непреклонный, егда ты вижу вѣтрами противными отсюду обуреваема. Вѣтъ на ты вѣтръ икопоборный, иконы святыя ничтожающій и презирающій и обалити тицащійся. Вѣтъ на ты вѣтръ чревоутольный, посты святые разоряющій. А ты, столпе мой непреклонный, вѣтромъ тлетворнымъ попирающіеся, уже колебаться начинаеши, и вмаѣ вмаѣ, яко столпъ вдуамскій, падевіемъ своимъ насъ не погубиша"... Доказательствомъ того, что м. Стефанъ далеко былъ отъ лицепріятія въ своихъ обличеніяхъ, служатъ его проповѣди, попрежущеему направленная противъ столичной знати, забывшейся въ своемъ временномъ величіи и потерявшей вѣру въ благіе обычаи старины. „Влнствуетъ въ очехъ нашихъ сего свѣта свѣтла, на высокихъ влаетѣхъ, аки на небѣ, и разумѣете, яко мраку смертному есте не причастни. Придетъ, придетъ

(*). Проп. м. Стефана Яворскаго, Хр. Чт. 1867 г. I. 828.

смертній вечеръ, который вѣи нами погаситъ блистаниа, и яко огнь обращается въ повель, тако наша слава въ перети вселится, и быетъ вечеръ. Не веминаю здѣ злата, сребра и каменій драгоценныхъ, не веминаю лицъ прекрасно сияющихъ; все то тлѣіе міра сего. Придетъ, придетъ вечеръ смертній, который все то погаситъ. Сала только слава небесная, сая только день упокоенія вечера не знаетъ, день невечерній, день неперпающій, почи не причастивъ. О, кое тебѣ, человѣче, на семь свѣтъ до неба пренатіе! Для чего въ земли вѣемъ сердцемъ припадеши? Кровь дражайшая Спасителя моего, ради насоченія и услажденія нашего илннная! Окрови и умягчи окаменевное сердце нашихъ почувствіе! Дажь намъ сію благодать, просвѣти намъ мысленныя омраченныя очи" (*).

До сихъ поръ мы видѣли, что м. Стефанъ внимательно нехатривался въ современную ему жизнь и сочувственно отзывался пастырскимъ словомъ на ея запросы. Со стороны содержания, поэтому, его проповѣди значительно выше произведеній схоластическихъ ораторовъ, мѣнявшихъ жизнь въ гомилетику, факты на фразы и на правила реторики. Тревскія эпоха, развивавшая практицизмъ въ духѣ великороссоев, жизненный характеръ Петра — не гармонировали съ отвлеченностью крайняго схоластицизма, проникшаго въ южно-русское краснорѣчіе.—Но замѣтны въ проповѣдяхъ м. Стефана и глубокіе слѣды школы, которую онъ прошелъ до своего поступленія на митрополитскую кафедру. Мало простоты и много витивѣтости обнаруживается въ тѣхъ его проповѣдяхъ, гдѣ онъ разсуждаетъ объ истиннахъ христіанской вѣры, отрывается отъ жизненной почвы и пускается въ философію, — когда онъ говоритъ, напр. о воскресеніи мертвыхъ, о милосердіи Божіемъ, о грѣхѣ, о мукахъ ада и т. д. Внѣ

(*). Проп. м. Стефана Яворскаго, I. 199.

болѣ сквозить готилетика І. Голятовскаго въ словахъ м. Стефана на дни святыхъ; предметомъ ихъ служить обыкновенно добродѣтель въ разныхъ ея видахъ. Также нужно замѣтить и о его панегирикахъ Петру В. Въ послѣднихъ, правда, отводится мѣсто такъ наз. гражданскому элементу, въ которыхъ ощущительнѣе и ораторскій талантъ проповѣдника, но—не въ большихъ размѣрахъ, между тѣмъ какъ въ то время современный слушатель нуждался въ подробномъ раскрытіи пользы начинаній и дѣйствій монарха, въ объясненіи его заслугъ для отечества, а не въ высокопарныхъ, безотчетныхъ восхваленіяхъ, не въ фигурахъ умалчиванія, къ которымъ не рѣдко прибѣгаетъ нашъ проповѣдникъ, касаясь словомъ или другаго событія изъ гражданской жизни Россіи, развивавшейся подъ исключительною ферилою государя. „Высокаго надобіе ума, высокихъ словесъ на похвалу высокопарнаго птенца“ (Петра), говорилъ м. Стефанъ въ 1709 г. по случаю полтавской побѣды. „Но что здѣсь словеса пользуют, идѣже кличъ, вопль и шумъ марсовый, военный скудоумнаго и косо-язычнаго глагольника заглушаютъ. Не риторскихъ здѣ гласовъ, но многорумныхъ пушекъ, литавровъ, трубъ и всея марсовой музыки требѣ есть на торжественную радость. Мало пользуют тамъ остроуміе и умъ острый, идѣже острое желѣзо триумфуетъ“ (*). „Многа суть, говоритъ Стефанъ въ другомъ мѣстѣ, яже ивъ запрещаютъ глаголати о преславныхъ величіяхъ (Петра); въ первыхъ мое недоуміе, таже высота дѣла, умъ и языкъ превосходящая, заграждаетъ уста и кротость побѣдителя сичевому лицу странна и необычна, но ваипаче запрещаетъ глаголати зависть побѣжденныхъ, которая яко сѣнь солнцу побѣдителямъ послѣдуетъ; убо азъ, косоязычный смѣ, умолчу, но каменіе возопіють, каменіе же не иное, только раз-

(*). Неизд. проповѣди м. Стефана. Приб. къ твор. св. оо. 1863 г., стр. 251.

рушенныхъ стѣвъ“ (*). Въ этомъ родѣ составлено большинство панегириковъ м. Стефана. Но и по нимъ съ достаточною ясностію обрисовывается могучая фигура преобразователя „великаго мужествомъ, крѣпостію, силою, великодушіемъ; великаго счастіемъ воинскимъ, всегда побѣдительнымъ“; Петръ—отецъ Россіи, для которой не падить труда; Петру не страшень огонь и мечъ непріятели, не страшны солдатскія лишенія и походная жизнь; овъ не нуждается въ тѣлохранителяхъ, потому что не боится измѣны; въ обращеніи съ простыми людьми овъ забываетъ свое величіе и снисходить вниманіемъ до послѣдняго бѣдняка; его умышленія качества и многостороннее образованіе заслуживаютъ удивленія (*). Защищая государя предъ народомъ, роптавшимъ на обременительную воинскую повинность и уклонявшимся отъ нея, м. Стефанъ старался успокоить недовольныхъ, доказать законность войны за правду, напоминалъ слушателямъ священно-историческіе факты въ подтвержденіе своихъ мыслей, ободрялъ воиновъ, объяснялъ имъ значеніе ихъ жертвъ на благо отечества, именемъ Божіимъ обѣщалъ имъ мученическіе вѣнцы на небѣ и безсмертную славу на землѣ. Заключилъ слово м. Стефанъ и въ пользу новой столицы, хотя замѣтно, и не понималъ надлежащимъ образомъ ея значенія для будущаго Россіи (*).—Панегирики по поводу преобразованія Петра внутри государства у м. Стефана находимъ не много, какъ потому, что митрополитъ не соответствовалъ имъ, такъ и потому, что важнѣйшія изъ нихъ начаты уже по смерти его, въ 20-хъ годахъ. Отгѣна патриаршества, уч-

(*). Проп. м. Стефана, III 168—9.

(*). Хр. Чт. 1867 г., II, 113—14; Проп. м. Стефана III, 178—9; II, 113—14. Краснорѣчивая проповѣдь съ остроумными ближеними сказана была м. Стефаномъ, по случаю вѣстіи Шансесбургъ, III, 161 и д.

(*). Неизд. проповѣди Стефана Изворскаго, Хр. Чт. 1867 г., II, 100—4.

реженье монастырскаго приказа, фискальство, обязательное брадобритіе, немецкое платье, ассамблеи—не нравились архипастырю и даже подвергались съ его стороны нареканію. Онъ былъ человекъ старый, консерваторъ по убѣжденіямъ и не имѣлъ исключительного-оптимистическаго взгляда на совершившіяся реформы. Хвалить же дѣла, которыя оратору не нравились, по официи—не легко. По неводѣ приходилось употреблять фразы и украшения, плохо характеризующія предметъ похвалы: хорошия стороны послѣдняго были скрыты для пастыря.

Слѣды схоластическаго образованія, сказали мы, у м. Стефана особенно явственны въ тѣхъ проповѣдяхъ, гдѣ онъ разсуждалъ на отвлеченныя темы. Напримеръ. Въ словѣ изъ текста „принято Духъ сватъ“ (*) ораторъ, не останавливаясь на мысли о внутреннемъ воздѣйствіи св. Духа на христіанина, беретъ на себя задачу показати, каковъ образъ сошествія св. Духа божіе прилчествуетъ тому или другому сословію его слушателей. Для этого онъ по симфоніи подыскиваетъ мѣста писанія, гдѣ говорится о сошествіи св. Духа, и разные виды его примѣняетъ, не останавливаясь ни предъ какими натяжками.— къ царю (образъ голубя, сошедшаго на Христа-показанника и живущаго на высотахъ), къ царицамъ и царевнамъ (образъ *осеница*, въ которомъ онѣ нуждаются даже для защиты отъ солнечныхъ лучей), къ боярамъ (образъ *вина*, возбужденнаго въ апостолахъ смѣлость и краснорѣчіе), къ воинамъ (видъ *огня*) и т. д. Въ другой проповѣди м. Стефанъ съ не меньшею искусственностію проводитъ параллель между рыбою и человекомъ, чтобы оправдать выборъ І. Христа, который взялъ своихъ апостоловъ изъ рыбаковъ и сдѣлалъ ихъ потомъ ловцами человеконъ. Подобій между человекомъ и рыбой у проповѣдника оказывается много; нѣкоторыя изъ нихъ естественны

(*) Въ неслѣдъ Пятидесятницы, 1, 163—79.

и удачны, но не всѣ; обпженіе рыбакаго хвоста съ послѣдней судьбой людей, которыхъ ожидаютъ смерть, страшный судъ, небо и адъ,—должно было вызвать у слушателей улыбку.—Въ пониманіи библейскихъ текстовъ и въ толкованіи ихъ проповѣдникъ нередко обнаруживаетъ произвольныя утекающія мнимо-тайственнаго ихъ смыслу, подозрѣвалъ въ простотѣ историческаго разсказа скрытое нравоучительное значеніе;—подражаніе латинско-польскимъ витіамъ. Развивая и расширяя мысль, что застарѣлый порокъ въ человекѣ трудно искореняется, м. Стефанъ говоритъ (*) „понимайте жеву лотова, глаголетъ Христосъ Спаситель: а что есть Лотъ? А, что есть жеву лотова? Лотъ есть духъ человеческъ, лотова жеву есть плоть сладоураствна. Лотъ, духъ человеческъ, скоро и легко исходитъ изъ Содома, испить не озирается; но жеву лотова, плоть сладоураствна, егда въ нечистой Содомѣ водворится и сквернодѣйствіе себѣ стажаетъ и возлюбить, о сколь трудно еѣ вывести оттуду! Аже же и на время изведется, пакы испить озирается оканнина и многожды возвращаетъ ся, аки поетъ на блевотинны свои: того раи и въ столпъ сланный озрѣвшуюся жеву измѣнилъ Богъ всемогущій. А для чего не въ столпъ каменный, не въ столпъ желѣзный, не въ столпъ мѣдннй? Видаете, ако соль рождаетъ жажду. Се убо вхате тайну, для чего жеву лотова измѣнилъ Богъ въ столпъ сланный. Хотѣли испить тѣмъ самими идолами устроити и научити, ако нечистота, въ сердцѣ человеческомъ вкорененная и застарѣлая, не насытна ести: всегда жажду терпяти не насытную“. — Вся эта аллегорическая паворама построена съ цѣлію занять слушателей, удивити ихъ остроуміемъ. Съ тою же цѣлію давалось много въ проповѣди у южно-русскихъ проповѣдниковъ басенъ, притчъ и анекдотовъ, въ которыхъ нередко было больше смѣшнаго чѣмъ нравоучительнаго; приводились

(*) Проп. м. Стефана 1, 112—113.

исторические факты сомнительного достоинства, не редко и примеры из древней мифологии. Стремление завлечь слушателя естественно по великим ораторам; жаль только, что латинско-польская гомилетика не выработала рациональных средств к тому, и угождая испорченному вкусу современного общества, опустила из виду серьезное, важное назначение проповеднического дѣла. Насколько погрѣшала южно-русская гомилетика противъ высокой задачи пастырскаго слова, видно изъ того, что она находила позволительнымъ на церковной кафедрѣ острить на счетъ слушателей, на счетъ собственной персоны оратора и даже—предмета проповѣди, предписывала театральность, драматичность въ изложеніи поученій, доходившую до крайностей. М. Стефанъ не былъ чуждъ всѣмъ указаннымъ недостаткамъ воспитавшей его гомилетики⁽¹⁾, требовавшей, въ существѣ дѣла, безусловнаго подчиненія содержания формѣ; а послѣдняя была опредѣлена до подробностей и по мелкимъ рубрикамъ. Безусловная привязанность къ этимъ рубрикамъ отнимала у слова его естественную простоту, не позволяла предмету рѣчи развертываться предъ слушателемъ такъ, какъ для него удобнѣе, «сообразно съ его природой», по выраженію Ф. Прокоповича. Ничѣмъ незамѣнимая жизненность слова утрачивалась настолько, насколько ораторъ держался формализма. Вотъ доказательство. М. Стефанъ, исключительно по способу сближенія, рекомендованному гомилетикой, «построилъ» четыре проповѣди на новый годъ въ похвалу Петра и Россіи, заимствовавъ содержаніе для нихъ изъ видѣній пр. Іезекіиля. Слова эти носятъ названіе торжественныхъ колесницъ. Изображеніе колесницы, видѣнной Іезекіилемъ проповѣдникъ прилагаетъ къ современной Россіи и находитъ въ ней всѣ части, изъ которыхъ ко-

⁽¹⁾ Проп. м. Стефана, II, 74; III, 53—5, 7; 9; I, 160; II, 138, 190, 74 и др. См. Рук. д. с. н. 1870 г. «Проповѣдничество при Петрѣ I Терновскаго».

лесница состояла. «Амвросій и Теофилактъ, говоритъ м. Стефанъ на новый 1703 г. и прочія съ ними чрезъ колесницу разумѣютъ бытіе царство, государство, а наипаче благочестивое, православное, идѣже подобіе сына человеческого, т. е. Христосъ Спаситель нашъ и хвала Его святая, благочестіе святое произжигаетъ и торжествуетъ и триумфы строитъ. Держуся я сего толкованія и триумфальною колесницею Іезекіилевую нареку тебе, преславная наша Россійская монархія, триумфанное царство московское»⁽¹⁾. Представляя слушателямъ животныхъ, движущихъ колесницу (Россію), проповѣдникъ продолжаетъ: «Зрите, во первыхъ, херувима, лице орла имущаго. Кто же не взираетъ орла высока быти птенца высокогнѣздища, высоколетающа, въ высокихъ пребывающа? Премудрости рачительница еллинская древность самому своему высочайшему богу Юстиниану орла посвятила и орломъ всегда Ювита своего изображала. А и у насъ православныхъ Возгество Христа Спасителя нашего орломъ изображается: *Въ началъ бы слово и слово бы къ Богу и Богъ бы слово*. Кто же то глаголетъ? Юаннъ св., котораго знаменіе орель аки бы хотя высоту Возгества Христова орломъ изобразитъ. Сіе знаменіе орла родственное есть высокой царекъ монарховъ нашихъ русійскихъ породѣ... Что царь, то орель въ высотѣ своей неудобоозримый, родъ святъ, племя Божіе, фамилія, начатокъ свой отъ самаго Бога имущая». Въ подтвержденіе этого м. Стефанъ указываетъ мѣсто изъ Апокалипсиса (19, 11—16) и посредствомъ толкованія вывести изъ него, что «царіе наша православныи орлы суть въ высотѣ родства и примѣтовъ царскихъ неостижими, племя Божіе, родъ святъ помазанниковъ Божіихъ. Здѣ убо меня вопросите (обращаетъ онъ къ слуш.), для чего то сія колесница Божія, сія триумфанная монархія, вознесена больше и больше, выше и

⁽¹⁾ Хр. Чт. 1867 г. ч. 3, стр. 419.

вышше, отъ славы въ славу, отъ побѣды въ побѣду? А я вамъ показуючи сего херувима, орлеа лице имущаго (Петра), воспоминаю предреченная словеса пр. Іезекіиля: *егда, шествоваху животная, шествоваху и колеса, егда возномахуся животная, возномахуся и колеса*⁽¹⁾. Подобнымъ образомъ и Стефанъ находитъ и прочихъ трехъ херувимовъ въ Россіи и, въ частности, въ одномъ Петрѣ. Въ словѣ на 1704 г., посвященномъ разсмотрѣнію того же видѣнія пр. Іезекіиля, онъ говоритъ о четырехъ колесахъ или четырехъ сословіяхъ государства: сановникахъ, помѣщикахъ, духовныхъ и податныхъ лицахъ, согласно движущихъ побѣдную колесницу⁽²⁾. Въ заключеніи проповѣдникъ обращаетъ вниманіе на славянскую букву, соответствующую цифрѣ 4, которую обозначаетъ данный новый годъ, и здѣсь видитъ доброе предзнаменованіе для Россіи. „Велию утѣху усматриваю, слышатеіе (говоритъ онъ) на сей годъ 4-й (1704). Въдате, яко 4-й годъ изобразуетъ литера Д: возложимъ убо на Бога надежду и упованіе, яко сему году, добрымъ изобразуемому, подастъ всякое доброе“, и далѣе указываетъ, что Малороссія присоединилась къ Москвѣ въ 1654 году, когда и пасхальная буква года была Д и пасхальная также Д⁽³⁾.

Двойственный характеръ проповѣдей и Стефана послужилъ причиною разногласныхъ сужденій относительно ихъ достоинства. Утверждать, что Стефанъ—завязатый схоластикъ, что въ его проповѣдяхъ нѣтъ жизни, ускользаетъ дѣйствительность⁽⁴⁾, по нашему мнѣнію, будетъ такою же крайностью, какъ и наоборотъ, игнорируя его схоластическіе недостатки, усвоить его проповѣдямъ слишкомъ много практичности. Изъ представленныхъ образцовъ достаточно видно, что и Стефанъ запатилъ дань и своему схоластическому

(1) Пров. и. Стефана III, 185—224.

(2) Провѣди и. Стефана III, 224.

(3) Оеофанъ Прокоповичъ и. его время, Чистовича, стр. 604.

образованію и шумной жизни петровскаго общества, въ которомъ онъ занималъ такое видное мѣсто. Какъ человекъ высокообразованный, онъ былъ сравнительно остороженъ въ выборѣ легендарныхъ украшеній рѣчи; созная неумѣстность въ проповѣди мивологическихъ сказаній, онъ замѣтно воздерживался и въ этомъ отношеніи⁽¹⁾ и избѣгалъ крайностей Фомы Млозяновскаго. Горячее сочувствіе дѣйствительности, живость ораторскихъ движеній, находчивость, остроуміе, разнообразіе въ пріемахъ—сообщаютъ его рѣчи много жизненности, а громадная начитанность и знаніе библіи придаютъ ей основательность и силу незаурядную. Окончательную реформу проповѣди въ смыслѣ ея освобожденія отъ схоластицизма и сближенія съ жизнью произвелъ Оеофанъ Прокоповичъ. М. Стефанъ, строгій блюститель іерархическихъ правъ и церковныхъ интересовъ, не всегда сходилса съ Петромъ въ взглядахъ и убѣжденіяхъ. Воздавая должное похвальнымъ подвигамъ монарха, проводя въ сознаніе волнуемаго народа мысль о неприкосновенности царской власти, онъ не закрывалъ глаза и предъ дурными сторонами реформы государства, указывая на нихъ безстрашною рукою. Велѣдтіе этого, не замедлила явиться холодность въ отношеніяхъ Петра къ митрополиту и на оборотъ. Стефанъ чаще и чаще сталъ сознавать, что его поприще въ качествѣ фактически—первенствующаго іерарха русской церкви кончалось, чаще и чаще высказывалъ желаніе удалиться въ свою епархію. Петръ сталъ некать себя другихъ образованныхъ сотрудниковъ изъ духовенства. „Подвизался одиноко на своемъ поприщѣ, говорить Сухомлиновъ, онъ зналъ, что очень не многіе понимали необходимость его начинаній, оскорблявшихъ убѣжденія и предразсудки большинства. Ему повиновались, во внутренно почти всё его осуждали; а онъ требовалъ не такого

(1) Провѣди и. Стефана II, 74.

повиновения; онъ желать, чтобы вся Россія по убѣжденію приобщилась къ его стремленіямъ, чтобы народъ пересталъ смотрѣть на его дѣло, какъ на личную прихоть, чтобы все поняли общую пользу его труда. Государь сталъ искать человека, который бы искренно и сознательно былъ преданъ ему, способенъ былъ бы вполнѣ понять его и говорить отъ его лица съ народомъ⁽¹⁾. Такого человека онъ нашелъ въ Ѳ. Прокоповичѣ. — Первымъ важнымъ шагомъ къ сближенію этихъ двухъ родственныхъ натуръ послужилъ панегирикъ Теофана по случаю полтавской побѣды, произнесенный въ Кіевѣ, въ присутствіи самого побѣдителя. Вызванный (въ 1715 г.) въ Петербургъ, Теофанъ черезъ годъ снова привѣтствовалъ государя по его возвращеніи изъ за границы. Не смотря на сопротивленіе почти всехъ русскихъ, видныхъ въ то время іерарховъ, Прокоповичъ скоро былъ посвященъ во епископа и сдѣлался правою рукою Петра. Въ званіи вице-президента св. Синода онъ de facto сталъ во главѣ церковнаго управленія; какъ государственннй человекъ, повѣренный монарха, онъ шелъ впереди всехъ, рядомъ съ реформаторомъ, писалъ проекты, издавалъ указы; какъ писатель, онъ былъ средоточіемъ литературы своей эпохи. Доверіе государя къ епископу росло со временемъ; ихъ сближеніе стало дружбою. Прокоповичъ весь отдавалъ идеѣ преобразованія. Въ защиту нововведеній онъ разсуждалъ: „аще бы и новое дѣло, что же самал новостъ вредитъ? Зло и старое зло есть, добро и новое добро есть... Разумный есть человекъ и народъ, который не стыдится принимать доброе отъ другихъ и чуждыхъ, безумный же и смѣха достойный, который своего и худаго отстать, чуждаго же и добраго принять не хочетъ“. „Существенную особенность Теофана (скажемъ опять словами г. Сухомлинова) составляетъ то, что онъ былъ реформаторомъ по призванію, по убѣжденію и по дѣятельности своей въ русскомъ обществѣ. Реформа составляетъ душу его писаній и дѣйствій, онъ былъ искреннимъ приверженцемъ и защитникомъ новаго порядка и также искренно и настойчиво возставалъ противъ стараго“. Свою задачу онъ видѣлъ въ томъ, чтобы помогать Петру, не щадя труда и усердія. „Нужно ли государю, говорить г. Чистовичъ, оправдать предъ народомъ и свѣтомъ свой поступокъ съ царевичемъ, отрѣшеннымъ отъ престола, и онъ поручаетъ Теофану написать „дравду воли монаршей“. Нужно ли оправдать отъѣздъ патриаршества и учрежденіе, вѣсто его, коллегіальнаго управленія, и онъ поручаетъ Теофану это оправданіе съ изъясненіемъ его законности изъ каноническихъ правилъ и древнихъ церковныхъ примѣровъ. Петру не нравился лицемеріе въ народъ, происходящее отъ невоинманія истиннаго христіанскаго благочестія, и Теофанъ пишетъ, по его порученію, книгу противъ лицемеріевъ. Государя занимаютъ раскольническія дѣла, и Теофанъ пишетъ одво за другимъ объявленія и увѣщанія къ раскольникамъ. Ни одной стороны его реформы, ни одного событія изъ его царствованія онъ не оставялъ безъ того, чтобы не изъяснить съ церковной кафедрѣ ихъ пользы и значенія“⁽²⁾. „Посвященный по всеи вѣдѣ Петра (продолжимъ словами Самарина), Прокоповичъ шелъ предъ нимъ, прочиняя ему дорогу. Задолго до каждаго дѣла новаго онъ готовилъ, склонялъ къ нему общественное мнѣніе, и когда дѣло совершалось, онъ его оправдывалъ, отвѣчая на все доходящія до него, возраженія. Оправданіе преобразованія—это главная и любимая тема проповѣдей Ѳ. Прокоповича, его задача, какъ оратора. Теофанъ хорошо зналъ направленіе умовъ, предрассудки и убѣжденія русскаго народа, вслушивался въ его толки и пи-

(1) Журн. Мин. Нар. Просв. 1869 г. «Ѳ. Прокоповичъ и его время»—кратк. замѣт. Сухомлинова.

линова) составляетъ то, что онъ былъ реформаторомъ по призванію, по убѣжденію и по дѣятельности своей въ русскомъ обществѣ. Реформа составляетъ душу его писаній и дѣйствій, онъ былъ искреннимъ приверженцемъ и защитникомъ новаго порядка и также искренно и настойчиво возставалъ противъ стараго“. Свою задачу онъ видѣлъ въ томъ, чтобы помогать Петру, не щадя труда и усердія. „Нужно ли государю, говорить г. Чистовичъ, оправдать предъ народомъ и свѣтомъ свой поступокъ съ царевичемъ, отрѣшеннымъ отъ престола, и онъ поручаетъ Теофану написать „дравду воли монаршей“. Нужно ли оправдать отъѣздъ патриаршества и учрежденіе, вѣсто его, коллегіальнаго управленія, и онъ поручаетъ Теофану это оправданіе съ изъясненіемъ его законности изъ каноническихъ правилъ и древнихъ церковныхъ примѣровъ. Петру не нравился лицемеріе въ народъ, происходящее отъ невоинманія истиннаго христіанскаго благочестія, и Теофанъ пишетъ, по его порученію, книгу противъ лицемеріевъ. Государя занимаютъ раскольническія дѣла, и Теофанъ пишетъ одво за другимъ объявленія и увѣщанія къ раскольникамъ. Ни одной стороны его реформы, ни одного событія изъ его царствованія онъ не оставялъ безъ того, чтобы не изъяснить съ церковной кафедрѣ ихъ пользы и значенія“⁽¹⁾. „Посвященный по всеи вѣдѣ Петра (продолжимъ словами Самарина), Прокоповичъ шелъ предъ нимъ, прочиняя ему дорогу. Задолго до каждаго дѣла новаго онъ готовилъ, склонялъ къ нему общественное мнѣніе, и когда дѣло совершалось, онъ его оправдывалъ, отвѣчая на все доходящія до него, возраженія. Оправданіе преобразованія—это главная и любимая тема проповѣдей Ѳ. Прокоповича, его задача, какъ оратора. Теофанъ хорошо зналъ направленіе умовъ, предрассудки и убѣжденія русскаго народа, вслушивался въ его толки и пи-

(1) Ѳ. Прокоповичъ и его время, 118—119.

чѣмъ не пренебрегалъ. Это давало ему возможность дѣйствовать на общественное мнѣніе и обращаться къ слушателямъ именно съ тѣмъ, чего требовали обстоятельства. Почти все проповѣди Теофана направлены противъ господствовавшихъ въ его время суевѣрій и предрассудковъ. Его дѣятельность во всѣхъ родахъ по преимуществу отрицательная, преобразовательная, выражалась въ проповѣдяхъ преобладаніемъ обличенія въ различныхъ видахъ, упрека, ироніи и самой язвительной сатиры¹⁾.

Выше было замѣчено, что Теофану принадлежитъ честь окончательной реформы проповѣди: онъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ къ ея освобожденію отъ схоластической отвлеченности и сблизилъ ее съ жизнью, съ нуждами слушателей, съ требованіями времени и обстоятельствъ. Борьба съ схоластикой у Теофана началась еще въ киевской коллегіи, когда онъ преподавалъ тамъ реторику. Его реформаторскія стремленія обнаружилась сразу по его вступленіи на педагогическую карьеру. Онъ вооружался противъ изобрѣтенія узаконеннаго числа доказательствъ по различнымъ рубрикамъ, противъ „распространенія словъ“, противъ „непріятной цвѣтливости“ въ соблюденіи риторическихъ мелочныхъ правилъ разныхъ „польскихъ казнодѣльщекъ“. На томъ основаніи, что современные Теофану проповѣдники, особенно увлекаясь *Th. Mladzianovskimъ*, въ которомъ тогдашняя западная гомилетика нашла себѣ одного изъ усерднѣйшихъ похвалителей и у котораго ея недостатки и крайности оказались очень рѣзко, Теофанъ особенное вниманіе обращаетъ на него и разбираетъ его до тонкости съ свойственными ему критическою ловкостью и ядовитой насмѣшкой⁽¹⁾. „Когда я вижу, говоритъ Теофанъ въ

⁽¹⁾ Трактатъ Теофана «О проповѣдяхъ польскаго Іезуита *Th. Mladzianovskago*» напечатанъ въ Тр. Киев. Акад. 1865 г. кн. 1. Онъ заимствованъ изъ 6 гл. Реторики Теофана. Кроме этой Реторики, проповѣди

своей Реторики, что многие чрезвычайно одобряютъ и похваляютъ *Mladzianovskago*, а молодые студенты кривоверѣшіи только его и ставятъ для себя образцомъ подражанія, и такіи образцы удаляются отъ истинной науки на путь погибельный, то считаю долгомъ кратко изложить то, что я о немъ думаю. Меня не смущаетъ то, что весьма многими не правится *Th. Mladzianovskimъ*, лишь бы и говорилъ правду“. Такъ какъ главное вниманіе латинско-польскихъ, а за ними и южно-русскихъ проповѣдниковъ, при составленіи проповѣди, обращалось не на серьезную сторону дѣла, не на содержаніе, а на мелочныя украшенія рѣчи, на изобрѣтеніе замысловатыхъ и смѣшныхъ анекдотовъ въ видахъ сообщенія интереса слову, то в критикѣ своей Теофанъ начинаетъ съ обличенія манеры дученныхъ хвастуновъ говорить что набуль удивительное, необыкновенное и неожиданное, выдумывать дурьесмы, по совершенно валихъ и смѣшныя уместованія, задаваться самими мелочными вопросами, задерживать слушателя нѣсколько времени безцѣльнымъ проповѣдью, важничать передъ ними иными глубоководіемъ и — въ результатѣ не сказать ничего — вѣдато, назидательство. На все это у Теофана преведены прѣзры, замечованіи изъ проповѣдей „достопоугоднаго отца *Mladzianovskago*“ и подобраніи на тотъ предметъ, чтобы доказать, что этотъ авторитетъ гомилетикъ здесь состоитъ изъ пустяковъ. Чтобы пересыпать солью свое сумасбродное пустословіе, говоритъ Теофанъ, проповѣдники постоянно и весьма дерзко шутятъ; все черное проповѣдники называютъ бѣлымъ и бѣлое чернымъ; шутками оскорбляютъ Бога, порочатъ Богородицу, безноуютъ ангеловъ, ивергаютъ хулу

ническая теорія Теофана изложена въ „*Prolegomena*“, въ его реч. съестенъ въ Регламентѣ — «О проповѣдникахъ слова Божіа» и въ особомъ трактатѣ: «Иже о дѣлѣ, о которыхъ духовный учитель черной христіанскому проповѣдате долженъ»

на святых..... измышляютъ безчисленное множество самыхъ вѣдкихъ и гадкихъ острогъ, гнилыхъ, вельныхъ шутокъ..... такъ что ихъ рѣчь нужно назвать, если не безуміемъ, то какъ нибудь иваче, а не краснорѣчіемъ⁴. На такое ораторство не слѣдовало бы обращать вниманіе, еслибы оно не было предно для людей, мало знакомыхъ съ риторической наукой. И къ чему ведутъ (спрашиваетъ Прокоповичъ) эти неумѣстныя шутки, побасенки, разглагольствія и другія безчисленныя выходы, не идущія ни къ предмету проповѣди, ни къ назиданію слушателей, не имѣющія ни смысла, ни значенія? Словами св. писанія Младзяновскій даетъ смѣшныя, сумасбродныя и большею частію неблагочестивыя толкованія и, для подтвержденія послѣднихъ, съ натакою приводитъ св. отцовъ. Если въ писаніяхъ отеческихъ увидить что набудь, повидимому, подходящее къ его остроумишкѣ, то постоянно извращаетъ, и съ такимъ насиліемъ прилаживаетъ къ своему пустословію, что человѣкъ незнакомый съ отеческими твореніями можетъ заподозрить самихъ святыхъ отцовъ въ не меньшихъ вельпостяхъ⁵. Еслибы Младзяновскій самъ получше ознакомился съ святоотеческими твореніями, онъ получилъ бы другой взглядъ на церковную проповѣдь, не украшалъ бы своего краснорѣчія дерзкими и ваглными, нечистыми и срамными шутками, — всего этого нѣтъ и слѣдовъ въ произведеніяхъ лучшихъ церковныхъ витій: Иоанна Златоустаго, Василія Великаго, Григорія Назіанзена, Іеронима и др., а если и есть «вѣтчо сказанное шуточиво, то далеко въ иночь смыслъ и весьма рѣдко». И краснорѣчіе Младзяновскаго благосклонно «принимается безсмысленною толпою, о глупость вашего вѣка, которую никогда нельзя оплакать никакими слезами! Не столько меня печалитъ то, что такъ низко валь одинъ человѣкъ, обольщенный пустѣйшими блескомъ своего умишка, сколько то, что оставилъ по себѣ много подражателей, почитателей и послѣдователей своего заблужденія.— Видать въ немъ какое-то искусство, а не образчикъ ве-

личайшаго невѣжества! Но скажите, есть ли что нибудь серьезное и дѣльное у этого критика пустословія? Есть ли въ немъ хоть тѣнь ораторской опытности? Гдѣ наука составлять приступы, изобрѣтеныя и преданныя столѣтими ученѣйшими наставниками древнихъ и новѣйшими? Гдѣ здравыя доказательства? Гдѣ движенія душевныя? Гдѣ необходимѣйшія въ священныхъ рѣчахъ заключенія? Гдѣ структура жѣрвой рѣчи? Гдѣ украшеніе, блескъ, остроуміе, сила, важность, плавность? Гдѣ энергія, гдѣ тажелоушность мислей, гдѣ единство частей?... Что сказать о павыгирѣвахъ, гдѣ въ безпрерывномъ теченіи рѣчи десять разъ или болѣе повторяются одни и тѣже слова, разбавленныя смѣшными разсужденіями?... Что такое простобыкая рѣчь, это не приходило ему (Младзяновскому) на умъ, потому что и самые печальнѣе предметы, напр. страданія Христова, не отвлекаютъ у него шутливости. Если это краснорѣчіе, то пусть покажетъ намъ добрый господинъ Младзяновскій, у какихъ авторовъ онъ научился этимъ правиламъ, какими авторитетами оно одобрено? И однако Младзяновскій видимо валь говорить о себѣ съ достоинствомъ, валь правится себѣ, торжествуетъ. Вы, юноши, студенты истиннаго краснорѣчія, обращаете Феоданъ къ ученикамъ, помните то, что сказано въ первыхъ двухъ главахъ этой книги (*), и наблюдайте, ораторствовали ли такъ кто нибудь изъ древнихъ и если ораторствовали, то правель ли какую либо пользу для человечества? Пользовался ли когда нибудь уваженіемъ, авторитетомъ, честью?— Это сказано мною не по нечистотѣ человеческой, потому что я умѣю уважать добродѣтель и во врагѣ... но когда я вижу, что Младзяновскій многими принимается съ восторгомъ и потому приравнивается бошкой предъ краснорѣчію и даже государству и религіи, я

(* Lib. 1, Cap. 1 De laudibus eloquentiar. Cap. 2, De eloquentie utilitate.

рѣшился подвергнуть пресѣдованію эту заризу въ лицѣ ея виновника". — Такъ бичеваль Прокоповичъ латинско-польскую гомилетику. Въ другомъ мѣстѣ своей Реторики (*) онъ нападаетъ на ея поклонниковъ—южнорусскихъ витій. Высказавъ и доказавъ ссылками на святоотеческія творенія ту мысль, что проповѣдь можетъ и должна быть ораторскою рѣчью, что ея отдѣлка и красота совсѣмъ не оскорбительны для священнаго предмета, раскрытіемъ котораго она занимается, Теофанъ, какъ и въ полемикѣ противъ Ѳ. Младзяновскаго, вооружается противъ обычая южнорусскихъ церковныхъ ораторовъ переносить свою рѣчь неумѣстными шутками и остротами, указываетъ, какъ на образецъ подражанія, на І. Христа, который и въ обыденной жизни не смѣялся, а чаще плакалъ и провозвѣщалъ горе смѣющимся", указываетъ, потомъ, на непререкаемый авторитетъ въ христ. краснорѣчьи, на св. І. Златоустаго и напоминаетъ его сильныя обличенія неумѣстной шутливости (6 бес. на 2 гл. Мѣ.; 17 бес. на 5 гл. посл. къ Ефес. 15 бес. на 9 гл. къ Евр.). Если шутки и позволительны, если ихъ и употребляли сами св. отцы, то кетать, „благопристойно" и неизбежно, по особеннымъ требованіямъ обстоятельствъ (Григорій Назіанзенъ смѣется въ проповѣдяхъ надъ Юліаномъ; І. Златоустъ—надъ элэгіями Ливанія, надъ гордостью богачей, надъ роскошью женщинъ), и шутки эти были умѣренны, никогда не выходили изъ границъ приличія, требуемаго важностью церковнаго слова. Менѣе всего могутъ служить предметомъ шутливости св. писаніе и лица святыхъ.—Чтобы дополнить новыми чертами содержаніе отрицательной части гомилетической теоріи Ѳ. Прокоповича, мы обратимся къ его „Дух. Регламенту", гдѣ онъ посвящаетъ сужденію о проповѣди особенную главу: „О проповѣдникахъ слова

(*) De arte rhetorica, lib. IX; De sacra eloquentia. См. также предисловіе к гл. 1.

Божіа". Тонъ рѣчи здѣсь, по мѣстамъ итеснѣннѣйшій, теряетъ свой полемическій характеръ, отличается умѣренностью, — законодательный. Поставивъ главнымъ условіемъ умѣнья проповѣдывать образованіе пастырей церкви, ихъ знакомство съ св. писаніемъ, Теофанъ даетъ будущимъ проповѣдникамъ такіа предостереженія, полныя практическаго значенія. О грѣхахъ въ обществѣ говорить, но не называть по имени согрѣшившаго, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ былъ уже опубликованъ отъ всей церкви. Даже когда пронесется о комъ либо недобрый слухъ, и тогда проповѣдникъ долженъ молчать о грѣхѣ, такъ какъ при воспоминаніи о немъ, хотя бы имя виновнаго и не произносилось, слушатели прямо отнесутъ обвиненіе къ нему, слѣдствіемъ чего у обличаемаго можетъ явиться желаніе не исправиться, а отомстить проповѣднику. Тяжкій грѣхъ, явно совершенный гордымъ грѣшникомъ, съ презрѣніемъ закона Божіа, прилично наказывать епископу, а не пресвитеру. Оттого наказанія заслуживаютъ тѣ изъ проповѣдниковъ, которые позволяютъ себѣ мстить своимъ обидчикамъ, пятнать ихъ репутацію, хотя бы и анонимно. Не прилично проповѣднику, особенно молодому, обличать слушателей властно и въ обличеніи выгораживать себя. Не позволительно гордиться предъ наставою успѣхомъ слова и унывать, когда оно не дало ожидаемыхъ результатовъ: дѣло проповѣдника—учить, а обращеніе сердець къ добру—дѣло Божіе. Самоуничижаться относительно успѣха собственнаго слова также не нужно въ обществѣ: это поведетъ къ комплементарамъ.—Въ соединеніи съ тѣмъ, что было приведено выше изъ соч. Теофана „De arte rhetorica", наставленія Регламента представляютъ довольно подробное и точное указаніе недостатковъ, какіе видѣлъ Прокоповичъ у современныхъ ему проповѣдниковъ южнорусскаго образованія, и отъ которыхъ онъ хотѣлъ предостеречь студентовъ кievской академіи и будущихъ пастырей—учителей на сѣверѣ Россіи.—Со стороны содержанія, очевидно, Прокоповичъ нахо-

диль современную ему проповѣдь совершенно недостаточною, неотвѣчающею своей прямой задачѣ—учить и назидать слушателей. Ратуя против шуток и остротъ, Теофанъ указывалъ на существеннѣйшую ошибку латино-польскихъ и южно-русскихъ витій—будто этими дешовыми украшеніями можно замѣнить суть дѣла. Не надѣясь на собственную вліятельность и желая устранить всякія подозрѣнія насчетъ пристрастности своихъ сужденій, Теофанъ ссылается на древніе, давно призванные всѣми авторитеты церковнаго и свѣтскаго краснорѣчія и у нихъ ищетъ суда надъ схоластикомъ—Давалъ положительныя правила гоиметики, Прокоповичъ находилъ возможнымъ и удобнымъ употреблять въ проповѣди всѣ роды краснорѣчія (изъяснительный, совѣщательный и судебный), разграниченныя и указанныя классической риторикой, не исключая судебного (который у его предшественниковъ не имѣлъ гоиметическаго прилженія), на томъ основанія, что проповѣднику иногда приходится брать на себя обязанности судьи, карать или миловать грѣшника. Вопросъ о томъ, можетъ ли проповѣдникъ, врачъ и отецъ своей паствы по призванію, подражатель І. Христа, кроткаго и милующаго—употреблять прещенія и проклатія противъ тяжкихъ грѣшниковъ, напр. еретиковъ—этотъ вопросъ Теофанъ разрѣшалъ утвердительно, опираясь также на примѣръ Спасителя, грозно обличавшаго фарисеевъ, саддукеевъ и книжниковъ и изгонявшаго торжниковъ изъ храма. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Теофанъ рекомендуетъ и насмѣшку. „Нужно знать, говоритъ онъ, что не всѣ грѣхи можно искоренять одинаково или жаркимъ порицаніемъ, или насмѣшливою рѣчию; но для иныхъ одно, для другихъ другое лучше. На роскошь, промшу, на нападѣй шутками; такимъ средствомъ болѣе распалишь, нежели погасишь этотъ пламень. Такого соображенія не имѣютъ, или пренебрегаютъ имъ тѣ, которые много и неприлично смѣются надъ похотливыми, или блудниками. Чего они достигаютъ, это мож-

но видѣть на слушателяхъ. Замѣтно, что если кто изъ зараженныхъ этою болѣзнію присутствуетъ при проповѣди, то онъ такъ жадно слушаетъ, что, кажется, принимаетъ ее на свой счетъ и первый отъ нея бѣжить. Гордость, напротивъ, болѣе возрастаетъ, если поднимешь противъ нея войну, человекъ торжествуетъ, когда видитъ, что на борьбу съ нимъ требуются великія силы. Думается, поэтому, что противъ роскоши нужно призывать громы гнѣва Божія, суда, смерти, адекаго огня, а гордость слѣдуетъ поражать презрѣніемъ, шутками и ѣдкимъ смѣхомъ“ (*). Ниже, когда дѣло коснется практическаго употребленія Теофаномъ этихъ и подобныхъ правилъ его теории, мы увидимъ, какъ ловко онъ пользовался, своимъ знаніемъ человѣческаго сердца, какъ удачно подмѣчалъ слабыя стороны извѣстныхъ ему лицъ, какъ язвительно смѣялся надъ невѣжественною увѣренностію и гордостью раскольниковъ, какъ умѣлъ защитить, что ему нравилось и увизить то, къ чему не лежали его симпатіи.—„Совѣщательный родъ церковнаго краснорѣчія, говоритъ Прокоповичъ, содержитъ въ себѣ доказательства и убѣжденія слѣдовать добродѣтели и убѣгать пороковъ, или, что тоже, совѣщательный родъ краснорѣчія составляетъ нравственная проповѣдь“. Средства убѣжденія здѣсь могутъ быть раздѣлены на два разряда: одни изъ нихъ заисствуются изъ соображеній о благодати, милосердіи, благодати Божіей другія вытекаютъ изъ мысли о правосудіи и наказаніи. Первыя увлекаютъ, вторыя побуждаютъ. Что удобнѣе ставить въ проповѣди на первомъ планѣ, рѣшить трудно: не наука, а благодать Божія даетъ успѣхъ слову; но можно все-таки совѣтывать, на основаніи опыта, что побужденіе лучше ставить на первомъ мѣстѣ, а потомъ привлеченіе; грѣшникъ, въ которомъ возбуждено раскаяніе черезъ чувство страха, не отплевѣтъ, не придетъ

(* De arte rhetorica, lib. IX, c. 3.

въотчаяніе, когда въ контрастѣ съ картиною грознаго суда Возія, передъ нимъ распроехается неизмѣримая пучина Божественнаго милосердія. Чтобы слушатель не потерялъ чувствительности къ угрозамъ, не нужно „долго гремять“, — страхъ отъ привычки ослабѣваетъ. „Поэтому нужно тщательно разнообразить предметы проповѣди и брать доводы то радостные, то печальные, то полные страха и опасности, то вроткіе“⁽¹⁾. Чтобы слово нравственнаго назиданія имѣло вѣсь и не давало слушателю возможности самооправданія, чтобы слушатели не ласкали себя въ некоторымъ извиненіями⁽²⁾, проповѣдникъ долженъ войти самъ въ положеніе наставляемаго, глубокимъ анализомъ изслѣдовать его душевные изгибы и отсюда вывести пригодное орудіе борьбы противъ извѣстнаго недуга и указать способъ освобожденія отъ него. Для этого не достаточно опытности и проницательности одного лица; необходимо читать произведенія мудрыхъ людей, каковы, напр., Кассіанъ, Іоаннъ Лѣтвичникъ, а также Сенека, Эпиктетъ и другіе, которые, если читаются съ умѣренностью и благоумною осторожностью много могутъ принести пользы⁽³⁾. — Третій родъ церковнаго краснорѣчія — изъяснительной. Къ нему относятся проповѣди на праздни- ки господскіе, богородичныя и свитыхъ. Трактаты о проповѣдяхъ этого рода полны подробныхъ наставленій — какъ писать слова на тотъ или другой день года, посвященный памяти того или другой событія, или святого. Главный совѣтъ проповѣднику — строго держаться избраннаго предмета, не смѣшивать его съ другими, не распыляться. Въ каждомъ святомъ прилично восхвалять ту его добродѣтель, которою онъ особенно прославился, не касаясь всѣхъ его достоинствъ; иначе онъ обезличивается въ глазахъ слушателей, его нравственный образъ не можетъ стать особнякомъ въ ихъ

(1) Ibid. cap. 4.

(2) Ibid. cap. 5.

головѣ, а потому и назиданіе отъ него скоро забывается. Эта мысль, очевидно, противопоставлена была укореившемуся ко времени Теофана обычаю проповѣдниковъ — хвалить, такъ ужь хвалить, порицать, такъ порицать. Въ силу такого обычая, въ словахъ на дни свитыхъ, надгробныхъ и вообще павлирикахъ собирались всевозможныя похвалы въ честь извѣстнаго лица, — восхвалялись его происхожденіе, имя, фамилія, ростъ, даже день его рожденія, при чемъ физиономіи восхваляемыхъ оказывались до того схожими, что одна и таже проповѣдь могла быть, съ ничтожными измѣненіями, произнесена въ честь разныхъ лицъ. — О внѣшнемъ построеніи проповѣди Теофанъ ничего, или почти ничего не говоритъ. Это и понятно. Главную цѣль Прокоповичъ давалъ содержанію, а не формѣ проповѣди. Расположеніе матеріи⁽⁴⁾ у него самаго главнымъ образомъ зависѣло отъ свойства разсматриваемаго предмета, а не отъ заранее намѣченныхъ рубрикъ; онъ не имѣлъ, поэтому, нужды давать наставленія тамъ, гдѣ гомилетика опередила его: она изобиловала всевозможными правилами относительно темъ, преступовъ, паррацій и т. п. Прокоповичу пришлось замолвить слово даже противъ излишней ревности въ употребленіи всѣхъ этихъ гомилетическихъ правилъ на практикѣ. Вотъ что онъ говоритъ, напр. о темѣ „Подъ теми въ свитенныхъ проповѣдяхъ разумѣются въкоторыя слова, вятія изъ св. писанія и приставленныя къ рѣчи, какъ бы въкоторыя надписи, или титулы, изъ смысла которыхъ проповѣдникъ выводитъ свое предложеніе, которое потомъ и утверждается. У древнихъ отцовъ они рѣдко находятся, у новѣйшихъ же такъ строго соблюдаютъся, что опущеніе темы многіе считаютъ дѣломъ нерелигіознымъ“. — Сдѣлавъ предположеніе, что въ его время обязательное употребленіе темы могло развиться изъ подражанія въкоторымъ отцамъ, выводившимъ иногда въ своихъ проповѣдяхъ нравственные уроки изъ текстовъ св. писанія, удачно впрочемъ выбранныхъ и принаровленныхъ къ дѣлу, Теофанъ продолжаетъ, что

это дѣло иногда полезное и пригодное, стало (вѣдѣствіе неразумнаго къ нему отношенія) „вреднымъ какъ ораторамъ, такъ и слушателямъ: послѣднимъ потому, что они внимательно слушаютъ только тему и послѣ нея, какъ будто понявши всю проповѣдь, выходятъ изъ храма, или другое что дѣлаютъ, а первымъ потому, что что они (излишне) заботятся объ этой темѣ и надъ изобрѣтеніемъ ея утруждаютъ себя и большею частію схватываютъ слабую“ (1). Тему Теофанъ допускаетъ только для проповѣдей съ содержаніемъ изъ воскресныхъ евангелій; въ похвальныхъ словахъ събѣтуетъ ее опускать; а ужъ если подчиняться „общему обычаю“, разсуждаетъ онъ, то слѣдуетъ подчиняться разумно, осмысленно, — „изобрѣтать такую тему, отъ которой бы зависѣли не частички причины, а вся причина“. — Даже въ Регламентѣ, гдѣ, кажется, величше было бы коснуться вышней стороны церковнаго слова, такъ какъ правила его преимущественно назначались для „неискусныхъ“ священниковъ, Теофанъ разсуждаетъ только о содержаніи проповѣдей. Правда 6-е правило обязуетъ проповѣдника прилежно читать книги св. І. Златоустаго, „ибо тако (онъ) приобучится складать чистѣйшее и истиннѣе слово, хотя и не будетъ Златоустому равное“ и запрещаетъ читать „казноденшектъ легкомысленныхъ, каковыя наипаче польскіе бывають“, но это только не большой намекъ на вышнюю сторону проповѣди.

Не трудно замѣтить, что въ главныхъ своихъ чертахъ гомилетическая теорія Прокоповича составляетъ собою примѣненіе общихъ реторическихъ правилъ къ церковной проповѣди; — это положительная ея часть, а отрицательная состоитъ изъ полемики противъ южно-русской гомилетики, полемики рѣзкой по тону и выраженіямъ, авторитетной по содержанію. — Но важнѣйшая заслуга Теофана — въ томъ, что свою теорію

онъ блистательно примѣнилъ и, такъ сказать, защитилъ на практикѣ. Собственно здѣсь-то она и развита у него до подробностей, здѣсь-то и высказались ея несомнѣнно-хорошія стороны, которыхъ не могли не признать лучшіе изъ современниковъ; она и образовала изъ себя вскорѣ особую школу проповѣдниковъ — подражателей Теофана Прокоповича. Печать глубокаго, аналитическаго ума и недюжиннаго ораторскаго таланта лежитъ на всѣхъ проповѣдяхъ Теофана, говоренныхъ въ Кіевѣ и Петербургѣ, но типичнѣйшими изъ нихъ служатъ тѣ, которыя произнесены были въ новой столицѣ Россіи. Слова: о богатѣ и Лазарѣ, о любви къ Богу, о почитаніи иконы, въ день св. апостоловъ Петра и Павла, въ день великомученицы Евтеревны, о страстяхъ Христовыхъ — отличаются солидностью доказательствъ, логичностью мыслей, полнотою и обширностью взгляда на предметъ, ловкими оборотами рѣчи, пропорціональностью въ частяхъ, неотразимою силою убѣжденія въ цѣломъ; но немногія изъ нихъ могутъ похвалиться задуманностью оратора, теплотою его чувства, возбужденнаго ревностью по Богу (что прежде всего обращаетъ на себя вниманіе напр. у Дмитрія Ростовскаго и Стефана Яворскаго); нельзя сказать, чтобы въ нихъ вылилась вся мощная и страстная натура проповѣдника, какою она является потомъ въ позднѣйшихъ его словахъ, сказанныхъ на защиту горячо любимаго монарха и всѣхъ его дѣйствій. — Какъ лицо духовное и какъ церковный ораторъ, Теофанъ въ своихъ поученіяхъ старался смотрѣть на подвиги и преобразования Петра съ библейско-церковной точки зрѣнія и въ этомъ духѣ говорить о нихъ съ народомъ, защищая и восхваляя начинанія государя, выясняя ихъ важность и пользу для Россіи; все же въ нихъ много такъ называемаго политическаго или гражданскаго элемента, составляющаго ихъ характерный призывъ. Всѣ важнѣйшія событія царствованія Петра В., отъ полтавской побѣды до кончины государя, были предметами,

воодушевлявшими сердце, умъ и воображеніе Теофана; лучшая, дестная сторона эпохи сполна отразилась въ его словѣ, полномъ жизни и ораторскаго вдохновенія. Потокъ краснорѣчія на похвалу Петра у него кажется неистощимымъ; слушатель невольно долженъ былъ увлекаться этимъ потокомъ, имѣя предъ собою красивое, выразительное лицо талантливаго проповѣдника, обладавшаго рѣдкою способностью произношенія. Тако продолжались радости твои, тако славы твоя умножась Богъ, о Россіи! „Прославимъ убо прославившаго насъ, благодаримъ обрадовавшему насъ: его дѣла есть флотъ российской. Его благословеніе есть толикая сила и толикіе плоды флота российскаго. Онъ смотрѣнъ своимъ навелъ очи монаршіе на презрѣнный ботикъ, Онъ царское сердце зажегъ къ архитектурѣ корабельной. Онъ, предопредѣляя Россіи возвращеніе и полученіе новыхъ приморскихъ странъ, предварилъ ю благословеніемъ своимъ, сильну же и дѣйственну на морѣ сотворилъ, вооруживъ флотомъ и толикими умцдривъ побѣдами. Благословенъ Богъ нашъ, изволивый тако. Буди имя Господне благословенно отнынь и до вѣка!“ Въ словѣ по случаю полтавской побѣды (*) проповѣдникъ не опустилъ ни одного мотива для похвалы блистательной побѣды и ея виновника. Съ одной стороны онъ выставляетъ силу, богатство, храбрость и гордость врага, съ другой—неудобства, тяжелое положеніе Россіи и неожиданную измѣну Мазены—все шансы, заставлявшіе страшиться сильнаго неприятеля, уже показавшаго свое превосходство въ прежнихъ сраженіяхъ. Въ этомъ контрастѣ и заключается сила панегирика несокрушимаго Петру, въ ра котораго въ лучшую будущность Россіи не ослабѣла послѣ горькихъ потерь и неудачъ и съ пророческой надеждой сформировала новую армию съ новой артиллеріей: „Господь сила, сокрушай брани мышцею вѣ-

*) Слово и рѣчи О. Прокоповича, 1, 443—652, изданъ Моск.

сокою, поборствуе тебѣ, обращался ораторъ къ торжествовавшему монарху.— устранишася отъ гласа грома твоего, бѣжать отъ лица твоего ненавидящій тебѣ“... „Научитесь паденіемъ сего неблагодарнаго, вси непослушнн господемъ и неблагодарнн благодѣлемъ своимъ (говорилъ онъ далѣе, имѣя въ виду измѣнника Мазену), зрите явъ обывшее прещеніе Божіе, уети премудраго Соломона върченное: *неблагодарнаго упованіе яко земли и сей, растатъ и изліетъ, яко вода исключима*. И нашь намъ праличествуетъ, глаголати: услышите сіа вси языци и цокоритесь, яко съ нами Богъ! Поимъ Господеви, славо бо прославися! Велий Господь нашъ и велиа крѣпость Его... Десница Твоя, Господи, прославися въ крѣпости, десная Твоя рука сокруши враги и множествомъ славы Твоея стерлъ вси супостаты. Господи, силою Твоею возвеселится царь и о спасеніи Твоемъ возрадуется дѣло“... Богъ гдѣ явилась вся душа Теофана, восхищеннаго славнымъ торжествомъ русскаго царя. И это восхищеніе не нуждалось въ схоластическихъ блестяхъ, облакаясь въ церковные покровы, единственно приличную одежду проповѣдническихъ чувствъ. — Встрѣчалъ государя, вернувшагося изъ-за гравитца, Теофанъ произнесъ другой замѣчательный панегирикъ, посвященный на этотъ разъ просвѣдательнаму распоряженію Петра и раскрывая благотельныя послѣдствія для Россіи отъ ея сношеній съ иностранцами. Петръ былъ центромъ русской жизни, въ которой заструился, благодаря ему, новый духъ. „Кто наипервѣ потщалея необоримыми регулярными крѣпостями оградить царство российское? Петръ I. Кто избобрѣ только крѣпкое и удобное расположеніе мѣста къ населенію сего царственнаго града? Петръ I. Кто его украсилъ многосозидаемыми архитектурными многокрасными зданіями? Петръ I. Пристанце ли въ немъ флота воинскаго и купеческаго, пристанище врагомъ страшное, другу пріятное, иностраннмъ желанное, своимъ отечественнмъ возжеланное, кто устроилъ? Петръ I. Флотъ

та ли російскаго дивнаго устроенія кто изобрѣтатель? Петръ I. Кто многоприбыльное сокровищамъ царственнымъ на земли и на морѣ водить купечество? Петръ I. Различныя хитрости, инженерство, корабельное дѣло, архитектуру и нынѣ мастерства кто насади въ земли російской? Петръ I. Уставы и законы правосудія кто чинитъ содѣла? Петръ I. Правду исполнити всаку, неправду же искоренити кто тщится? Петръ I... Таковъ есть трудъ, толикъ подвиговъ, толико есть тщаніе самодержца твоего, Россіе. Самъ тщится во всемъ всегда о твоей пользѣ. Тщится глава царства, да всѣ прочіи члены въ цѣлости своей поживутъ бездѣдно; тщится храбрый вождь, да воинство его въ побѣдахъ не изнеможеть; тщится воинъ, да отечество сохранить отъ врагъ ненавѣтвано и неразрушимо; тщится правильный и законный обладатель и наслѣдникъ, да наслѣдное достояніе его не точію по восхищеніи отъ неприятеля да возвратится, но притомъ наипаче расширится, умножится и распространится; тщится единою породивъ Россію въ храбрость оружія, силы и славы, и еще отродити въ свѣтъ премудрѣйшихъ ученыхъ и уже породилъ есть (*). Подобное же слово было произнесено и послѣ другаго путешествія Петра за границу. То и другое научало здраво смотрѣть на эти поѣздки „за море“ и разрушало опасныя предубѣжденія противъ нихъ. Между многими обвиненіями, какія взводились на государя со стороны расколниковъ, немаловажно было то, что онъ дружилъ съ нѣмцами, потерялъ любовь къ святой Руси, гналъ православіе, вводилъ еретическія новизны и вообще непохожъ былъ на царя благочестиваго. Здѣсь коренилось сомнѣніе народа, поддерживаемое расколомъ, — законный ли наслѣдникъ престола Петръ? Зачѣмъ онъ назвался императоромъ? Не антихристъ ли онъ? Последній вопросъ былъ заключительнымъ въ ряду безпокой-

(*) Тамъ же, I, 180—81.

ныхъ размышленій о нѣмцѣ — императорѣ; время отъ времени онъ (вопросъ) больше и больше приближался къ положительному рѣшенію, — что Петръ дѣйствительно антихристъ и признаки на то есть. Признаки находили различныя Талиціе. — Похитили сердце его (Петрово) чужія страны, — говорилъ Прокоповичъ въ объясненіе дружбы Петра съ иностранцами, — такъ ему не побывати возмнилоса равнѣ, аки бы и отнюдь не быть въ мірѣ семъ; не видѣти и не научитиса дѣйствіемъ математическихкихъ, искусствъ физическихкихъ, правиль политическихкихъ, и извѣстѣйшія къ тому гражданскія, военскія и корабельныя архитектуры: тѣхъ и прочіихъ ученій не переизити и аки дражайшихъ товаровъ не вывезити въ Россію, равнѣ, аки бы и не жити судилося ему. Жалостно было отлучитиса отечества и дому, матери своей благоутробнѣйшей и любезнѣйшей. Отлучилса! Тяжело было поднати на тѣло юношеское неспокойство и безгодія, еще же бѣдствія дорожнія. Поднял! Трудно было пребыти препатія, ово тайная и лестная, ово же явная. Пребылъ! Такъ охотно избѣгъ отечества ради отечества, какъ бы другой уходилъ изъ плѣва и неволн: такъ къ трудамъ спѣшилъ, какъ бы кто къ царствованію... И мало ли тщаніемъ своимъ сдѣлалъ? Что ни видимъ цвѣтущее, а прежде сего намъ и невѣдомое, не все ли то его заводы? Если на самое малѣйшее нѣчто, честное же и нужное посмотримъ, на чиннѣйшее, глаголю, дѣланіе, и въ дружествѣ обхожденіе... и прочія благоприятная обычаи, не исповѣмы ли, что и сего Петръ насъ научилъ? И чимъ мы прежде хвалилися, того нынѣ стыдимся. Что же реши о ариометикѣ, геометріи и прочіихъ математическихкихъ искусствахъ, которымъ нынѣ дѣти російскія съ охотою учатся съ радостію навикаютъ, и полученная показуютъ съ похвалою: тая прежде были ли? Не вѣдаю, во всемъ государствѣ былъ ли хотя одинъ циркликъ, а прочаго орудія и именъ не слыхано: а если бы гдѣ нѣкое явилоса ариометическое или геометрическое дѣйствіе,

то тогда волшебством нарицано. Что о архитектурѣ речежь? Какое было и каковое нынѣ видимъ строеніе? Было таковое, которое насилу крайней нужды служило, насилу отъ воздушной противности, отъ дожда, вѣтра и мраза охранити могло: а нынѣшнее, сверхъ всякаго изряднѣйшаго угодія, красотою и веледѣніемъ сѣбѣзается. Что еще и о воинской и о корабельной архитектурѣ? Того у насъ прежде и живописцы правильно изобразити не могли. Но тако по едину дѣла Петрова исчисляя никогда конца не дойдемъ: лучше все двѣма силами оглавити, которыхъ себѣ отъ государей своихъ всякій народъ требуетъ. Сія же суть—народная польза и безпечаліе^(*). И далѣ проповѣдникъ указываеъ, что именно сдѣлано государемъ для безопасности и безпечалія Россіи^(*).—14 февраля 1721 г. Прокоповичъ являеъ на кафедрѣ съ словомъ по поводу открытія св. Синода. Выхода изъ текста: *избрахъ васъ и положихъ, да вы идете и плодъ принесете и плодъ вашъ пребудетъ*, проповѣдникъ уясняеъ новоучрежденному правительству его обязанность распространять христіанское просвѣщеніе, искоренить вредныя предубѣжденія и суевѣрія въ народѣ. Дѣла св. Синоду въ этомъ отношеніи предстояло много. Народъ не ощущалъ даже потребности образованія и недоверчиво смотрѣлъ на самую проповѣдь; духовенство или благодушествовало безпечно, или невѣжественно богословствовало, прибавляя къ ереси новую ересь. Какой пользы нужно было ждать отъ Синода? Этотъ вопросъ естественно возникалъ въ умѣ всякаго кто интересовался хотя немного общественными дѣлами. Но онъ кажется Прокоповичу страннымъ. Кто спрашиваетъ такъ, тотъ, по его мнѣнію, „не видитъ, или видѣти не хочетъ, каковую нищету и бѣдство страждетъ христіанскій народъ, когда нѣтъ духовнаго ученія и правленія. Но, о оказавшихъ времяя нашихъ! (раздра-

(*) Тамъ же, II, 135 и дал.

жительно восклицаетъ проповѣдникъ). Суть, и мнози суть, которые всепагубнымъ безпечаліемъ—ученія проповѣди наставленія христіанскаго, то есть единаго сѣбѣ стезямъ нашимъ, отвергать не стыдятся; къ чему до насъ учителя, къ чему проповѣдники; христіане есмь и православни; шель бы другой, къ жидамъ и мухамеданомъ и прочимъ невѣрнымъ и тамъ бы проповѣдали; у насъ слава Богу: все хорошо, не требуютъ здравія врача, по болици. Но такъ себе и прочимъ льстятъ сіи оказавшии, яко же иногда во Иерусалимѣ народъ и священство крайнимъ безуміемъ и безсовѣстіемъ ослѣплены и гнѣва Божіа находящаго и проповѣди пр. Іереміа невѣдннціи, льстили себе сладкимъ льщеніемъ^(*). А между тѣмъ подобныя сомохвалы „христіанскаго праваго ученія“ не знаютъ; „слыше сѣбѣныхъ водяти и невѣжды богословствуютъ и догматы сѣбѣхъ достойныя нищутъ, ученія бѣсовская предають, и во преданіи бабіимъ баснямъ скоро вѣруеъся“^(*).—Поставляя Петра въ центрѣ русской жизни, величая его, какъ воина-побѣдителя, мудраго и неутомимо-трудолюбиваго царя, постоянно работающаго на благо Россіи, Θεοφανъ въ одной изъ проповѣдей специально защищаеъ царскую честь и власть отъ нареканій со стороны людей, недовольныхъ реформой. Въ энергической, настойчивой дѣятельности Петра видѣли деспотизмъ неограниченнаго монарха, злоупотребляющаго своимъ положеніемъ. Продолжительныя войны, сооруженіе флота, содержаніе арміи, постройка Петербурга—все это сильно обременяло народъ и вызывало въ немъ недовольство, ропоть, уклоненіе отъ работы и податей. По поводу этихъ обвиненій Прокоповичъ неоднократно выходилъ на кафедру, какъ защитникъ государя. Малѣйшимъ случаемъ онъ пользовался для того, чтобы ослѣпить высокую личность реформатора и оградить ее отъ непріязненныхъ толковъ.

(*) Тамъ же II, 63—70.

Въ словѣ на день рожденія царевича Петра Теофанъ развивалъ мысль о превосходствѣ монархіи предъ другими формами правленія, о счастья Россіи, которая управляется единодержавно такимъ великимъ и славнымъ царемъ. Тѣ же мысли проводятся и въ другихъ проповѣдяхъ Прокоповича (*).

Можетъ быть, что въ панегирическихъ словахъ Теофана есть преувеличенная похвала Петру, но они весьма просто объясняются увлеченіемъ проповѣдника, которое въ своемъ основаніи имѣло глубокое, искреннее сочувствіе къ дѣламъ гениальнаго монарха. Не злость, не поддѣлка подъ чужой тонъ и вкусъ слышатся въ краснорѣчій панегириста, а убѣжденіе въ правотѣ защищаемаго и прославляемаго дѣла. Какъ человекъ просвѣщенный, Прокоповичъ хорошо видѣлъ пользу преобразованій для Россіи въ будущемъ, а потому и содѣйствовалъ усердно ихъ успѣху, не желая видѣть въ настоящемъ темныя стороны реформы. Его умныя, воодушевленные, убѣдительныя проповѣди были лучшей апологіей предпріятій государя. Последний хорошо понималъ это; онъ дорого цѣнилъ Теофана и спѣшилъ печатать его даже мелкія произведенія; онъ ревниво оберегалъ своего талантливаго помощника отъ сторонней несправедливости и служилъ ему постоянной защитой.—Какъ трогательна была прощальная картина при разставаніи навсегда этихъ гениальныхъ друзей—царя и подданнаго! Какъ больно отозвалась въ сердцѣ Теофана всероссійская потеря, когда онъ провожалъ въ могилу отца осиротѣвшаго государства и своего незамѣнимаго покровителя! „Что се есть?“ спрашиваетъ недоумѣнно убитый горемъ ораторъ.— „До чего мы дожили, о Россіяне! Что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ! Не мечтаніе ли сіе? Не сонное ли видѣніе?... Ахъ, какая истинная

(*). Тамъ же, I, 255; II, 159—4; I, 180 и дал.

печаль, какое извѣстное наше злоключеніе! Виновики, безчисленныхъ благодѣній и нашихъ радостей, воскресившіи аки отъ мертвыхъ Россію и воздвигшіи въ такую силу и славу, или паче родившіи и воспитавшіи, прямой сынъ отечества нашего отецъ, которому, по его достоинству, добріи руссійстии сынове безсмертну быти желали, по лѣтамъ же и составу крѣпости многолѣтно еще жити имущаго вси надѣялися: противно желанію и чаянію скончалъ жизнь!... Довольно видимъ, коль прогнѣвали Тебе, о Боже нашъ, и коль раздражали долготерпѣніе Твое! О, недостойныхъ и бѣдныхъ насъ, о грѣховъ нашихъ безмѣріе!... „Что видимъ? Что дѣлаемъ?“ Какія слезы дрожать въ этихъ словахъ, сколько чувствъ зажигаютъ они въ русскомъ сердцѣ, сколько мыслей вызываютъ въ русскомъ умѣ!

Обличительныя слова Теофана, составляющія, такъ сказать, отрицательную сторону его проповѣдничества, носятъ на себѣ сатирическій характеръ. Въ нихъ онъ нападалъ на заблужденія раскольниковъ, на недостатки духовенства и свѣсевой знати. Въ словѣ на 1 января 1725 г. онъ говоритъ: „Новый годъ отъ сего дне начинаемъ: слава Богу!—Но не слава Богу у братіи нашей раскольниковъ. Ибо ихъ учителя, желая славиться видомъ всякія премудрости, недовольно себѣ имѣють показать искусство свое въ богословіи, чудные поистинѣ составляя догматы и священнымъ писаніемъ называя невѣдомыхъ авторовъ; еще къ тому служатъ у нихъ и физика—о зачатіи, напримѣръ, младенца во чревѣ матери, и грамматика—о нарѣчій *омкомъ*, а не *омковъ*, и о имени Иисусовѣ, и географія—о земномъ рай, о Римѣхъ и Вавиловахъ, и арифметика—о аллилуйи, и архитектура—о дѣланіи крестовъ, и еще не знаю какія хитрость—о сложеніи перстовъ, буде то не хиромантія, и музыка—о церковномъ пѣніи, я мануфактура—о камилавкахъ и клобукахъ; такъ много знаютъ они господа. Что же? Чудо было бы, если бы они оставили хронологію. Не оставили, ибо перенесенное съ септемвриа на январь новолѣтіе ставятъ

въ великую ересь и погубленіемъ дѣтъ Божіихъ нарицють. Се видимъ, и хронологи они суть изрядны! (*) Слѣдуютъ доказательства, почему новый годъ удобнѣе начинать съ генваря. — И смѣшно и жалко видѣти, говорить въ другой проповѣди Теофанъ, когда человѣкъ, перомъ только начкати и вѣчто по книгамъ сѣпати навывкшій, въ богословскія дѣла вступити, учить, прокати и сказывати о Богѣ, о ангелахъ, о бѣсахъ, и что добро, и что недобро, и что хранить надобно къ счастью, что къ сбереженію отъ чаровъ, и кія днѣ къ такому, и кія къ другому дѣлу угодныя, и которыя молитвы и псалмы сильнѣйшія, и прочія безжѣстныя басни: да о всемъ томъ такъ смѣю и дерзновенно пустословить, будто онъ восхвощень бытъ до третіаго неба и тамо всему тому научился. Часто воспоминаеть св. писаніе, а думаетъ о тетрадкахъ Авакумовыхъ или другихъ подобныхъ; часто на св. отцовъ шлется, хотя доселѣ и вѣдомости не получилъ, кто и гдѣ они; многаяжды въ разговорахъ бредитъ, довольно восклицаетъ: глубина богословія! великое дѣло богословія! А онъ такъ знаетъ ту богословію, какъ калмыки архитектуру. — Плохо скрытое раздраженіе сквозить во всѣхъ обличительныхъ строкахъ Теофана, а обличаетъ онъ многое. Во всемъ настоящемъ онъ видѣлъ какъ будто анахронизмъ, нетерпѣливо стремился впередъ, въ будущее и, объ руку съ Петромъ, всѣми силами боролся съ назойливой стариной. Раскольники, какъ заклятые враги новшества, очень сильно искушали терпѣніе Прокоповича, ихъ упорство было для него невыносимо, и вотъ безпощадной сатирой онъ караетъ ихъ повѣжество. Нерѣдко встрѣчаются въ проповѣдяхъ Теофана рѣзкія нападки на народъ и духовенство за ихъ роль въ распоряженіи государя. Не принимая во вниманіе тяжелаго ига, которое несло податное сословіе, несло безъ надежды на пользу, на производительность своего труда, — Прокоповичъ возмущался съ своей точки зрѣнія: ропотъ направлялся противъ его любимаца, при-

(*) и. 114—15.

надлежать слѣдой толпѣ, — и этого было слишкомъ достаточно для того, чтобы хладнокровіе Теофана и безпристрастіе его въ оцѣнкѣ дѣяній двухъ противоположныхъ сторонъ потеряло надлежащую силу. Уны оканчиваетъ Уны злоключеніе времени нашихъ! — восклицаетъ онъ въ гнѣвѣ — до того дошло, что уже и самимъ бездѣльнымъ въ дѣло, да въ дѣло и мерзкое и деракое! Уже и дрожіе народа, души дешеные, люди не къ чему иному, точно къ поодвиго чужахъ трудовъ, родившіеся, и тѣ на государя своего, и тѣ на Христа Господа! Да вамъ, когда хлѣбъ есте, подобало бы удивлятися и слагозати: откуда жи сіе? Возобновила ся вамъ истинну исторія о Давидѣ, на него же и сѣбли и хроміи бытъ подили! (*). Раздражался Теофанъ и мрачнѣлъ несамизному толпѣ, ея безотраднымъ взглядомъ на мѣръ и — зло смѣялся надъ „бесмысленными меланхоликами“. „Суть ивѣи, говоритъ онъ (и далъ бы Богъ, дабы немногіе), или тайнымъ бѣсомъ лѣстивымъ, или меланхолією помрачаеми, которые такового иѣакого имѣють въ мысли своей урода, что все имѣ грѣшно и скверно мнителъ быти, что либо увидятъ чудно, весело, велико и славно, аще и правдо и правильно и небогопротивно, наприм., лучше любить дѣнь непастный, нежели ведро, лучше радуются вѣдомостями скорбными, нежели добрыми, самого счастья не любятъ и не вѣми, какъ-то о сѣмихъ себѣ думаютъ, а о прочихъ такъ: хотѣли бы быти всѣми злообразными, горбатыми, темными, неблагополучными, и развѣ въ такомъ состояніи любили бы ихъ. Таковыхъ едлинъ древнѣе нарицали мисантропы, сѣ есть человеконенавистицы... Сѣи напаче власти безжестити трепещуть и великую власть мірскую нечотію не за дѣло Божіе имѣють, но и въ мерзость имѣидють“ (**).

(*) к. 262—3.

(**) Несамизному, мучилось предвѣстнае раскольника же, Петруша пажетородскій въ «дѣловои» о нихъ писалъ, неку ороткъ, государю: «я всѣ они, гдѣ ни обрѣтатся, бѣзвѣнучію государственому не радуются, но вѣче несчастно радуются. Чт. въ оцѣнѣ истор и древн. роо. 1860 г. IV. 281—Слѣсь.

Ропоть духовенства сводился главным образом къ той мысли, что императоръ допускалъ незаконное вмѣшательство свѣтской власти въ церковную область, ей неподомствленную. Приводились и каноническія доказательства въ пользу этой мысли. Прокоповичъ, когда въ дѣлѣ царевича Алексѣя оказались участники даже изъ высшаго духовенства, является съ обличеніемъ противъ своихъ собратьевъ, не нападъ въ прозрачныхъ намекахъ и крупныхъ сановниковъ іерархіи. Предъ верховною властію царя должны преклоняться всѣ подданные,—это его основная мысль, и онъ осуждаетъ въ духовенствѣ католическое воззрѣніе на отношеніе церкви къ государству. „Суть вышнія, говорилъ онъ, были и древніе настоящему ученію (о повинненіи царской власти) противники, которые не невѣжды себе мнятся быти, но богословствуютъ отъ писанія, да такъ, какъ то летаютъ пружи, животное окрылотѣлое, но что зрѣвнше великое, а крыльца малыя и не по мѣрѣ тѣла: вздоймется полетать, да тотчасъ на землю подаетъ. Тако и они, суще книжчии, аки бы крылатыя покушаются богословствовати, аки бы летати, да за грубостію мозга безусловцави являютъ, не разумѣюще писанія, ни силы Божіей“. Указавъ на примѣры покорности даже языческой власти въ первые вѣка христіанства, упомянувъ и тогдашнія возраженія противъ нея, Ософанъ продолжалъ: „Се о древнихъ продержателяхъ, суть же и въ нынѣшнія времена онымъ послѣдующе, яко же папа себе и клиръ свой отъ власти державныхъ изымающій, но и мечтающій данною себѣ властію даровати и отымати скипетры царскіе. Помиселитъ убо кто, и многіе помиселитъ, что не вси весьма людіе симъ долженствомъ (повинненіемъ царю) обязаны суть, но нѣкіи выключаются, именно же священство и монашество. Се серъ, или паче рещи жало, но жало се змино есть, папескій се духъ, но не вѣзмъ, какъ то досягающій и касающійся насъ: священство бо иное дѣло, иной чинъ есть въ народѣ, но не иное государство“.

Содѣйствуя Петру В. въ преслѣдованіи святошъ, ханжей и всякаго рода лицемеровъ, Ософанъ и на нихъ вооружался жестокимъ словомъ обличенія. Слово въ дѣвѣ великомуч. Екатерины можетъ быть упомянуто здѣсь какъ памяти въ именно этого вида проповѣднической дѣятельности О. Прокоповича. „Лицемеріе, разсуждаетъ онъ, есть, сугубое: тонкое и дебелое. Тонкое нарицаю лицемеріе, когда самихъ себе предънаемъ, мнящесе быти боголюбцы, а отъ любве Божіей далече отстояще... напримѣръ, постится икто тѣлеснѣ, а не духомъ, молитвы творить многословіемъ, а не духомъ и умою, вездѣрничать о нестяжаніи, а самъ крадетъ, спавитъ милостыню, а самъ ограбляетъ и самъ подобная; аще же къ тому сотворить ичто вышнее, подаетъ въ храмъ Божій приношеніе или убогому да ту тысячную сотой части отъ излишества своего, уже безстрашенъ и безпечаленъ ходитъ аки бы не должникъ, но злимодавецъ Божій... Но се есть лицемеріе тонкое, обаче Богу жерзкое; то колыми паче другое, оное дебелое. Се же есть, егда не сами янимою намъ святынею прельцаемъ, но нарочно претворяемъ ухищренной святости видъ въ прельщеніе людей, се же ради легкаго прабытка и пріобрѣтенія суетной славы. То творимъ, егда предъ людьми воздержницы быти показуемъ... Плачь явяти тѣмъ, умилно осклаблемъ оное? Сонія видѣнія видати, святин сїа идоли, дабы прельстити къ себѣ сердца везлюбныхъ и свискати честь и янїе. И какъ то смѣшно, а имъ благоволучно дѣтсея: тое пріобрѣтаютъ ложнымъ своимъ, чего другіе не могутъ истиннымъ трудомъ“ (*). Указывалъ вообще каждому члену государства свое мѣсто и свое дѣло. Прокоповичъ, въ словѣ на день св. Александра цескаго, выбралъ текстъ: *нѣждо въ воинѣ, въ немъ же призванъ быти, въ томъ да пребываетъ*. Сказавъ сперва, что

(*) Слова в рѣчи Ософана Прокоповича, I, 217.

обыкновенно досадно бывает поведение наших слугъ, если они начинают усердствовать предъ нами совершенно не въ томъ, что мы имъ приказываемъ: вмѣсто пята, напр. подають намъ шапку, вмѣсто того, чтобы ѣхать на село, кланяются намъ, хвалятъ „многими и долгими словами“, вмѣсто того, чтобы коня сѣдлать, станутъ на жерновахъ молотъ и т. п., Теофанъ продолжаетъ: „Помысли же отъ сего и о Богѣ. Въмѣ, яко все наше поведение Его премудрымъ смотрѣниемъ опредѣляется: кому служить, кому господствовать, кому воевать, кому священствовать и прочая. Егда убо на каковый чинъ или степень восходиши, или въ рабской гноищи обрѣтаешися, Божіе то опредѣленіе есть, и Богъ сіе или иное дѣло тебѣ вручаетъ. Что же, егда не повинуешися воли Его и ино что дѣлати начнешь... то ли путь богоугодный? Развѣ помыслимъ, яко человекъ точно гнѣвается, когда слуга его не по его воли дѣлаетъ, а Богъ любить, аще противу его воли творить? Омраченіе бы то было, а не разумъ, иже бы такъ мыслить“. Отсюда ясно, какъ неправы тѣ, которые, думая угодить Богу, оставляютъ свое дѣло и берутся за другое, не должное; напр., судія, когда его ждутъ обиженные, идти въ церковь ѣтъ, не сообразя, что просители могутъ много потерпѣть отъ его несвоевременнаго усердія къ храму Божию; „тоже и о прочихъ, малыхъ и великихъ и малѣйшихъ чинахъ годствуетъ. Аще же всякій чинъ отъ Бога есть, то самое намъ нуждѣйшее и Богу пріятное дѣло, его же чинъ требуетъ мой мнѣ, твой тебѣ, и тако о прочихъ. Царь ли еси? Царствуй убо, наблюда, да въ народѣ будетъ безпечаліе, а во властехъ правосудіе, и како отъ неприятелей цѣло сохранить отечество. Сенаторъ ли еси? весь въ томъ пребывай, како полезныя совѣты и судъ немздопріимный, не на лица зрѣцій, прямой же и правильный произносиши. Воинъ ли еси? Не обязуйся куплями, не обиди своихъ, во всѣхъ воинскихъ уставахъ обучайся. Пастырь ли духовный еси? смотри, чего требуетъ отъ тебя пастырей начальникъ Христосъ. Испразднй суетвріе, от-

мѣтай бабінъ басни, корми словомъ Божиимъ овцы прученныя и оберегай отъ волковъ, кожами овчими одѣянныхъ... И просто рѣчи, всякъ разсуждай, чьего званіе твое требуетъ отъ тебе и дѣломъ исполнай требованіе его. И то дѣло—спасенное, то дѣло— богоугодное и всякому по чину званія своего перѣтѣе, главѣйшее и нуждѣйшее“.

Вообще о проповѣдяхъ Ѳ. Прокоповича нужно сказать слѣдующее. Въ нихъ есть недостатки: по содержанию они слишкомъ свѣтки и напоминаютъ собою литературную публицистику; встрѣчаются въ нихъ иногда изреченія языческихъ философовъ и поэтовъ (Анаксагора, Платона, Демосоена, Цицерона, Сенеки, Виргилія...), попадаются изрѣдка и мифологическія басни (о мукахъ Тантала, о Геркулесѣ), курьезныя рассказы (о двухъ ворахъ, грабившихъ церковь и укорявшихъ другъ друга въ неблагопріятномъ обращеніи со святыней); проповѣдникъ погрѣшалъ иногда и противъ собственныхъ „регулъ“, наримѣръ позволялъ себѣ ясныя намеки на личности; по языку—поученія Теофана не свободны отъ иностранныхъ словъ (латинскихъ и греческихъ), немало въ нихъ новоизобрѣтенныхъ русскихъ, совсѣмъ негармоничныхъ, словъ; по тону они подчасъ слишкомъ рѣзки и раздражительны. Но все это съ избыткомъ искупается ихъ блестящими достоинствами, особенно, когда принимаешь во вниманіе условія, при которыхъ воспитался и жилъ Теофанъ. Схоластическую школу онъ все-таки прошелъ, хотя и отрицательно относился къ ея направленію; она оставила на его образованіи слѣды, хотя и не глубокіе сравнительно. Преобладаніе гражданскаго элемента въ краснорѣчіи зависѣло отъ того положенія, какое занималъ онъ между царемъ и народомъ. Онъ былъ ихъ примирителемъ по всѣмъ государственнымъ вопросамъ и, естественно, долженъ былъ вникать въ сущность послѣднихъ и объяснять ихъ разносторонне, а не только съ церковно-религіозной точки зрѣнія. Другое дѣло, если бы ему помогала въ

выполненіи его задачи свѣтская литература; но она только нарождалась при немъ и не успѣла еще занять подобающаго положенія. Слово церковнаго оратора, такимъ образомъ, по необходимости, выполняя свое специальное назначеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ принимало на себя постороннюю, такъ сказать, газетную задачу, замѣняло собою публицистику. Горячая, легко возмущавшаяся натура Теофана, страстно преданнаго реформѣ, была причиною его раздражительности, когда онъ ратовалъ въ пользу своего монарха. Отсюда рѣзко-обличительный тонъ въ его проповѣди. Заслуга Теофана въ томъ, что онъ, по выраженію г. Терновскаго, сказалъ послѣднее „прости“ преданіямъ южнорусской гомилетики и вывелъ проповѣдь на новую дорогу, заставивъ и звучать подъ ладъ съ общимъ тономъ петровской реформы. Мы видѣли, какъ слово Прокоповича приживалось къ жизни какъ оно спѣшило отащиваться на злобу дня. Избѣгая обычныхъ у современныхъ ему проповѣдниковъ натяжекъ въ раскрытіи главной мысли, всего замысловатаго, неожиданнаго, не щеголяя безъ нужды ученостью и риторическими фигурами и аллегоріями разнаго рода, отбросивъ драматизмъ, доводившій нерѣдко его собратовъ до неприличія въ выраженіяхъ, вообще все, что казалось на его тонкій критическій взглядъ неумѣстнымъ въ церковномъ словѣ, Теофанъ близко держался избраннаго текста (догматическаго, нравственнаго, или историческаго — все равно), при чемъ рѣдко пускался въ раскрытіе его таинственнаго смысла, не употреблялъ странныхъ сравненій, искалъ доказательствъ и поясненій въ параллельныхъ мѣстахъ и въ контекстѣ, опровергалъ возраженія не самозмышленныя, а дѣйствительно-существующія. Руководясь собственными правилами, онъ не давалъ воли чувству, сдерживалъ по возможности его порывы и никогда не фальшивилъ, не рисовался поддѣльнымъ вдохновеніемъ. Но ужъ когда сильно вдохновлялся, онъ могуче увлекалъ за собою и слушателей, искусно показывая имъ пластическія

картины гора, радости, награды, наказанія, пользы, вреда — свѣтлыя и мрачныя. Особенно талантливымъ Теофанъ является въ своихъ похвальныхъ проповѣдяхъ. Даже чисто-научныя, глубоко-политическія, нерѣдко очень отвлеченныя мысли облачаются здѣсь въ живую, конкретную форму и дѣлаются доступными для большинства. Слова привѣтственныя по возвращеніи Петра изъ-за границы, слово „о власти и чести царской“, слово на смерть любимаго монарха и въ день помяновенія его кончины — по справедливости ставятъ Теофана въ рядъ лучшихъ церковныхъ ораторовъ. Со вѣншей стороны рѣчь его большею частію періодична, что зависѣло не отъ многословія, не отъ пересыпанія изъ пустаго въ порожнее, а отъ содержательности ея, отъ необходимости вставлять вводныя предложения, поясненія, дополненія. Сообразно съ впечатлѣніемъ, на которое рассчитана была проповѣдь, и свойствомъ предлагаемыхъ истинъ, тонъ рѣчи Теофана мѣняется, разнообразится: то слышится въ немъ отеческая заботливость о нуждахъ слушателей, жаждущихъ просвѣщенія, то онъ полонъ торжественности свидѣтельствующей о глубокомъ вдохновеніи пастыря по случаю какого либо великаго благодѣянія посланнаго Богомъ Россіи, то переходитъ въ элегическій, когда чувство проповѣдника возбуждено событіемъ печальнымъ; въ обличеніи онъ звучитъ сатирой, или страшной угрозою. Мастерски нарисованная картина, до пластичности выразительный языкъ довершаютъ побѣду слова, — какъ, напр., въ слѣдующемъ изображеніи вѣчности мученій. „Потекутъ вѣка, аки часы, гдѣ и единый часъ покажется цѣлымъ вѣкомъ, и надъ узницею явскимъ будетъ слышаться гласъ правосуднаго Бога: „еще гнѣваюся“. Прейдутъ милліоны милліоновъ вѣковъ, а злополучный узникъ будетъ гребѣти въ унесахъ: „еще гнѣваюся“. Погрѣшати въ исчисленіи вѣковъ и быстрѣйшіе ангельскіе умы, выйдеть изъ памяти осужденныхъ, било ли когда начало снѣтъ мукамъ, а иваго ничего отъ

праведнаго Бога не услышать, тою: „еще гнѣваюся, еще гнѣваюся“ (*). — Въ объясненіе неправильной конструціи Теофановой рѣчи, похожей на латинскую, нужно вспомнить, что Прокоповичъ былъ знатокъ латинскаго языка. Обычай употреблять иностранныя слова, большею частію латинскія же, мы не отнесемъ къ числу недостатковъ Теофана, если примемъ во вниманіе, что петровская эпоха была временемъ обогащенія русскаго языка, временемъ наплыва, и усвоенія новыхъ идей, новыхъ понятій, требовавшихъ для себя словесной оболочки. Легче и удобнѣе всего въ этихъ случаяхъ заимствоваться готовыми формами. Многія изъ словъ, встрѣчающихся въ проповѣдяхъ Прокоповича, удержались и до сихъ поръ въ рускомъ лексиконѣ (навигация, акція, генеральный, фабула, конфедерация, архитектура), а другія не употребляются (диссимуляция, прогностикъ, фундаторъ, квалитеты, перегривация, потентаты...), равно какъ и чисто русскія составныя слова, въ изобрѣтеніи которыхъ Теофану, кажется, не было нужды (образорѣіе, краснопретворенный и т. п.)

Митрополитъ Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ не были единственными дѣятелями своего времени въ области церковнаго краснорѣчія. Мы остановились на нихъ такъ долго потому, что они служили лучшими представителями двухъ различныхъ, теперь выяснившихся для насъ, направленій проповѣди въ петровскую эпоху. Стефанъ изгнѣлъ на своей сторонѣ товарищей по воспитанію, которые, подобно ему, не могли освободить своего слова отъ недостатковъ схоластическаго реторизма и витійствовали по вкусу послѣдняго. Теофанъ основалъ новую школу проповѣдниковъ и приобрѣлъ себѣ подражателей потому, что достоинства его направленія были слишкомъ очевидны и не могли остаться незамѣченными. Къ направленію

(*). Слово въ вед. Богатаго.

и Стефана примыкали въ петровскую эпоху Теофилакты Лопатинскій; подражателями Ѳ. Прокоповича были; Гавріилъ Вужинскій, Симонъ Кахаловскій и Теофиль Кроликъ (*). Все они, впрочемъ, значительно уступали въ дарѣ краснорѣчія Яворскому и Прокоповичу и не были такъ плодотворны въ словѣ, какъ послѣдніе. По крайней мѣрѣ въ печати ихъ проповѣдей извѣстно не много, вследствие чего сдѣлать обстоятельную, полную характеристику ихъ талантамъ нѣтъ возможности (**).

7) Разныя нравственно-назидательныя и толковательныя сочиненія. Необходимо сказать еще нѣсколько словъ о тѣхъ произведеніяхъ литературы петровской эпохи, которыя по своему содержанію не представляютъ ничего характернаго для нея, но обращались въ грамотной средѣ современниковъ, какъ книги назидательныя и полезныя. Афанасій Милославскій (кіевопечерскій архимандритъ) написалъ „Геролифическую ионаку“, или нравоучительную философію, въ которой, по словамъ м. Евгенія, нравственные уроки представлены въ символахъ. Іоаннъ Максимовичъ (м. Тобольскій) написалъ (еще въ бытность свою архиепископомъ Черниговскимъ) „Царскій путь креста Господня, входящій въ животъ вѣчный“ — книга благочестивыхъ размышленій, раздѣленная на три части, переполненная стихотвореніями, обличающими въ авторѣ не столько таланты, сколько страсть съ виршеписанію, снабженная панегирическимъ посвященіемъ императору Петру

(*) Авторъ статьи «О трехъ проповѣдникахъ Петра» (Журн. Мин. Н. Пр. 1835 г. ч. VII) говоритъ, что слово Гавріила Вужинскаго извѣстно въ печати только шести. О Симонѣ Кахаловскомъ г. Терлюковскій сообщаетъ что извѣстно только его слово на день Благовѣст. произнесенное въ Ревелѣ; тоже находимъ и у преса. Флардета («Обзоръ дух. литературы», изд. 2, II, 2). Теофиль Кроликъ и Ѳ. Лопатинскій относятся г. Терлюковскій къ двумъ различнымъ направленіямъ проповѣдничества на основаніи ихъ биографіи.

и обращеніями къ читателямъ. Начавъ съ того, что Адамъ, по изгнаніи изъ рай, «согради себе градъ, его же нарече Фарсезъ, еже ежекудется радости въсканіе», Максимовичъ говоритъ, что въ этомъ городѣ «бысть житель, Филтей иже земь, порождо чести и иже быи преисполненъ», у котораго росли три дочери: Ставрова (родилась въ праздникъ Креста Господня), Гиллярія и Оворія. Первая (героиня благочестиваго аллегорическаго разсказа) «красоты удивленіемъ и разума высотою вселчески прочіихъ превосхождаше»; она же оказалась и религіознѣею изъ своихъ сестеръ. Постъ видѣвъ, въ которомъ получила призваніе отъ Господа идти по стезямъ Его, она отправляется въ житейскій путь, вѣматуя постыбно о своемъ назначеніи — войти пріестанице въ Іерусалимъ небесномъ. Этому пріестаница она, наконецъ, достигла по милости своего жившагося ей Иисуса Христа. Подъ фабулой, расующей предъ нами различныя моменты жизни Ставрова, въ которыхъ екаживается несокрушима надежда ея на крестъ Спасителя, авторъ и раскрываетъ читателямъ свои мысли о крестоношеніи, вводящемъ въ жизнь вѣчную; что крестъ есть единственный путь къ небу, что этотъ путь тяжель, но онъ безропотно пройденъ Богочеловѣкомъ, пострадавшимъ за насъ и давшимъ намъ примѣръ терпѣнія, что крестоношенію учить ево писаніе, что оно необходимо для христіанина, ищущаго оправданія предъ Правосудіемъ и т. д. Вообще сочиненіе пресвятаго Іоанна проникнуто духомъ благочестія, которымъ онъ отличался въ жизни, который руководилъ имъ во всѣхъ его дѣлахъ пастырскихъ и послужилъ причиною его безсмертія въ памяти его паствы: въ Сибири, говорятъ до сихъ поръ очень популярна его изображенія; народъ чтить его, какъ святаго. Іоаннъ Максимовичъ былъ однимъ изъ усердныхъ писателей своего времени. Хотя его труды нельзя назвать учеными въ томъ смыслѣ, какъ труды Ѡ. Прокоповича,

или Стефана Яворскаго, но ошочительное образованіе, обширная начитанность, автора въ нихъ замѣтна на каждой шагѣ. Святыя исторіиности, побуждала его больше говорить и писать языкомъ чувства, чѣмъ ума, но и умъ его былъ богатъ свидѣніями изъ св. писанія, отеческихъ твореній и изъ исторіи. Пользуясь знаніемъ классическихъ языковъ, онъ много читалъ на нихъ и по выбору, переводилъ на русскій языкъ. Изъ переводныхъ у него можно указать, напр., сочиненіе «Ипостроионъ, сообразованіе человеческой воли съ божественною изобразуюцію» (съ латинскаго), раздѣленное на пять книгъ, подраздѣленныхъ на главы, которые, по обычаю схоластиковъ, снова раздроблены на множество частей, обозначенныхъ словами: «раздѣленіе первое», «раздѣленіе второе» и т. д. Книга эта, очень объемистая, также написана въ духѣ благочестивыхъ размышленій; она занимается рѣшеніемъ вопроса: какъ познать волю Божию? Какъ сообразовать съ ней волю человеческую? Чего человѣкъ достигаетъ, сообразуя свою волю съ Волею Божіею? Чего онъ лишается, когда не хочетъ подчиниться волѣ Божіей? Въ чемъ состоитъ и чѣмъ награждается упованіе на Божественный промыслъ?—Очевидно, Максимовичъ въ выборѣ иностраннаго сочиненія для перевода руководился своимъ всегдашнимъ вкусомъ. Не явля въ виду обогатить литературу ученымъ вкладомъ и тѣмъ стяжать себѣ славу, онъ, подобно св. Димитрію Ростовскому, и самъ желалъ воспитывать, и другихъ воспитывать на книгахъ нравственно-назидательныхъ, душеполезныхъ. Таковы всѣ его произведенія. Кромѣ упомянутыхъ, отъ него остались: «Ѡсагронъ, или позоръ правоучительный, цреть, кладикамъ всѣхъ спасительный» (30 главъ); «Алфавитъ, собранный ризами отъ св. писанія сложенный»...; «содержащій житія святыхъ, расположенна по алфавиту»; «Богородице Дѣво, радуйся»—толкованіе этой молитвы; «Домилуй на Воже»—объясненіе псалма; «Отче»

наше" — толкованіе на прошеніи этой молитвы съ благочестивыми размышленіями; „Осы блаженствъ евангельскихъ" — объясненіе; „Богомыслие въ пользу правовѣрннхъ" (переводъ съ лат.); „Царица неба и земли" и „Размышленіе о Богѣ". За свои литературные и пастырскіе труды, за дѣлительное сочувствіе интересамъ школы, Г. Макарьевичъ, какъ и св. Димитрій Ростовскій, былъ любимъ Петромъ и получалъ отъ него ободреніи на тяжеломъ поприщѣ. — Известны больше по названіямъ и еще нѣсколько сочиненій, какъ можно предположить, нравственно-назидательнаго характера. Таковы: „Зерцало Божества, писаніе" Антонія Стрѣховскаго (архіеп. Черниговскаго) „Зерцало горячайшаго къ Господу Богу духа" Ѳ. Лопатинскаго (съ лат.) и „Диалогимъ или разговоръ духовный любителя съ любовію" Варлаама Голениковскаго (іеромонаха Киевопечер. мон.). Для эпохи, — повторяемъ, — эти произведенія не характерны, во заслуга ихъ въ томъ, что они служили здоровой духовной пищей современннхъ любителямъ духовнаго просвѣщенія. Весьма полезны были въ этомъ отношеніи также толкованія книгъ на разныя мѣста св. писанія и переводы свято-оческихъ твореній, время отъ времени появлявшіеся въ свѣтъ преимущественно уединенныхъ просвѣтителей народа, незамѣтно трудившихся въ своихъ кельяхъ. Варлаамъ Голениковскій издалъ Псалтирь съ предисловіемъ и краткимъ введеніемъ; Анастасій Зарудскій (протоиер. Новгородъ-сѣверскій) — толкованіе на евангеліе Іоанна; Германъ Кононовичъ (Черниговскій архимандритъ) издалъ новый завітъ съ своими примѣчаніями; Прокоповичъ составилъ „Христовы проповѣди о блаженствахъ толкованіе"; Досифей (митр. Сочалскій — въ Молдовалахъ) перевелъ посланія Ігнатія Богоносца; Макарій Осѣвскій (іеромонахъ Черниговскій) — слова св. Ефрема Сирина и бесѣды на посланія св. ап. Павла; Ѳ. Поликарповъ — „соч. Ефрема Сирина съ прилогами аввы Дорофея" и „Георгія Психера парафраза Донисія Ареопагита", Перечисляя

эти труды, нельзя не показать, о томъ, что нѣкоторые изъ нихъ (напр. переводы св. Ефрема Сирина, сдѣланный Мак. Осѣвскимъ) остались въ рукописяхъ, и нѣкоторые печатались въ ничтожномъ количествѣ экземпляровъ и потому не пользовались популярностью тамъ, гдѣ болѣе всего были бы полезны. — Жалобы на то, что духовная литература не удовлетворяла нужды читателя-простодядна, не приспособилась къ его пониманію и вообще была скудна, слышались на Руси издавна. Орловскій священникъ, между прочимъ писалъ: „Обидѣ душевной и Вечеря душевная, любопытнаго и мудраго мужа отцы Симеона Полоцкаго слово; и таи простѣйшимъ людямъ за высоту словесъ тяжко бысть слышати и грубымъ разумомъ невнимательна, а Божественнаго Златоуста бесѣды его и правоученіе на Евангеліе и Павловы посланія и на Дѣянія св. апостолъ зело неразумительно не точио слышавшимъ, но и ступившимъ, велики бо прости страны сел жители, въ ней же мы обитати, не точио отъ мірны, но и отъ священникъ, иностраннымъ языкомъ та Златоустаго нарицаху". „Мнози отъ благочестивыхъ, говорилъ Варлаамъ Яеинскій, со воздыханіемъ желашу, дабы когда сподобится книгъ свойственными си славяно-россійскому языкомъ православно и достоверно изданныхъ дождати". За отсутствіемъ удобовопятныхъ поучительныхъ книгъ, у народа пользовались популярннми авторитетомъ рукописные сборники, изъ которыхъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ отрывковъ изъ св. отецъ и церковно-историческихъ статей, болѣею частью искаженныхъ, преобладающими оказывались такія вещи, которыя цѣлкомъ вошли въ расколъ. Петровская эпоха, конечно, не могла сразу переродить духовной литературы и не переродила ее, но она дала ей первый толчекъ къ сближенію съ интересами народа. Въ средѣ просвѣтителей поднята была вопросъ объ изданіи „книжницъ"; чрезъ нихъ предполагалось знакомить темный людъ съ вѣро — и право — ученіемъ христіанскимъ, по крайней мѣрѣ изъ его главныхъ частяхъ. Са-

мо по себѣ на практикѣ это предпріятіе не привело къ ожидаемымъ результатамъ, но въ принципѣ оно было важнымъ шагомъ впередъ.

Несравненно важнѣе и плодотворнѣе было другое предпріятіе ревнителей духовнаго просвѣщенія при Петрѣ — исправленіе библіи. До сихъ поръ она перепечатывалась почти безъ перемѣнъ по старому Острожекому изданію, страдавшему недосмотрами и ошибками, да и въ этомъ видѣ считалась рѣдкостью. Епифаній Славенцкій и св. Димитрій Ростовскій горько стовали, что Россія даже библіи исправной не имѣла, что ея экземпляры, напр., въ Малороссіи весьма мало гдѣ обрѣтались и купить едва достать кто могъ¹⁾. Указъ объ исправленіи библіи вышелъ въ 1712 году. Во главѣ общества справщиковъ поставлены были Софроній Лихудъ и Θεофилактъ Лопатинскій. Они съ своими помощниками (Θεологомъ монахомъ Чудова монастыря, грекомъ Анастасіемъ и Θеодоромъ Поликарповымъ) ревностно принялись за дѣло. „Соглашали словенскую библію съ греческими различными печатными LXX толковниковъ библіями, а о сомнѣнныхъ и разуму противостахъ къ свидѣтельству употребляли въ еврейскаго текста толковую полиглотту, также и пультату, и все, что оказалось въ словенской библіи, грамматическому осмочастию не согласно и правиломъ противно въ родѣхъ, числахъ, лицахъ, временахъ, въ склоненіяхъ и прочіяхъ, оное все (ихъ же бездѣльно) правили наряду; а важныя погрѣшности, пропуски и излишества вышеизны особю въ каталогъ при предисловіи, ради лучшаго читающему увѣренія и свиденія“⁽¹⁾. Въ январѣ 1723 г. св. синодъ подалъ доношеніе объ окончаніи работы справщиковъ, а 23 февраля разрѣшено печать исправленную библію. Но 7 сентября предписано было Θ. Лопатинскому еще разъ пересмотрѣть, а и потомъ уже печатать.

⁽¹⁾ «Обзоръ дух. лит. Филарета — Θ. Лопатинскій».

Пятокнижіе и кн. Іова пересмотрѣны были снова; на томъ работа и стала. Дѣло отложено на неопредѣленное время. Смерть государя совѣсть его остановила. Только уже при Елизаветѣ Петровнѣ (въ 1751 г.) оно благополучно окончено, послѣ новаго внимательнаго пересмотра библіи.

По объясненію св. писанія ничего крупнаго въ петровскую эпоху сдѣлано не было. По частямъ оно, какъ мы видѣли, объяснялось, но, такъ какъ труды этого рода давно забыты, можно думать, что научной цѣлности они и въ свое время не имѣли. За ними оставалось значеніе книгъ душеполезныхъ, рядомъ съ которыми мы ихъ и помѣтили. — Въ области церковной исторіи и каноники, за исключеніемъ извѣстнаго „Резлюмента Духовнаго“, написано было нѣсколько трактатовъ по вопросамъ, возникавшимъ въ текущей жизни, трактатовъ отрывочныхъ, изъ которыхъ ничего цѣлаго составить невозможно. — Вслѣдствіе претензій Мауроурбина и другихъ католическихъ богослововъ доказать, что просвѣтителі славянъ были посланы въ Римъ, Прокоповичъ написалъ „Разсмотрѣніе повѣсти о Кириллѣ и Меодіи“. Тому же автору принадлежатъ: трактатъ „О началѣ и происхожденіи разногласія между греками и римлянами по вопросу объ исхожденіи св. Духа“; „Розыскъ историческій, конхъ ради винъ и въ якомъ разумѣ были и паридались императоры риметин, какъ язычестин, такъ и христіанетин понтифексами, или архіереями многобожнаго закона, а въ законѣ христіанетинъ христіанетин государи могутъ ли нарецись епископы и архіереи и въ какомъ разумѣ“; „Съ коего времени началось патриаршеское достоинство въ церкви и какиаъ образомъ, 400 лѣтъ церкви управляемы были безъ патриаршества и донынѣ въкотория не подлежатъ вселенскимъ патриархамъ“; „Аргументы въ соборы, декреты и дипломаты императорскихъ, которыми доказывається, что императоры имѣли попеченіе о церкви“ и „Исследованіе о Флорентинскомъ соборѣ“. Θеодоръ Поликарповъ написалъ

„Исторію словено-греко-латинской московской академіи“.—Трактаты каноническаго содержанія, получившіе и не получившіе силу обязательнаго закона, кромѣ Регламенты, известны слѣдующіе: „Разсужденіе о присутствованіи въ синодѣ большому числу изъ архіереевъ“; „О бытіи въ св. синодѣ испремѣннымъ членамъ“; „Дѣти побочныя, подкидыши и неизвѣстныхъ родителей не могутъ допускаться въ священныи чинъ“; „О присягѣ или клятвѣ, т. е. подобаетъ ли христіанамъ присягать или клястися всемогущимъ Богомъ“; „Мнѣніе о правильномъ разволѣ мужа съ женой“; „Разсужденіе св. синода о бракахъ правовѣрныхъ съ иновѣрными“; „Уставъ или изображеніе келейнаго житія монаховъ Александровскаго монастыря“; „Наставленіе священнику на докладъ его словесный о необычномъ грѣхопадении духовнаго его сына“ (все эти соч. принадлежатъ перу Ѳ. Прокоповича). Посожковъ въ „доношеніяхъ“ къ м. Стефану Яворскому высказалъ нѣсколько мнѣній и замѣчаній объ устройствѣ быта духовенства.

8) **Общій взглядъ на духовную литературу петровской эпохи.** „Литература вообще—всегдашній спутникъ образованія, говоритъ Добролюбовъ; развитіе ея идетъ параллельно съ развитіемъ потребностей образованныхъ классовъ. Пока образованныхъ людей немного, литература необходимо служить выраженіемъ интересовъ немногихъ; когда все будутъ образованы, литература—нѣтъ сомнѣнія—будетъ отзываться на потребности всехъ, расширитъ кругъ своего дѣйствія и избавившись отъ духа кружковъ и партій. Это расширеніе круга дѣйствій литературы совпадаетъ съ другимъ, не менѣе важнымъ обстоятельствомъ—приближеніемъ ея къ настоящей, дѣйствительной жизни, съ избавленіемъ отъ всего призрачнаго и съ признаніемъ интересовъ истинныхъ и существенно важныхъ“⁽¹⁾. Литература петровской эпо-

⁽¹⁾ Соч. Добролюбова, I, 380.

хи стояла къ уровню съ образованіемъ, и захватывала интересы преимущественно людей образованныхъ, была достояніемъ привилегированныхъ сослодій. Освобождаясь постепенно отъ схоластической мишуры, она прилижалась естественными шагами къ дѣйствительной жизни, стараясь забыть отвѣченныи хитросплетенія диалектической философіи. Противъ крайностей схоластики поставлена была Ѳ. Прокоповичемъ рѣшительная оппозиція. Логика сдѣлалась достояніемъ петровскихъ писателей, во софизмы были отброшены. На нѣкоторыхъ произведеніяхъ замѣтны дурныи стороны воспитанія ихъ авторовъ, южно-руссовъ по происхожденію, но это не измѣняетъ общаго характера дѣла: поворотъ на новую дорогу остается вполне замѣтнымъ, его сила годъ отъ году осязательнѣе, настойчивѣе, вліятельнѣе. Богословіе Ѳ. Прокоповича служило образцомъ для другихъ догматическихъ системъ; значить, его достоинства признавались, а они заключаются въ серьезной аргументаціи, основанной ближайшимъ образомъ на св. писаніи и преданіи—обильнѣйшихъ источникахъ христіанскаго мышленія. Вопросы отвѣченныи петровская литература не трогаетъ. О пришествіи антихриста она не заговорила бы, если бы нужда не заставила. Но разъ избранная задача по возможности доводилась до конца и рѣшалась настолько основательно, что нѣкоторыя произведенія писателей петровской эпохи до сихъ поръ не утратили своего значенія. Они не расчитывали на довѣрчивость и простодушіе читателя, а путемъ силлогизма и критики приводили его умъ къ сознанію правоты или неправоты извѣстнаго ученія. Научность, правда, не была совершенно новою для русской духовной литературы, но она стала теперь господствующею, съ требованія имѣлись въ виду прежде всего. Вспомнимъ, какъ были приняты въ Москвѣ киевскіе выходцы въ концѣ 17 вѣка, какъ отнеслись къ ихъ пылливости великорусскіе іерархи. Петръ снова далъ ходъ наукѣ въ своемъ государствѣ; при немъ русская религиозная

мысль двинулась вперед безрешительно, выискав в сущности учения, молитвы и обрядов. Соответственно развитию мысли, должны были изменяться и письменная форма, в которую она облакалась. Вместо прежней бессистемности, является логическая группировка частей с симметрию доказательств, с философски-образным раскрытием темы. Ф. Прокопович, типичнейший писатель своей эпохи, умел позирить и объединить в одном прекрасном целом требования аккуратной схоластики и плохо подходящую под искусственные литературные рамки переживавшую жизнь — без значительного ущерба для той и другой. — Присутствие политического или гражданского элемента в современной Петру духовной литературе также свидетельствует о ее близости к жизни. Царская власть при Петре была типичнейшим всего государственного механизма, деятельность которого тесно связывалась с существованием церкви, тем более, что реформа Петра простиралась и непосредственно на церковь. Этот элемент нашел себя много в предисловиях даже к простым компиляциям. Но преимущественно он замечен в проповедях разсматриваемого периода и тех сочинениях, которые писаны были в защиту власти и чести царской. — С одной стороны влиянием схоластики, но главным образом близостью к жизни объясняется и юмористическое, переходящее часто в едкую сатиру, направление многих проповедей духовной литературы данного времени, также составляющее характерный признак и, вместе, ее недостаток. На западе, говорит Сухомлинов, развитие проповеди совершалось пропорционально падению веры. Но вера того как ослабевала вера, проповедь теряла свою искренность, брала фальшивую ноту, чтобы так или иначе возбудить слушателей, равнодушных к однообразным, стереотипным мотивам. Утешения не шли от чистого сердца и потому не находили сочувствия. Чтобы поддержать внимание слушателей, проповедники старались разнообразить свои

поучения всевозможными способами и часто прибегали к шутке, как к средству самому действительному. Забавными анекдотами хотели искупить недостаток искренности и таланта. Здесь и трагически изобретательность проповедника. Смысл серьезного с смешанным до того стал обыкновенною и так правилась в свое время, что сама теория поставила требования — соединять в проповеди принтое с полезным. Наши южно-русские проповедники не усвоились от выполнения таких требований западной гомилетики, узаконенных у нас Г. Ролятовским. Мы видели, как подчинялись им и петровские проповедники. Но их насмешливость не имела бы широкого применения, если бы не находила себя много в самой жизни. Реформа дала обильное содержание сатире, когда поставила в резкое противоречие старое с новым. Сочувствовавшие ей писатели всегда могли найти предмет насмешки как в гонимой старине, так и в ее поклонниках. Если бы духовные писатели исключительно смотрели на вредные обычаи прошлого с религиозной точки зрения, в их тон звучала бы не сатира, а грусть, слышалось бы пастырское сѣтованіе на церковные беспорядки, как это и было у древних русских просвѣтителей, искоренявших в народных нравах слѣды язычества. Духовные писатели петровской эпохи, присоединив къ интересам церкви интересы государства, къ духовному — гражданское, свѣтское, избрали в орудіе борьбы, вмѣсто горькой упорицы, злоую сатиру, болѣе пригодную въ свѣтскихъ произведеніяхъ и совѣтъ неуязвимую на каедрѣ. Силу и смѣлость сатириковъ сообщала Петръ, который самъ не соблюдал даже правилъ солидности и приличія, смѣлся надъ тѣмъ, что ему не нравилось. Входилъ въ мелочи жизни, принималъ близкое участіе во всѣхъ текущихъ событіяхъ, литература сама впадала на жизнь и взаимно подчинялась ей взаимно: отсюда и по содержанию и по изложенію становилась житейскою и даже вульгарною, такъ что короткое обзвѣненіе

литературы, съ насущными, будничными интересами общества, составляли достоинство ея новаго направле- нія, послужило, въ то же время, причиною ея указан- ныхъ недостатковъ.

Реформа Петра вызвала къ дѣятельности всѣ мы- слищіе умы; она разбудила отъ вѣковаго сна и равно- душную къ прогрессу массу народа, чувствительно кое- дувшись многихъ сторонъ ея застойшейся жизни. На ноги поставлено было все государство. Но активное участіе въ проведеніи и осуществленіи новыхъ началъ жизни принадлежало сравнительно очень маленькому кружку птенцовъ гнізда Петрова. Правительственныя классы такъ или иначе, но все же вслухъ, раз- суждали о преобразованіяхъ, отыскивая въ нихъ хоро- шія и дурныя стороны. Духовенство загонорило объ опасностяхъ, угрожавшихъ русской церкви и о своемъ бѣдственномъ положеніи; дворянство частію сожалѣло о томъ, что для него настала пора трудиться въ ула- ту за преимущества, какими оно издавна пользова- лось даромъ, частію увлеклось порошествами и дошло до крайностей въ перениманіи новыхъ обычаевъ, въ ущербъ спокойствію церкви; иностранцы къ наем- нымъ работамъ о просвѣщеніи невѣжественной Россіи присоединили свои національныя и личные расчеты. А народъ обреченъ былъ на нескончаемыя жертвы въ исполненіи малопонятныхъ но тяжелыхъ для него пред- писаній. Соплидарности въ дѣйствіяхъ членовъ государ- ственнаго организма не было, не существовало здоро- вой, нормальной связи между ними. Организмъ этотъ жилъ и дѣйствовалъ, но чрезвычайно напрягался и изнурялся. Жизненная сила наклекала изъ народа. Но хлопоталъ ли кто о неоскуднѣти этой силы, имѣлъ ли народъ анологетовъ въ пользу своихъ матеріаль- ныхъ и духовныхъ интересовъ? Матеріальное богат- ство Россіи отбиралось, такъ сказать, въ казну, при- земъ предполагалось вознаграждать настоящій убытокъ большими процентами въ безрочномъ будущемъ. Всю сумму духовныхъ интересовъ народа оставила вѣра,

распавшаяся на православіе и расколъ. Утѣшала ли эта вѣра народъ, когда онъ несъ тяжелыя государст- венныя повинности? Расколъ утѣшалъ, насколько онъ захватывалъ толпу въ свои сѣти и рекомендовалъ ей бѣжать отъ службы правительству; часть народа оста- вшаяся въ православіи, за то, должна была держать двойное тягло—за себя и за бѣглецовъ. Расколъ рас- пространился, находитъ покровительство у чиновничества и духовенства. „Прешедшимъ нашего царскаго вели- чества указомъ (писалъ Пителирь) повелѣно вѣдать исповѣдаться, а не исповѣдавшихся штрафовать, а раскольничковъ окладывать, злѣю обращенію вспомо- тельно было; убо тому содѣяна пренятіе, помы едва не всѣ укрыты раскольничковъ, ово писали исповѣда- ющимися, ово никакъ не писали, а на которыхъ въ губерніи дантратамъ и поданы росписи, во по указу ни штрафовъ, ни раскольничкамъ окладу не положено, и отъ сего только благочестивые и обратившіеся—въ поношеніи и ругательствѣ“. Раскольническая пропаган- да принимала систематически правильныя формы, и сильнаго противодѣйствія въ большинствѣ случаевъ не встрѣчала; масса рабочихъ рукъ убывала при увели- чивающемся спросѣ на нихъ. „Раскольнички и безпововны (добовилъ тотъ же Пителирь) послали своего учи- теля учить въ Сибирь, и прочія также тнается посылать учителей по градамъ ради ученія“ (*). Современ- ная духовная литература обсуждала этотъ фактъ, на- сколько онъ вредалъ благословію церкви и государ- ства, возмущала спокойствіе правительства духовнаго и гражданскаго, осложняя хлопоты того и другаго касательно внутренняго умиротворенія Россіи. Сочув- ствія къ страданіямъ народа, по невѣжеству отбиваго отъ церкви и, подъ вліяніемъ суевѣрнаго страха предъ непривычными дѣйствіями государя, свотрѣшнаго на высшее правительство, какъ на антихристово,—въ петь-

(*) Чт. въ общ. собр. в древ. рос. 1860 г. IV, 282—3. Спбск.

ровской литературѣ мы не находимъ. Она карала отступниковъ, не входя въ ихъ положеніе. Гуманнѣйшія мѣры по отношенію къ расколу, допускавшіе его гражданское существованіе и въ некоторую, условную, свободу въ исповѣданіи старой вѣры, были допущены не по сочувствію къ бѣдствіямъ меньшей братіи, а по расчетамъ практически политическимъ, въ надеждѣ успокоить націю и извлечь по возможности больше выгоды ихъ физическихъ силъ простолюдина. Дозволеніе содержать расколъ подѣ условіемъ двойнаго оклада имѣло тотъ же смѣль, какой имѣлъ указъ о свободѣ вѣроисповѣданія иностранцевъ, подѣ условіемъ ихъ службы государству. — Петровское правительство, зная, что своими планами, не могло жертвовать многими въ пользу церковныхъ интересовъ и оставило ихъ на попеченіе духовенства. А много ли было въ средѣ послѣднихъ людей, способныхъ разумно соблюдать эти интересы? Мы видѣли, что дѣятелями въ устройствѣ школъ и въ духовной литературѣ были одни и тѣ же лица. Задачи имъ поставлены были не легкія, и средствъ къ достиженію болѣе или менѣе добрыхъ результатовъ представлялось не много. Только личное усердіе и изворотливость любителей духов, просвѣщенія преодолѣвали встрѣчавшіяся препятствія и приближали къ цѣли, хотя и нерѣдко съ желанной скоростью. Нельзя не подивиться выносливости въ трудѣ такихъ самоотверженныхъ любителей духов, образованія, каковыми являются предѣ нами Іовъ новгородскій, Стефанъ Яворскій, Іоаннъ Максимовичъ, Питиримъ Нижегородскій, Теофилактъ Лопатинскій, Посошковъ, Пошкаринъ, Феофанъ Прокоповичъ. Всѣ они съ честью держали знамя духовной науки; благодаря имъ, она получила прочную осѣдлость на сѣверѣ Россіи, гдѣ теперь билъ пульсъ государственной жизни. Они мужественно защищали цѣлость и честь русской церкви предѣ ея многочисленными врагами — внутренними и внѣшними, создавая, въ то же время для нея лучшія бытовыя условія въ будущемъ. Внима-

ніе защитниковъ церкви, конечно, направлялось преимущественно туда, гдѣ въ данную минуту угрожала наибольшая опасность. Католицизмъ, потерѣвшій пораженіе на югѣ Россіи на сѣверѣ ея хотя и предпринялъ рѣшительную попытку къ соединенію съ православіемъ, но не могъ рассчитывать на успѣхъ; его вѣроломство хорошо помнилось всеми представителями русской церкви. Тѣмъ смѣлѣе заговорилъ теперь, въ его имя, протестантизмъ, пользовавшійся паденіемъ противника и дружбою русского царя „съ имѣцами“. Покончивъ съ однимъ врагомъ, наша литература начала борьбу съ другимъ едва ли не сильнѣйшимъ по средствамъ и условіямъ, при которыхъ началась эта борьба. Еще грозивше опасность видѣлась со стороны раскола. Церковь русская представляла собою государство, раздѣльшееся на ея. Въ расколѣ чувствовалась сила народная. Понятно, что на него и обращено было особенное вниманіе духовной и свѣтской администраціи, естественно, что за рѣшеніе раскольническаго вопроса брались мало подготовленные къ тому люди. Соблюсти надлежащее хладнокровіе и безпристрастіе для полемистовъ не было возможности при такихъ обстоятельствахъ. Гнѣвъ ихъ обрушился на ближайшихъ виновниковъ церковныхъ нестроевъ; торопливость и горячность помѣшали имъ взглянуть на дѣло глубже и отвести сънисходительнѣе къ меньшей братіи, незнавшей — куда дѣваться и кому вѣрить: правительству ли, законности, котораго была сильно недооцѣнка, или апостоламъ древляго благочестія, съ эвтуазмомъ доказывавшимъ, что повиноваться императору — прямая погибель. Народъ — сила охранительная, и потому во всякой реформѣ, касающейся всего государства, только то дѣйствительно, что проникаетъ въ народъ. Своею инстинктивною преданностію старинѣ, обычаю, привычкѣ онъ противится всякому движенію впередъ, всякому успѣху и медленно съ упорствомъ поддается натиску примающихся къ нему сверху нововведеній. Этимъ онъ, съ одной сто-

роны, предохраняет само общество от произвольных уклонений от нормы народной жизни, ибо никогда не примет ничего не свойственного и, стало быть, вреднаго ей, съ другой—дѣлает прочными все результаты историческаго развитія, которыхъ не можетъ не принять⁽¹⁾. При всей своей неразвитости, русскій народъ, вематриваясь въ слишкомъ рѣшительныя дѣйствія петровскаго правительства на новомъ пути, на ряду съ дурными привычками ревностно отстаивалъ и добрые обычаи старины, понимая, что не все же дурно изъ того, на чемъ стояла древняя Русь. Какъ знать, до чего могло бы дойти у самого Петра увлеченіе западомъ, подражаніе иностранцамъ, если бы онъ не имѣлъ въ виду консерватизма націи. Къ сожалѣнію, протестъ народа выразался большею частію во враждебномъ тонѣ, не находя себѣ открытаго сочувствія въ высшихъ сферахъ. Сравнительно образованныхъ представителей изъ среды самаго народа, въ родѣ Посошкова, насчитывалось немного. Да и Посошковъ не щадилъ въ своихъ обличеніяхъ простолюдина за его неповиновеніе власти; онъ видѣлъ въ расколѣ антиправительственный и антицерковный бунтъ и больше ничего. Не диво, если въ жалобахъ массы, подавленной и оскорбленной равнодушіемъ къ ея симпатіямъ, встрѣчаются такіа рѣзкія сужденія: «Когда его (Петра) Богъ на царство послалъ (сѣтовалъ крестьянныя), такъ и свѣтлыхъ дней не стало; тягота на міръ, рубля да полтина; да подводы; отдыху нашей братіи крестьянству нѣтъ». «Міровды! (говорилось о государѣ) весь міръ перебѣлъ, на его кутилку переводу нѣтъ, только переводить добрыя голова». «Онъ вѣмечь отъ вѣмки родился... Лысець, и антихристь, отъ нечистца дѣвы рожденъ»⁽²⁾. Иначе разсуждать народъ не могъ; у него не было данныхъ для этого. Не поминаніи истинности его замечаній дѣлаютъ замечанія эти общими и вѣчными. Указомъ 1721 года описаны двоякъ (1) Соч. Власьева XI, 455. (2) Копіею изъ стариннаго архива (1) Тр. Бѣв. Дух. Ак. 1878 г., Аорт. № 136 (онъ) 1721 года.

лія о значеніи новыхъ мѣропріятій для будущаго Россіи, онъ смотрѣлъ пессимистическимъ взглядомъ на ея настоящее и не находилъ въ немъ ни чего отраднаго для себя. Православныхъ императоръ давилъ, пошлыми облагаетъ, а вѣмечь жалуетъ, заводитъ какой-то флотъ, а съ церковью колокола свиваетъ; на раскольниковъ кладетъ двойную подать, а патриаршество уничтожаетъ; иностранцевъ, еретиковъ обласкалъ и обезпечилъ, имъ далъ полный ходъ въ словѣ и въ дѣлѣ, а русскому духовенству запрещалъ писать... Выводъ изъ подобныхъ соображеній получался и печальный и опасный. Низшее духовенство мысляло такъ же; даже и въ высшемъ обнаруживались лица, сочувствовавшія Талицкому. Въ результатѣ явилась необходимость для правительства учредить фискальство и безпримѣрную по своей строгости цензуру.

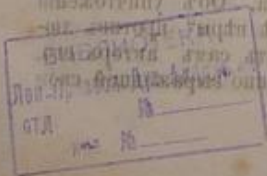
Какъ на грамотное сословіе, на духовенство обратили особенное вниманіе. Изданы указы, рѣшительно запрещающіе писать людямъ, не подлежащимъ постоянному надзору какого либо начальства. Такъ какъ бумага и чернила водились больше всего въ монастыряхъ, то тамъ ихъ и не позволялось держать по кельямъ безъ разрѣшенія настоятеля, лица ответственнаго за благомысліе подчиненныхъ. Указовенія такого рода сохранились отъ начала и отъ конца царствованія Петра⁽³⁾. Единственнымъ средствомъ для выраженія недоумѣній и неуряди къ дѣйствіямъ правительства осталась тайная пропаганда, устная и письменная. Въ устраненіе этого скрытаго зла, опаснаго болѣе, чѣмъ открытаго, работали фискалы. Они должны были проникать всюду и безошадно выкапывать нечистоту, о которой въ указѣ сказано: «и отъ дѣланія ихъ выводитъ и вѣдомъ...»⁽⁴⁾ Указомъ 1721 года описаны двоякъ (1) Соч. Власьева XI, 455. (2) Копіею изъ стариннаго архива (1) Тр. Бѣв. Дух. Ак. 1878 г., Аорт. № 136 (онъ) 1721 года.

довольныхъ, отправляя опаснѣйшихъ изъ нихъ въ застѣнокъ Преображенскаго приказа. И никто противъ этого не молвилъ громкаго слова, — всё были запуганы до крайности. На протестъ отваживались самые отчаянные, больше раскольники, сплотившіеся дружной массой и мало боявшіеся измѣны въ своей средѣ. Возражать нельзя было не только противъ дѣйствій правительства, но и противъ поведенія тѣхъ, кого оно облюбовало, къ кому благоволило. „Камень вѣры“, „Рожденецъ“, „Апокризисъ“, сочиненія Посошкова, гдѣ заключались жалобы на вѣмцевъ протестантовъ, при Петрѣ не печатались; они могли дурно повліять на духовенство и на народъ и еще больше возстановить ихъ противъ царской власти, покрывавшей иностранцевъ. Даже проповѣди, которыя успѣли произнести м. Стефанъ въ обличеніе протестантскихъ идей, усвоенныхъ русскимъ обществомъ, навлекли на него немилость и подверглись запрещенію. Говорить позволялось только за реформу и противъ враговъ ея. За уклоненіями отъ этихъ двухъ гармонизировавшихся темъ Петръ слѣдилъ очень зорко и допускалъ въ печать только возможные варіаціи на нихъ, или вещи безразличныя въ политическомъ отношеніи.

Остаивая вниманіе на количествѣ произведеній духовной литературы петровской эпохи, нельзя не удивится ихъ малочисленности. Сравнительно съ литературною производительностью прежняго времени эта эпоха представляетъ отрадное явленіе, но отъ ея жизненности и отъ ея дѣятелей можно было ожидать большаго. — Объясненіе такого факта нужно искать прежде всего, конечно, въ цензурѣ Петра. Недавно приведенныя постановленія цензурнаго закона не только уничтожали готовые сочиненія, но и отбивали охоту у грамотныхъ людей высказываться по поводу современныхъ событій, какъ ни поразительны были они, какъ ни сильно задѣвали житейскій кодексъ до петровскаго россиянина, какъ ни просились на бумагу. Ручаться за удовлетворительность своихъ сужденій о разныхъ

моментахъ реформы не могли самые образованные люди, даже стоявшіе близко къ государственному перевороту и до нѣкоторой степени посвященные въ его тайны. О насевія и отговорки, робость въ изложеніи взглядовъ сказывается постоянно, за исключеніемъ сочиненій Ѳ. Прокоповича, счастливаго своимъ оптимистическимъ пониманіемъ дѣла и необыкновенною близостью къ государю. Даже неумѣли угадать по вновь появившемуся общественномъ дѣятелю сторонника или врага реформы не обходилось безъ раскаянія своего рода и безъ непріятностей. Когда Ѳеофанъ поселился въ Петербургѣ и объявилъ свои сжѣлыя научныя убѣжденія, на него архіерея взглянули подозрительно. М. Стефанъ, старѣйшій изъ іерарховъ, долженъ былъ высказаться о немъ прежде другихъ, и когда высказался не въ пользу его, принужденъ былъ потомъ просить у Ѳеофана извиненія и унижаться. За содержаніемъ проповѣдей Стефана слѣдили неутомимо, послѣ того какъ онъ проговаривался относительно вреднаго вліянія иностранныхъ идей на русское общество; мужественный защитникъ церковныхъ интересовъ и тутъ доведенъ былъ до нравственно-тяжелыхъ объясненій съ царемъ и сенаторами. Въ концѣ сочиненія „Знаменія пришествія антихристова“ авторъ дѣлаетъ приписку: „Сія вси богомудрому церкви святаго ризсужденію вручаю; готовъ исправить аще въ чемъ погрѣшихъ“. Вопросъ объ антихриствѣ, помимо своей богословской трудности, былъ щекотливымъ вопросомъ въ петровскую эпоху, при обсужденіи его требовалась большая осторожность. „Обличеніе неправды раскольнической“ отпечатано послѣ исправленія, уже въ царствованіе Елизаветы Петровны, а раньше задерживалось. Ѳ. Лопатинскій попалъ въ немилость. Пятиримъ скрѣпилъ свою книгу въ началѣ и въ концѣ именемъ богопомощнаго царя Петра Алексѣевича. Объ уничтоженіи излишнихъ рѣзкостей въ „Камнѣ вѣры“ противъ лютеранъ вынужденъ былъ хлопотать самъ авторъ его. Посошковъ въ „Зерцалѣ“ откровенно выражавшій свои

митія, и сильно возстававшій противъ иѣмцевъ протестантовъ (въ Зерцаль и Зарѣцаніи отеческомъ) хотя и сильно желалъ, чтобы его сочиненія отпечатались, не удостоился этого и за что-то умеръ тюръмъ. „Рожнецъ духовный“, при всѣхъ своихъ научныхъ достоинствахъ, также не попалъ въ печать. Между тѣмъ каждая строчка Ѳ. Прокоповича публиковалась торопливо не только на русскомъ, но верѣдко и на латинскомъ языкѣ. Очевидно, цензурный законъ достигъ своей цѣли заставивъ до крайности осмотрительно обращаться съ бумагой и чернилами, которые стали запрещеннымъ плодомъ. Говорить и писать въ пользу реформы, когда она не нравилась было недобросовѣстно и тяжело. Люди, игнорировавшіе дурныя стороны и послѣдствія реформы, способныхъ видѣть только ея будущіе всеневкушающіе плоды, насчитывалось немного въ средѣ духовенствъ; а такихъ, которые, понимая значеніе реформы во всей полнотѣ и, въ тоже время, не опускала изъ вида ея вредныхъ сторонъ, уравнивали бы свои сужденія и не вдавались въ крайности похвалы и порицанія, совсѣмъ не было. Петръ служилъ прямымъ руководителемъ литературной дѣятельности. Увлеченіе хорошими сторонами его преобразованій поощрялось, порицаніе дурныхъ — вытѣснялось; и безъ увлеченія, безъ страсти, безъ лишняго слова, при Петрѣ ничего не говорилось, не писалось. Характерны самыя заглавія нѣкоторыхъ, рассмотрѣнныхъ нами, сочиненій. „Правица“, „Рожнецъ“, „Камень“, — все названія, выражающія съ перваго слова неприязнь къ литературному противнику, желаніе покончить съ нимъ однимъ ударомъ и, во всякомъ случаѣ, обойтись не совсѣмъ миролюбиво.

Отглавленіе.

	Стр.
I Духовное образованіе при Петрѣ Великомъ.	
1) Умственное и нравственное состояніе духовенства при Петрѣ В. по Посошкову	3.
2) Идеалы и проекты духовной школы а) Посошкова, б) Южно-русскихъ просвѣтителей и в) Ософана Прокоповича (по «Духовному Регламенту»)	9.
3) Осуществленіе означенныхъ идеаловъ и проектовъ на практикѣ. Препятствія, встрѣчавшія ревнителямъ духовнаго образованія при устройствѣ школъ	26.
II Духовная литература при Петрѣ В.	
1) Учебники и пособія, написанные для школъ по разнымъ предметамъ преподаванія въ нихъ	43.
2) Сочиненія по догматическому богословію	62.
3) Полемически апологетическія сочиненія духовныхъ писателей Петровской эпохи	83.
4) Сочиненія противъ протестантизма	93.
5) Протавораскольническая литература при Петрѣ В.	120.
6) Проповѣдническая литература	146.
7) Разныя нравственно назидательныя и толковательныя сочиненія	193.
8) Общій взглядъ на духов. литературу Петровской эпохи	200.

Электронное издание подготовлено
Отделом религиозного образования и
катехизации Ижевской и Удмуртской
епархии

www.izhoroiik.ortox.ru

